Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

На далекомъ сѣверѣ

Затерянные въ океанѣ. — У плеса. — Міроѣдъ. — Васька Быковъ. — Морская драма.

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
Книжный Складъ | Книжный Магазинъ
Стремянная, 12 | Невскій, 96

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Іюня 1903 г

С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

I.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВЪ ОКЕАНѢ.

(Очеркъ).

Далеко, далеко отъ насъ затерялся въ зимнихъ льдахъ и непроглядныхъ туманахъ холодный, таинственный край. Цѣлые мѣсяцы сплошнаго дня, по полугоду — непрерывная ночь—и за роковою гранью, которую еще никто не перешелъ, загадочный, невѣдомый полюсъ... У этого рубежа писались предлагаемые очерки, подъ унылый вой арктическихъ вьюгъ, подъ трескъ ледяныхъ островов, подъ ревъ холоднаго негостепріимнаго моря...

Третій день уже носимся мы на утломъ обломкѣ ледяной глыбы по этому дикому, безпріютному морю. Утромъ на океанѣ загораются алыя зори, весь неоглядный просторъ неизвѣстно откуда и куда несущихся валовъ обливается ровнымъ розовымъ свѣтомъ, а земли—ни впереди, ни позади! Напрасно воспаленный взглядъ мой приковывается къ синей чертѣ едва замѣтнаго горизонта. Увы! Повсюду одна величавая гладь, одно мертвое молчаніе,—пустыня безъ конца, безъ края.

Подымается яркое, холодное солнце. Словно расплавленное серебро, горятъ неровные гребни медленно подступающихъ волнъ; съ тихимъ ропотомъ вздымаютъ и опускаютъ они нашу льдину и уносятся въ синюю даль, въ ту смутную, недостижимую даль, гдѣ чернѣя надъ клокочущей бездной, сурово возвышаются острыя скалы и

могучіе утесы сѣвернаго побережья... И снова тишь. Порою, сверкнетъ въ лазури безоблачнаго неба бѣлое крыло арктической птицы, сверкнетъ—и утонетъ въ безконечномъ просторѣ. А волны все надвигаются, одна за другой, и уходятъ. Меньше становится эта утлая льдина. Съ суевѣрнымъ ужасомъ глядимъ мы въ зеленоватую глубь, какъ въ бездонныя очи чудовища, которое сегодня или завтра должно поглотить насъ.

Ниже и ниже опускается солнце... Морская даль словно дрожитъ и мерцаетъ въ золотисто-розовой дымкѣ... Гаснетъ чистый западъ; на востокѣ густѣетъ и расползается тьма—шире и шире. Горизонтъ все уже и уже. Вотъ и его охватило густой синевою тихо наступившей ночи; мы едва различаемъ на нѣсколько сажень отъ насъ змѣистые гребни волнъ. Тьма, безпросвѣтная тьма! Словно царство ужаса и смерти, охватываетъ насъ она своими неосязаемыми тѣнями. Дождемся ли мы утра?.. Въ недосягаемой вышинѣ вспыхнула блѣдно-зеленоватая звѣзда... другая... третья... Повсюду разлился едва мерцающій свѣтъ.. А волны все бѣгутъ и бѣгутъ, однѣ за другими, унося насъ въ невѣдомую даль. Гдѣ конецъ этой пустыни, гдѣ берега этого полярнаго моря?

Иногда ночь озаряется блѣдно-синимъ заревомъ таинственнаго сіянія. Въ недвижной дали словно подымаются, колеблются и опускаются тысячи колоссальныхъ факеловъ. Порою, сіяніе вспыхиваетъ ярче, полосы загадочнаго свѣта гигантскими руками опоясываютъ небо, стелятся и волнуются, раскидываются во тьмѣ лучезарными снопами, безчисленными столбами ходятъ по горизонту, гаснутъ, гаснутъ—и вдругъ, разгораясь, подымаются до зенита и висятъ надъ нами величественно-мерцающей огневою короной... А мы все плывемъ и плывемъ, сбившись на ледяномъ обломкѣ въ одну кучу... а мы все плывемъ и плывемъ въ неизслѣдованныя еще широты, и только вой несчастной, оставшейся съ нами, собаки нарушаетъ полное ужаса молчаніе этой безжизненной пустыни.

О, какъ усталъ я! Сегодня мы раздѣлили послѣдній

запасъ соленаго мяса. У насъ остается нѣсколько кусковъ хлѣба, пригоршня соли, да немного воды. Что будетъ завтра, послѣ завтра, если нашу льдину не сотретъ этими вѣчными, мѣрно вздымающимися волнами. Ни слова. Всѣ молчатъ. Бѣдный старикъ-охотникъ и день, и ночь молится Богу, съ тоскою глядя на неподвижное небо. Онъ выплакалъ всѣ свои слезы—и сухіе, воспаленные глаза его какъ будто допрашиваютъ у Провидѣнія, куда оно ведетъ насъ этими загадочными путями: въ бездонныя ли бездны океана, или къ невѣдомымъ материкамъ таинственнаго полюса. Молодой парень, недѣлю тому назадъ, уходя на промыселъ, такъ ласково прощавшійся съ своею статною, красивою невѣстой, съ выраженіемъ тупого, словно закостенѣвшаго на лицѣ отчаянія, легъ навзничь, охватилъ руками свою кудрявую голову и замеръ безъ движенія. Лохматый песъ жмется ко мнѣ и воетъ, словно я самъ не слабѣе его въ эту минуту.

О, безконечная ночь! Когда ты кончишься?

Я въ изнеможеніи закрылъ глаза и забылся. Въ моихъ ушахъ то гудѣлъ прибой волны, набѣгавшей на нашу льдину, то лились какіе-то загадочные звуки, словно рождавшіеся въ моемъ мозгу. Я прислушивался къ нимъ, стараясь отгадать ихъ значеніе. То обрывки знакомыхъ арій, то любимая моя пѣсня, которую въ иной странѣ и подъ иными небесами пѣвали мнѣ дорогія уста. Чья это нѣжная рѣчь, чьи это глаза сіяютъ мнѣ знакомымъ грустнымъ свѣтомъ?.. О, ты склонилась ко мнѣ, моя дорогая! Я снова съ тобою, это твое горячее дыханіе, твои теплыя, мягкія руки... Такъ, это былъ тяжелый сонъ. Мнѣ снилось, моя любимая, что заброшенный на утлую льдину, я плыву на ней по безконечному простору полярныхъ морей... О, какъ я счастливъ, какъ хорошо мнѣ съ тобою! Прижмись ко мнѣ ближе, обойми меня, спой мнѣ ту счастливую пѣсню, которую слышало наше отгорѣвшее подъ веселый смѣхъ и звонкія шутки дѣтство. Я помню, когда въ первый разъ она прозвучала намъ, солнце такъ весело свѣтило въ окна нашего домика, на твоемъ окнѣ распус-

тились красивыя фуксіи, за стеклами, словно осыпанная алмазною пылью, колыхалась сирень ароматная, а тамъ, за нею, высились стройные тополи, зеленѣли молодые дубки, и ярко сверкала волнистая линія говорливаго потока... И помнишь—звуки рояля, эти небрежные, смутные звуки, что такъ глубоко проникаютъ въ душу, и вдругъ эта пѣсня свѣтлая, счастливая, какъ роскошное утро золотой весны, какъ первыя слезы любви, какъ первая улыбка на диво разцвѣтшей красавицы.

— Тонемъ!

Словно громовой раскатъ раздается надо мною. Я просыпаюсь и вскакиваю. Громадный валъ чуть было не разбилъ ледяную глыбу.

Гдѣ этотъ счастливый сонъ?.. Водяныя брызги осыпали насъ иззябшихъ, продрогшихъ. Многозвѣздная ночь виситъ и мерцаетъ надъ нами, косматые гребни валовъ подымаются направо и налѣво, а впереди миріады этихъ гребней — и нѣтъ имъ конца. Да гдѣ же берегъ, гдѣ край этой мертвой пустыни?

— О, Господи! — слышна молитва старика. — Простри десницу твою надъ нами, днесь сотвори чудо и изведи насъ отсюда, яко извелъ народъ твой изъ Египта. Яви силу твою, Господи!

А волны все набѣгаютъ, и безконечный просторъ все ярче и ярче обливается свѣтомъ разгорѣвшихся звѣздъ. Мѣрно колышется наша льдина, словно убаюкивая насъ передъ близкой кончиною, и мы все плывемъ, да плывемъ впередъ, въ ту непроглядную синеву, гдѣ кончается это полярное море, и незамѣтно начинается это звѣздное небо.

— Марья, голубка моя! Заѣдятъ тебя люди злые, захирѣешь ты, моя бѣдная, за немилымъ! — простоналъ внезапно очнувшійся парень, которому снилась далекая, затерянная въ тундрѣ неисходной, родная деревня, гдѣ, словно цвѣтокъ полевой, взросла его милая, далекая!..

На востокѣ чуть брежжетъ. Первые лучи разсвѣта проникли и въ наши измученные глаза. Мы едва ихъ открыли на встрѣчу чудному солнцу.

Легче дышется, больше вѣрится въ близкое спасеніе.

Опять неподвижные глядимъ мы впередъ, въ эту синюю даль, не мелькаетъ ли гдѣ едва замѣтная черта пустыннаго острова, посѣщаемаго норвежцами и нашими промышленниками, не забѣлѣется ли, словно крыло одинокой чайки, парусъ поморской шкуны. Часы идутъ за часами. Все небо уже облито алымъ, густымъ румянцемъ начинающагося дня; тише бьютъ волны о неровные бока нашей льдины; вотъ, на краю этого полярнаго моря, словно расплавленное золото, прорѣзался дискъ восходящаго солнца: выше и выше ползетъ оно,—а небо и море безжизненно чисты. Ни земли, ни паруса! И опять въ тупомъ отчаяніи, какъ приговоренные къ смерти, ложимся мы, завернувшись въ скоробившіеся отъ холода совики. Думы, одна другой мрачнѣе, грезы, воспоминанія прошлаго съ ужасающей быстротой мѣшаются въ моей головѣ, а тутъ надъ ухомъ этотъ вѣчный гулъ, этотъ печальный рокотъ словно кого-то оплакивающаго моря.

О, если бы забыться, только на одинъ часъ, на одну минуту! Стараешься ни о чемъ не думать, а назойливыя, темныя мысли сами лѣзутъ въ голову. А воспоминанія, одно ярче другаго, такъ и вьются вокругъ моего ледянаго изголовья. И, не знаю почему, пришелъ мнѣ, наконецъ, на память далекій шумный городъ съ могучею, вѣчнымъ разладомъ кипящею жизнью, съ широкими и людными улицами, скованными гранитомъ, съ высокими, словно гробницы, мрачными домами.

Снова знакомымъ чувствомъ жгучей тоски отозвались эти воспоминанія въ моемъ сердцѣ, и картины, одна лучезарнѣе другой, поднялись передо мною. Всѣ пережитые дни, всѣ пережитыя ночи!...

И пришла мнѣ на память—одна счастливая ночка!

Лунная, свѣтлая, вся потонувшая въ звѣздномъ мерцаніи, въ чудномъ покоѣ.

Я шелъ вдоль одного изъ каналовъ.

Струи его сверкали свинцовымъ тусклымъ блескомъ. Издали звучно падали въ воду и звучно подымались бѣлыя

весла, и изъ-подъ яркихъ брызгъ, впереди серебристаго слѣда, подвигалась лодка быстро и ровно. Передо мною вдругъ поднялись высокіе столбы и желѣзныя цѣпи одного изъ мостовъ. Направо легла широкая, прямая улица; съ бѣлыми, облитыми сіяніемъ домами, съ пустою и тихою площадью, посрединѣ которой изъ зелени тополей и березъ высилась бѣлая церковь съ ярко-сверкающимъ крестомъ.

Все было тихо и спокойно. Я долго шелъ, опустя голову. Невеселыя темныя мысли бродили въ моей головѣ. Вдругъ издали донеслись ко мнѣ какія-то поющія, раздражительныя нотки и стихли въ звучномъ аккордѣ. Вслѣдъ за ними, словно въ самомъ сумракѣ ночи, осталось что-то музыкальное точно въ немъ дрожала еще одна, еще не отзвучавшая нотка.

Я остановился и прислушался.

Звуки опять полились громче и громче. Въ одномъ изъ небольшихъ домиковъ, впереди, были раскрыты окна. Бѣлая полоса свѣта ложилась оттуда на ровную плоскость затонувшей въ тѣни улицы. Подъ яркимъ свѣтомъ, сидѣла у рояля молодая женщина, слегка наклонившаяся. Я различалъ только полураспущенные волосы, окраину тонко очерченнаго личика и граціозный изгибъ шейки. Вся она была окутана въ легкій бѣлый барежъ. Руки ея небрежно и быстро дотрогивались до клавишей, и звуки, воздушные и чистые, дивными сочетаніями разбѣгались въ открытыя окна. Мелодія, полная страсти и нѣги! Она пѣла громкую пѣснь любви, съ ея муками и счастьемъ. Грустныя ноты проходили порою какъ темныя тучки на лазурномъ небѣ лѣтняго полудня.

Я стоялъ и слушалъ, какъ очарованный.

И вдругъ неоконченная пѣсня оборвалась громкимъ рыданіемъ, съ которымъ какъ-то смутно на одно мгновеніе слились послѣднія отзвучія рояля. И снова все стало тихо, затворились окна и не растворялись болѣе. Бѣлая ночка плыла надъ городомъ... А я все стоялъ и ждалъ чего-то.

Не знаю почему, эта лунная ночь встала надо мною теперь во всей своей обаятельной прелести, воскресла всѣми своими обаятельными звуками.

И припалъ я лицомъ къ холодной льдинѣ и въ первый разъ зарыдалъ надъ своею безумно растраченною жизнью.

А волны все уносили насъ, далеко-далеко!

А море все искрилось пустынное, безбрежное.

— «Земля, земля!» вдругъ прозвучало надо мною. Я вскочилъ и бросился впередъ къ старику, стоявшему на колѣняхъ, на краю льдины. Изсохшая, слабая рука его была протянута впередъ, глаза не отрывались отъ синевы далекаго горизонта, на которомъ туманно рисовались какія-то неопредѣленныя очертанія.

— Земля, земля!—повторялъ за нимъ молодой парень, словно сумасшедшій, бѣгая по небольшому пространству, оставленному намъ ледяною глыбой.

— Земля, земля!—повторилъ я за ними, забывая въ эту минуту всѣ только что испытанныя мною ощущенія, всѣ муки и страданія. Прошлое, казалось, отошло въ недосягаемую даль, настоящаго не существовало, только одно будущее неотразимо манило насъ къ себѣ. Каково бы оно ни было это будущее, мы съ трепетомъ радости и надежды ждали его. Что встрѣтитъ насъ на этомъ туманномъ клочкѣ материка—суровыя гранитныя скалы, сѣрая голь безплодной земли, или уединенное, промысловое становище китобоевъ? Что намъ за дѣло! Мы могли попасть тамъ въ лапы голодной семьи ошкуевъ (бѣлыхъ медвѣдей), могли умереть съ голоду,—да не все ли равно, о Боже, лишь бы избавиться отъ этой проклятой ледяной глыбы, лишь бы скорѣе оставить ея колеблющуюся, постоянно омываемую волнами дикаго моря поверхность.

— Гляди, отнесетъ!—предупредилъ парень.

— Не... Къ матерой, прямь ладитъ!—отвѣтилъ ему зорко глядѣвшій вдаль старикъ.

— Разобьетъ!

— Для ча? Коли и бултыхнетъ, рази вплавь не доймемъ? Гляди-ко ростетъ какъ!

Благодатный берегъ быстро выросталъ передъ нами.

Края его ширились и ширились. Нѣсколько разъ мѣнялись очертанія его вершинъ. Никто изъ насъ не отрывался отъ этого далекаго оазиса, гдѣ конецъ нашимъ страданіямъ и скитальчеству. Каждый создавалъ себѣ картину мало-помалу опредѣлявшагося острова.

— Хорошо, коли становье есть. Избы поди-чай цѣлы.

— Двадцать лѣтъ по морю хожу, а этого острова не видалъ. Матка не матка, и не Колгуй-островъ!—раздумчиво повторялъ старикъ, пристально вглядываясь туда.

— Да и запасы въ избахъ имѣются. Таперча, главно вода чтобъ.

— Что это зеленѣетъ по немъ—словно лѣса бы?—Мы еще пристальнѣе стали всматриваться въ туманную даль спасительнаго берега. Сердце билось часто и сильно, грудь высоко подымалась, въ каждомъ росла нервная сила. Парень уже свернулъ было свой совикъ, чтобы не мѣшалъ на случай, еслибы пришлось плыть до берега. Только одна собака попрежнему безнадежно выла, оглядывая море и небо и прижимаясь къ намъ.

— Гляди, братцы!—отчаянно крикнулъ старикъ.—Край отъ, край-отъ!

Мы замерли отъ ужаса.

Одна изъ береговыхъ окраинъ медленно поднялась на небо и расползлась по немъ сѣрою тучкой. Скоро и весь благодатный край, тихо вздымаясь, повисъ надъ синевою моря.

— Туча, Господи!—простоналъ парень.

Увы, передъ нами снова ширился однообразный пустынный просторъ. Только жемчужная тучка, отливаясь подъ лучами солнца перламутровымъ блескомъ, тихо неслась по лазури чистаго неба, вытягиваясь и охватывая его своею прозрачною дымкой... Мы недвижно стояли на краю ледяной глыбы.

Ни мысли, ни сознанія!

Медленно, словно обморочно, билось сердце, руки безсильно опускались, въ глазахъ у каждаго стояли слезы.

Первый очнулся парень. Тихо развернувъ совикъ, онъ

закутался въ него и снова легъ навзничь. Тупо поводя глазами, оглядывалъ онъ эту безпредѣльную гладь.

— Помирать, братцы, пора пришла!—простоналъ старикъ.

— Въ водѣ,—акула съѣстъ.

— Никто какъ Богъ—его святая воля!

Мы раздѣлили послѣдній хлѣбъ и выпили послѣднюю воду. Полнѣйшая безпомощность охватила насъ. Отнынѣ къ страданіямъ этого страшнаго скитальчества присоединялись голодъ и жажда.

— Собака есть!—словно отгадалъ общую мысль парень.

— Вѣрный-отъ? Что-жъ ты его съишь, товаришша?..

Вѣрный, словно чувствуя, что говорятъ о немъ, завылъ еще громче и заметался по скользкой поверхности нашего плавучаго островка.

А волны все набѣгали, гряда за грядою, медленно и ровно, съ глухимъ рокотомъ, слизывая бока нашей льдины. Впереди и позади, направо и налѣво—одинъ безконечный просторъ, одна мертвая пустыня.

Ни звука, ни слова!..

— О, Господи! Спаси несчастныхъ скитальцевъ!—повторяю я вслѣдъ за старикомъ, провожая уже исчезающую на противоположной сторонѣ лазурнаго неба тучку...

Опять полярная ночь. Опять по небу заходили сполохи—а мы все плывемъ да плывемъ въ непроглядную даль. Вновь засвѣтилась зорька, разцвѣло ясное утро—а конца нашему пути невидно. Та же морская да небесная синь, тѣже косматые гребни этихъ вѣчныхъ волнъ, та же тоска окаянная... Ни капли воды, ни крошки хлѣба! Голодъ и жажда. Каждый изъ насъ лежитъ неподвижно, завернувшись въ свой совикъ. Ни искры надежды! Кажется, это море безконечно.

Мимо насъ проплыла акула. У самой льдины она граціозно повернулась животомъ вверхъ и могучимъ хвостомъ подбросила цѣлую тучу брызгъ и пѣны. Вотъ оно—это

чудовище морей и океановъ. Мы съ ужасомъ всматривались въ него, словно предчувствуя, что и намъ суждено въ невѣдомыхъ глубинахъ быть пожранными этими царями водяныхъ пространствъ. Даже собака, и та, повидимому, поняла опасность. Мгновенно примолкнувъ, она только дрожала, глядя на это колоссальное тѣло, такъ прихотливо извивавшееся среди набѣгавшихъ валовъ.

— Прошла, слава Богу,—прошепталъ парень, когда акула очутилась сажень за десять отъ ледяной глыбы.

— Идетъ, идетъ. Опять идетъ!

Мы невольно дрогнули. Я стоялъ ближе всѣхъ къ окраинѣ льдины и не могъ пошевелиться отъ ужаса. Акула, снова шаловливо изгибаясь и подбрасывая воду, подплыла къ намъ и вдругъ обернулась, уставя на меня свои зеленоватые, словно бездонные глаза. Я чувствовалъ, какъ билась каждая моя жилка, какъ отъ висковъ отливала къ сердцу кровь. Меня такъ и тянуло въ воду. Какой-то магнетическій токъ исходилъ изъ этихъ бездонныхъ глазъ. Я протянулъ руки, я уже подался впередъ безъ сознанія, безъ всякой мысли. Это было какое-то обморочное чувство... А глаза чудовища въ это время переливались изъ безцвѣтныхъ въ зеленые, изъ зеленыхъ въ черные, изъ черныхъ въ какіе-то оловянные... Вдругъ что-то завизжало за мною, кто-то потянулъ за полу моего совика—я очнулся и, разомъ отпрянувъ назадъ, поскользнулся и упалъ на льдину. Оглядѣвшись, я увидѣлъ, что спасеніемъ своимъ обязанъ Вѣрному: это онъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія, нарушилъ это мертвящее, чарующее безмолвіе.

Мои спутники находились въ томъ же положеніи. Коекакъ намъ удалось забраться подальше отъ окраины и забиться въ небольшую выбоину. Акула попробовала было могучимъ ударомъ хвоста опрокинуть льдину, но только на одну секунду погрузила ее въ воду. Колыхнувшись разъ или два, наше жалкое пристанище снова поднялось вверхъ—и понеслось въ морскую даль.

Акула медленно плыла за нами.

Акула другой день уже слѣдитъ за льдиной. Мы почти привыкли къ чувству постояннаго ужаса. Нервы ли наши притупились, или голодъ обезсилилъ, только мы стали совершенно равнодушны ко всему, ожидающему насъ. Не все ли равно, умереть въ зубахъ чудовища или утонуть въ бездонномъ океанѣ? А оставаться на этой утлой льдинѣ—значитъ обрекать себя голодной смерти.

Сегодня небо покрыто тучами, сѣрое, сѣрое – низко виситъ оно надъ нами, и море стало такимъ же сумрачнымъ, словно свинцовымъ. На этомъ темномъ просторѣ рѣзко вздымаются, змѣятся бѣлые гребни валовъ, словно гривы милліоновъ чудовищъ, гоняющихся за нами... А земли все невидно! Да мы ужъ и перестали думать о ней.

— Ночь будетъ темна,—прохрипѣлъ старикъ.—Великъ твой гнѣвъ Господи! Но безмѣрны и преступленія мои передъ тобою.

«Помѣшался», промелькнуло у меня въ головѣ.

— Пора, братья мои, каяться, не будетъ вамъ спасенія, пока я съ вами!

— Ложись, дядя!—угрюмо проворчалъ парень.

— Небось, въ своемъ еще умѣ. Великій я грѣшникъ, товарищи, за меня Господь и васъ неповинныхъ караетъ. Лучше-жъ мнѣ одному пропасть—можетъ, исполнится мѣра святаго гнѣва Его—и пошлетъ онъ къ вамъ ангела-избавителя!—И старикъ опустилъ голову на руки.

— Слушайте, братцы... давно это было, а и до сихъ поръ еще душу, словно могильный камень, давитъ дѣло это злое. Молодъ, да богатъ я былъ. Отецъ въ поморьѣ контрабандой разжился—норвецкій ромъ сбывалъ. Извѣстно, и меня ремеслу этому обучилъ. Отчаянности во мнѣ черезъ край было; кажись, изъ одной удали на всякое дѣло пошелъ бы. Разъ это остановились мы со шхуной у города Тромсина (Тромзе), есть такой—почитай у самой нашей границы стоитъ. Шибко мы торговали тамъ. Отецъ послалъ меня съ рыбой. Норвецкіе купцы хорошо насъ принимали, а меня, какъ грамотнаго

да ловкаго—и въ дома свои зазывали. Тутъ и познакомься я съ одной дѣвушкой!..

— Хороша была—моя бѣдная! Какъ теперь вижу—глаза изъ синя-синіе, словно даль морская, приманчивые. Волосы черные—куда нашимъ бабамъ до красы такой! Не дуренъ и я былъ парень—по всему поморью славился. Ну, и спознались мы. Конецъ, извѣстно, какой: пришлось ей бѣжать со мною, чтобы отъ стыда избавиться. Переодѣли мы ее, никто не узналъ, какъ выходили, да и осмотры тогда были не то, что нынѣ. Привезъ ее въ поморье къ намъ—анъ грѣхъ ужъ и замѣтенъ сталъ. Дѣвкамъ нашимъ на смѣхъ оставить не хотѣлось; ну, и свезъ ее въ скитъ одинъ: много ихъ тогда въ нашей глухой сторонушкѣ стояло.

— Пришло ей время рожать... Тутъ и случился первый мой грѣхъ—грѣхъ великій! Какъ было дитё отцу показать. Я отъ него и Марью-то мою (такъ звали ее) спряталъ. Вотъ и взялъ я ребенка, словно къ чужимъ намѣченнымъ людямъ свести... да и свезъ прямо въ темный лѣсъ... удавилъ... подъ сосною тутъ и зарылъ ангела Божьяго, младенца не повиннаго... Овражекъ тамъ такой есть... темный... Господи, Господи! — простоналъ онъ. — Дай мнѣ смерть лютую, сподоби только увидѣть его тамъ, въ Царствіи Твоемъ!

— Воротился. Марья моя выздоровѣла—о сынѣ сказалъ, что у чужихъ людей ростетъ. И такая, братья мои, послѣ самого этого убивства ненависть къ ней неповинной проявилась у меня—понять доселѣ не могу. И гулять-то мнѣ хотѣлось—а куда я съ нею пойду. Любила она меня попрежнему. Сильнѣй ужъ и любить нельзя было. Ласкала, миловала—однимъ мною и жила. Только претило меня отъ нее. Совѣсть ли во мнѣ говорила—или навожденіе бѣсовское—не знаю. Мучилась и она бѣдная; у себя-то дома привыкла не къ такой жизни, книжки читала, на струментѣ этомъ, что у господъ бываетъ, играла, одѣвалась какъ! А тутъ пришлось ей въ скитѣ жить—а скиты у насъ дичь безпросвѣтная,

и люди-то тамъ дикіе, разбойные, а дѣвки, что ни на есть самыя распутныя. И еще противнѣе стала она мнѣ умомъ своимъ. Началъ я ее бить!..—глухо, почти шепотомъ проговорилъ старикъ.—До крови билъ—изъ синяковъ она у меня не выходила. И не попрекнула ни разу. Терпѣть умѣла. А это мнѣ еще горше. Жгло что-то внутри у меня, какъ бывало, голосъ ея услышу. Увижу только—рука такъ и подымается. Одѣвалъ я ее въ самую что ни есть худшую дерюгу, на огородъ работать посылалъ. Книжки, что она изъ дому родительскаго съ собой захватила—сжегъ всѣ. Словно убитая, ходила она, блѣдная, тонкая,—тоянно восковая. А, бывало, какъ увидитъ меня—такъ и разцвѣтетъ вся—и алая кровь въ лицо бѣлое кинется, и глаза загорятъ, и смѣхъ такой ласковый на губахъ шевелится. Только я разомъ отшибалъ все. Какъ крикну, да ударю—она и помертвѣетъ сейчасъ. И руки сложитъ, и стоитъ передо мной, словно каменная—даже лица отъ кулака отъ моего не отводитъ!.. Господи, Господи!..

— Что дальше—то хуже. Ненавистна она мнѣ стала, особливо какъ въ скитъ нашъ одинъ поморъ на исправленіе дочку свою привезъ Матрену. Подлая, ехидная дѣвка была, и краса какая-то демонская. Ну, съ ней я и спознался, узнала Марья—и не дрогнула, ни одного упрека не сказала — только быстро, словно былинка осенью—хирѣть стала. Сидитъ, бывало, голубка моя, у окна, да на тучки небесныя и смотритъ. Цѣлые дни такъ проводила. А какъ, бывало, подуетъ вѣтерокъ, изъ родной стороны—слезы у нея такъ и льются, такъ и льются, крупныя, крупныя!—и старикъ опять примолкъ.

— Не дождалися ее смерти мы!..—какъ-то неестественно рѣзко крикнулъ онъ.—Задушили страдалицу!

— Одинъ душилъ?—гнѣвно спросилъ парень.

— Надо все говорить!—уныло опустивъ голову, продолжалъ старикъ,—Все, все какъ было. Господи, Господи, хоть бы память у меня отбило!.. Нѣтъ, минуту каждую

помню!—Крупныя капли холоднаго пота выступили на лбу его. Глаза, съ выраженіемъ какого-то почти нечеловѣческаго ужаса, устремились вдаль, губы шептали неровно, порывисто, въ груди слышался хрипъ, словно тамъ кипѣли и бились ненаходившія себѣ исходу рыданія.

— Вдвоемъ душили... съ Матреной... Ночью пришли въ свѣтелку къ Марьѣ... Лампадка передъ иконой свѣтила... спала она... Марья-то, спала... блѣдная, худенькая такая... руки на грудь сложила... И жалости-то у меня, у проклятаго, не было! Подошли мы—не проснулась. Только улыбка на лицѣ разцвѣла—что твоя зорька алая... слышу, шепчетъ во снѣ... нагнулся я—мое имя... Дрогнуло у меня въ груди что-то—взглянулъ я на Матрену—а та, какъ сверкнетъ на меня черными очами, такъ меня словно полымемъ охватило. Взялъ я Марью за косы, да на ноги разомъ и поставилъ!.. Не поняла бѣдная.

— Молись!—говорю.

— Что съ тобою?—спрашиваетъ. Матрены не видала еще.

— Конецъ твой пришелъ, говорю, молись! А у самаго ненависть такъ и разгорается. Увидѣла она Матрену—и поняла все.

Упала на колѣна, обняла ноги мои.

— Пусти, говоритъ, меня домой—благословлять я тебя стану!

— Не слушай ты ее, подлую!—кричитъ Матрена.

— Поднялась она и стала передо мною. И голову на грудь опустила... Мертвая, мертвая сдѣлалась... Разомъ лицо потемнѣло... Взглянула опять на меня... Никогда я забыть этого взгляда не могъ.. Жалкій, жалкій. И страхъ, то въ немъ, и любовь была... Потомъ слеза скатилась... Потомъ, словно дите,—руки ко мнѣ протянула...

— Прощаю я тебя, говоритъ... Будь счастливъ! Любила... ахъ, очень я тебя любила. Не забывай ребенка нашего... возьми его отъ чужихъ людей... Пошли къ отцу моему.

— Ладно—пошлю.

— Прощаю я тебя... слышишь, прощаю... И упала на грудь ко мнѣ.

— Господи! Есть же звѣрь такой лютый, какъ я?.. Перехватилъ я ей горло руками... и... задавилъ ее... мою бѣдную Марью... Задавилъ... задавилъ... самъ задавилъ. Такъ безъ слова она и покончилась бѣдная!..

Послышалось не то стонъ, не то рыданіе...

— Неповинная кровь на тебѣ!—Поднялся надъ старикомъ парень.—Сколько молчалъ?

— Сорокъ лѣтъ никому не говорилъ.

— На духу не былъ?

— Нѣтъ.

Что-то жесткое пробѣжало по лицу молодого парня.

— Не будетъ тебѣ прощенія ни здѣсь, ни тамъ—хуже ты Каина!

Старикъ дрогнулъ и сталъ на колѣни. Коротка была его молитва. Словно преображенный, говорилъ онъ:

— Нѣтъ грѣха, превышающаго милосердіе Твое, Господи!

А акула все слѣдила за нами, и волны съ тѣмъ же ропотомъ несли насъ дальше и дальше, по темному свинцовому морю, усѣянному бѣлыми гребнями валовъ. Небо все сумрачнѣе и сумрачнѣе, словно опускалось надъ нами. Невдалекѣ отъ насъ, казалось, тучи сливались съ водою. Суевѣрный ужасъ проникалъ въ мою душу.

— Не будетъ тебѣ прощенія!—снова повторилъ парень.

Старикъ поднялся, лицо его разомъ помертвѣло и стало словно деревянное, глаза какъ-то ушли внутрь и погасли, безкровныя губы судорожно трепетали. Онъ сложилъ на-крестъ скорчившіяся руки и пошелъ впередъ.

Когда я раскрылъ глаза, первымъ встрѣтившимся мнѣ предметомъ была акула, подплывшая къ самой окраинѣ льдины. Старикъ все ближе и ближе подходилъ къ ней. Господи, что это было за страшное, нечеловѣчески страшное неподвижное лицо. Вотъ ужъ онъ у самого края...

Акула слегка колыхалась... Вотъ онъ дрогнулъ... вотъ предо мною внизъ мелькнули скрещенныя руки, мертвое, синее лицо... всплескъ воды... мгновенный ударъ акульяго хвоста и какой-то хряскъ!..

И больше ни звука.

Только бѣлыя гривы волнъ колыхались на свинцовомъ просторѣ, только рокотали тяжелыя волны, да низилось сѣрое небо.

Насъ оставалось только двое..

Да, куда же это несетъ насъ, куда? Уже десять дней прошло, какъ льдину оторвало отъ матерой земли и унесло въ эту безконечную даль. Я едва могу приподнять голову. Голодъ и жажда истомили меня до послѣдней степени. Воспаленный мозгъ, какъ нарочно, рисуетъ самыя яркія, самыя плѣнительныя картины. Тѣнистыя южныя рощи, чистые говорливые ручьи студеной воды, горныя вершины, утопающія въ синевѣ теплаго неба, родныя деревни, а кругомъ сады, съ благовонными розами, съ пурпуромъ персиковыхъ и серебромъ миндальныхъ деревьевъ. Я зажмуриваю глаза, стараясь отогнать отъ себя эти видѣнія—но они еще ярче рисуются передо мною. Я уже не слышу рокота валовъ, въ моихъ ушахъ звучитъ дивная музыка, чей-то звонкій смѣхъ, чьи-то радостныя пѣсни. О, пощадите, пощадите меня, дайте мнѣ хоть умереть спокойно!

Какія это роскошныя залы. Столы ломятся подъ грудами мяса, плодовъ и хлѣба. Невиданныя рыбы блестятъ металлической чешуей на громадныхъ блюдахъ. Цѣликомъ зажаренныя серны, кабаньи головы, увѣнчанныя цвѣтами, пирамиды сочно золотистыхъ ананасовъ, душистыя сливы... О Боже, какъ меня мучитъ голодъ! Алыя, какъ свѣтъ зари, вина сквозятъ въ хрустальныхъ сосудахъ, старинныя амфоры, переполненныя соками нѣжнѣйшихъ плодовъ... Цѣлые фонтаны кристальной воды, бассейны, пруды, рѣки, свѣтлыя и широкія рѣки... а у меня

внутри все горитъ отъ жажды. Во рту сухо... Я сталъ лизать ледъ. Противное ощущеніе морского разсола и горечи!

А насъ все несетъ да несетъ.

Сегодня на Югъ потянулась, въ недосягаемой вышинѣ, стая полярныхъ птицъ... Долго надъ нами стоялъ ихъ песносный гамъ. Одна—вся бѣлая опустилась надъ самой льдиной, взмахнула крыльями надъ нашими головами, хищно взглянула въ наши потухшія очи и съ хриплымъ клекотомъ взвилась въ высь неизмѣрную... Послѣдняя точка исчезла на небосклонѣ—и снова все безжизненно и чисто.

А волны все гонятся да гонятся за нами, бѣшенно вздымая бѣлыя гривы и, какъ хищный звѣрь, облизывая ледяную глыбу.

Настала ночь, свѣтлая, лунная. Мѣсяцъ словно застоялся въ зенитѣ, обливая всю безконечную даль какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ. Въ волнахъ дрожали миріады радужныхъ искръ, каждый изгибъ волны отливался серебристымъ блескомъ. Даже края нашей льдины засвѣтились матовымъ сіяніемъ.

— Вставай, вставай, братъ, гляди-ко!—разбудилъ меня подползшій ко мнѣ молодой парень.

Я попробовалъ было подняться и не могъ.

— Аль повернуться не можешь. Смотри туда!

Я повернулъ голову, по направленію его пальца, и онѣмѣлъ отъ удивленія.

Съ правой стороны плыла, на встрѣчу намъ, громадная ледяная глыба, острыя вершины которой сіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ, какъ громадные сталактитовые шпицы, обернутые снизу вверхъ. Переливы разныхъ оттѣнковъ этого плавучаго острова не было возможности запомнить; отъ чернаго, какъ агатъ, они переходили въ желтоватые и розовые, свѣтлѣли, свѣтлѣли—и, наконецъ, заканчивались алмазными, призматически-сверкавшими стрѣлками.

На одинъ мигъ я позабылъ и голодъ, и жажду.

— Глико-сь, шевелится что-то на ней.

Я вглядѣлся. На ледяной глыбѣ двигалось какое-то матовое пятно, появлявшееся то справа, то слѣва. Массивный островъ казался издали верхушкой громаднаго собора, увѣнчаннаго башнями и башенками, шпицами, колоннами, колокольнями и статуями. Въ другое время это было бы очаровательнымъ зрѣлищемъ. Встрѣченная нами ледяная глыба неизмѣримо больше нашей. Она грузнѣе сидѣла въ водѣ и плыла медленнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ мы должны были догнать ее. По мѣрѣ нашего приближенія, цвѣта сталактитовыхъ громадъ мѣнялись, переливаясь самыми дивными, самыми неожиданными красками; изъ полусумрака вырисовывались новыя очертанія, зигзагами изгибались ледяныя трещины и разщелины... Ближе и ближе.. Вотъ, наконецъ, мы подплыли къ мѣрно качавшейся громадѣ... казалось, столкновеніе неминуемо. Два пловучихъ острова прошли въ одинъ моментъ, сажени на три одинъ отъ другого. Въ эту минуту надъ нашими ушами раздался какой-то бѣшенный ревъ.

— Ошкуй, ошкуй! — крикнулъ мнѣ парень. — Изъ-за ледяного холма дѣйствительно выползла громадная фигура бѣлаго медвѣдя. Онъ нюхалъ воздухъ, поднявъ свою длинную морду, и ревѣлъ, чуя издали присутствіе исконнаго врага своего въ этихъ уединенныхъ водахъ — человѣка. На одинъ мигъ, въ глазахъ моихъ мелькнула косматая масса снѣжной бѣлизны, потомъ, сливаясь мало-по-малу съ окружающими ее льдами, обратилась въ тоже шевелящееся матовое пятно, которое мы видѣли издали на этомъ одинокомъ островѣ.

Еще разъ донесся къ намъ оглушительный ревъ, съ какими-то отчаянными хриплыми нотками.

Еще разъ издали сверкнули фосфорическимъ блескомъ выкокія башни и шпицы — и вновь насъ окружило пустынное безбрежное море. Опять мы были одни.

Въ эту минуту я почувствовалъ на себѣ чье-то горячее дыханіе. Несчастный песъ приникъ къ моему лицу и жалобно взвизгивая и вздрагивая, принялся грызть воротникъ моего совика.

А луна все ярче и ярче разгоралась, а волны все выше и выше подымались, догоняя скитальцевъ.

Гдѣ же наша смерть, чего же заждалась она?.. Скорѣе, скорѣе!

И снова день, — который? — Я не помню. Голова моя горитъ. Я заживо разлагаюсь. Я пересталъ вѣрить своимъ глазамъ. Передо мною носятся странные призраки, какіе-то образы, безформенныя видѣнія — темныя, мрачныя. Это синее небо кажется мнѣ краснымъ, раскаленнымъ шаромъ, эти зеленоватыя волны словно протягиваютъ ко мнѣ тысячи хищныхъ лапъ. Сегодня все утро мнѣ грезился громадный спрутъ, подстерегавшій меня въ глубинѣ океана. Я различалъ его безобразную, студенистую массу, его длинныя, колыхавшіеся, какъ нити, щупальцы и прасосочки. А, между тѣмъ, я хорошо знаю, что въ этихъ моряхъ не водится никакихъ спрутовъ. Въ моихъ ушахъ раздаются странные неразгаданные звуки, то словно кличетъ меня кто-то, громко и долго кличетъ съ рыданіями и проклятіями... Вся даль звенитъ. Цѣлый хаосъ голосовъ... Цѣлый вихрь какихъ-то безобразныхъ, исковерканныхъ лицъ... Ни минуты забытья. А забыться мнѣ нужно: я такъ усталъ, такъ измученъ.

Сегодня наша льдина глубже погрузилась въ воду. Она будто попала въ теплую струю воды и таетъ. Таетъ замѣтно. Неужели конецъ такъ близокъ? Гдѣ же эта страстная жажда жизни? Мнѣ все равно теперь—утонуть и захлебнуться соленою влагой или попасть на зубы голодной акулѣ... Все равно. Господи, что это такъ давитъ мою голову, что это шевелится въ мозгу моемъ, словно тамъ бьется и жужжитъ какая-то муха. А въ груди точно пламя, горло сухо, я едва говорю—безсвязныя, безсмысленныя слова. Нервы мои возбуждены до крайности. Всякій легкій звукъ принимаетъ колоссальные размѣры, всякій предметъ растетъ и ширится. Несчастный песъ кажется мнѣ какимъ-то громаднымъ чудовищемъ, его жалобный вой раздается, какъ громъ, въ моихъ ушахъ..

Надъ нами опустилась бѣлая чайка. Трепетно взмахивая широкими крыльями, она умѣстилась на выступѣ нашей ледяной глыбы и преспокойно стала чистить клювомъ перья. Неужели мы ей кажемся мертвыми? Неужели въ насъ не осталось и признака жизни. Да ужъ не умеръ-ли я?.. Нѣтъ, сердце бьется, мысль работаетъ... А если это только галлюцинаціи еще не разложившагося мозга?..

Къ сидѣвшей на ледяномъ выступѣ чайкѣ подлетѣла другая. Что за пронзительные рѣзкіе крики. Такъ мы дѣйствительно недвижны, иначе онѣ давно бы поднялись въ недосягаемую высь... Чей это обликъ мелькаетъ надо мною?.. Грустныя очи глядятъ на меня такъ пристально, уста безкровныя, мертвыя уста шепчутъ что-то. Знакомое, давно знакомое лицо. Кто ты, скажи мнѣ. Господи! да вѣдь я лежу, закрывши глаза.

Какъ тихо, спокойно стало—отошло словно. Говорятъ, умирающимъ всегда становится легче.

Синяя, ясная ночь. Крупныя звѣзды сіяютъ надъ нами. Волны улеглись. Наша льдина едва колышется въ этомъ неподвижномъ просторѣ. Мы стоимъ на мѣстѣ или плывемъ?.. Какое безмолвіе кругомъ, неслышно ропота валовъ; морская даль сверкаетъ бѣлыми искрами.

— Товарищъ! Слышишь меня?—послышалось надо мною.

Я сдѣлалъ слабое движеніе головою.

— Померъ?

— Нѣ-ѣтъ!—едва могъ проговорить я.—Сухой языкъ болтался во рту, какъ старая тряпка.

— Коли я помру, а Господь тебя вынесетъ... Не забудь... въ поясѣ у меня деньги.—Ей все, невѣстѣ... знаешь Марью въ Чекуевѣ?

— Зна-аю.

— Скажи, чтобъ взяла себѣ... замужъ пусть идетъ... за пріятеля мово... Сеньку Безпалаго... Онъ ее не обидитъ?—Такъ и передай, Иванъ-молъ, помирая, сказывалъ, чтобъ безпремѣнно за Безпалаго шла Ты слышишь мен

— Слышу.

— Не забудешь?

— Нѣтъ.

— Прощай! Спаси тебя, Господь; кланяйся нашимъ.

И снова тишина. Я забылся.

Подъ утро я проснулся. Розовая полоска на востокѣ ширилась тамъ, гдѣ морская синь переходила въ небесную. Кой какъ я отгрызъ губами кусокъ льда и проглотилъ его. Волны становились все выше и выше, мѣстами уже змѣились бѣлые гребни. Нашъ плавучій островъ быстрѣе поплылъ вдаль.. Какъ тонки его края... Скоро, скоро!

Что это за звонъ, словно гдѣ-то гудятъ колокола... Да, это благовѣстъ. Какъ звучно носится онъ надъ этой безжизненной пустыней. Я едва смогъ подняться на локти. Вездѣ одно море, да небо. А колокола все звучатъ... Медленно плывутъ въ утреннемъ воздухѣ тягучіе тоны. Громче и громче... вотъ ударили въ маленькій колоколъ. Тонкіе пронзительные звуки слышались съ гуломъ большихъ колоколовъ. Неужели близокъ берегъ? Да гдѣ же онъ?

— Слышишь?—подползъ я къ неподвижно-лежавшему парню.

— Что?

— Колокола.

— Гдѣ? Ничего неслышно. Примерещилось развѣ.

А колокола все гудятъ, да гудятъ...

— Неужели не слышишь?

— Ничего!.. За душой это бываетъ.

— А то можетъ берегъ близокъ?

— Какой?

— Нашъ.

— Нашъ! Таперча насъ, пожалуй, за Грумантъ унесло.

А колокола все гудятъ, да гудятъ... Вотъ одинъ звукъ проплылъ надъ самою моею головою.

— Да ты прислушайся.

— Ничего не слышу. — Братъ, а братъ: гляди-ко, собака. Два дня пожалуй проживемъ, коли придушить ее.

Я взглянулъ помутившимися глазами на несчастное

животное. Оно печально лежало на окраинѣ льдины, глядя въ ту сторону, откуда дулъ вѣтеръ. Въ эту минуту въ душѣ моей не было ни одной искры жалости къ этому безсловестному товарищу нашихъ страданій.

Парень поползъ къ собакѣ. Словно угадывая его намѣреніе—она попятилась. Цѣпляясь руками за ледяные выступы, онъ кое-какъ двинулся за нею. Съ глухимъ рычаніемъ «Вѣрный» кинулся ко мнѣ—и подъ полой моего совика искалъ спасенія.

Жалобный вой его какъ-то рѣзко звучалъ оттуда.

Наконецъ парню удалось схватить ее за лапу.

— Не смогу! — прошепталъ онъ, барахтаясь съ нею. Помоги мнѣ.

Я потянулся—но едва могъ шевельнуть рукою.

— Ну, значитъ, пропадать надо!—И онъ выпустилъ несчастное животное.

«Вѣрный», глухо лая, отбѣжалъ отъ насъ подальше. Взобравшись на вершину ледяной глыбы, онъ остался тамъ, подозрительно поглядывая на два лежавшія внизу тѣла...

Несчастный парень вчера умеръ. Я одинъ здѣсь рядомъ съ трупомъ. Какъ страшно глядятъ эти безжизненные, широко раскинутые очи, какъ ужасно это недвижное, осунувшееся лицо! Оно обращено ко мнѣ, а у меня нѣтъ силы даже отвернуться отъ него... Теперь моя очередь.

Сегодня по небу все летятъ стаи полярныхъ птицъ, показались киты. Одинъ проплылъ около самой льдины, высоко взбрасывая двѣ струи воды. Какая-то небольшая рыбка, выброшенная волною къ намъ, бьется въ выбоинѣ этой плавучей массы... Я не въ силахъ достать ее, руки немощно вытянулись, только еще сердце бьется, разгоняя по изнеможенному организму послѣднія скудныя капли крови.

А насъ все несетъ, да несетъ.

Кто это плачетъ, кто стонетъ? Какое похоронное пѣніе!..

Какой-то туманъ подымается передъ моими глазами...

Порою въ немъ свиваются и развиваются огненныя спирали... Однѣ за другими распадаясь на миріады искръ,— тонутъ онѣ въ клубящейся сѣрой мглѣ...

Темнѣе, темнѣе... Только какое-то гигантское око мигаетъ мнѣ, тускло свѣтя съ высоты небесной!

Поморская шкуна, шедшая изъ *** на Новую Землю, близъ самыхъ береговъ послѣдней, встрѣтила одинокую льдину. На ней недвижно лежали два тѣла, да еще выла лохматая, жалкая собака. Ихъ взяли. Одно изъ тѣлъ шевельнулось — это былъ авторъ настоящихъ воспоминаній. Другое оказалось трупомъ.

Прошло уже три года.

Я до сихъ поръ не могу забыть этого страшнаго тридцатидневнаго скитальчества по сѣверному океану, на оторванной отъ берега льдинѣ.

Всѣ впечатлѣнія ужаснаго времени съ удивительною ясностью возникаютъ въ моей памяти. Я вспоминаю каждую минуту, каждое слово,—воскресаю каждую галлюцинацію!..

Два мѣсяца провелъ я на Новой Землѣ. Потомъ я встрѣтилъ невѣсту умершаго голодною смертью парня.

А сколько такихъ жертвъ безмолвно гибнутъ среди безлюднаго простора!

Каждый промысловой сезонъ насчитываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ.

И теперь въ безсонныя ночи — эти нѣсколько дней среди пустыннаго океана, являются для меня страшною мучительною сказкой!..

Даже тепло и свѣтъ благодатнаго юга, жаркіе пески Африки и голубыя воды Средиземнаго моря, не могли заслонить этихъ воспоминаній!

II.

У ПЛЕСА.

(Въ сѣверномъ захолустьѣ).

Сколько времени мы шли этими захолустьями? Теперь и не припомнишь! Наконецъ — на нашемъ пути сверкнула излучина, по которой неслись шумныя воды.

Что это была за прелестная рѣка!

Съ самаго утра мы плыли между двумя крутыми откосами, покрытыми сплошь зеленою лѣсною чащей. Изъ-за береговъ синѣли вершины далекихъ горъ, словно причудливые купола, плавая въ безпредѣльномъ просторѣ яснаго неба. Рѣка змѣилась извилинами, огибая крутые выступы, раздѣляясь на узенькіе рукава вокругъ безлюдныхъ островов, то ложившихся пестрѣющими лугами, то казавшихся купами деревъ, выросшихъ прямо изъ воды. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ теченіе ея перерывалось порогами, черныя зубья которыхъ торчали направо и налѣво; волны между ними бились, пѣнились и грохотали какъ подъ колесомъ мельницы, но, спустя пять минутъ, передъ нами снова уже блистало покойное зеркало неподвижной влаги, съ далеко серебрившимся слѣдомъ нашего челнока.

Наконецъ уже около полудня — зеленыя чащи берега раздвинулись — и скоро мы плыли посреди круглаго плеса *),

*) Плесами на сѣверѣ называютъ широкіе разливы, озерки, образуемыя теченіемъ узкихъ рѣкъ.

обставленнаго золотисто-изумрудными террасами лѣсовъ, пашень, луговъ и рощъ. Глазъ въ одну минуту охватывалъ всю эту роскошную картину, съ сожалѣніемъ отрываясь отъ ея прелестныхъ деталей, вѣявшихъ идиллическими воспоминаніями далекаго дѣтства, солнечнымъ свѣтомъ и весеннимъ тепломъ пережитаго былаго.

Мой гребецъ, уныло мурлыкавшій что-то про себя, когда мы плыли узкими рукавами Суймы, теперь точно ожилъ—посреди плесоваго простора. Разомъ вспыхнула и разгорѣлась широкая безконечная пѣсня съ гулкими перекатами. Словно орлица залетала она все выше и выше, купаясь въ тепломъ сіяніи дня, вздрагивая каждымъ перышкомъ своего крыла надъ этою зеркальною влагой. Каждый звукъ ея словно любовался самимъ собою, каждая нотка долго дрожала въ воздухѣ, точно пѣвшая ея грудь не хотѣла разстаться съ нею. И самъ гребецъ въ это время какъ-то жмурился, захватывая побольше воздуху; весла двигались все медленнѣе, все глубже разсѣкали воду и вдругъ замерли надъ бортами челнока, когда пѣсня разсыпалась на тысячи яркихъ брызгъ и перешла затѣмъ въ тихіе звуки свѣтлой грусти, низко-низко стлавшіеся, словно туманный утренничекъ, по спокойному простору этого плеса... Только порою звонкая удаль прорывалась въ этотъ тихій мотивъ, точно ласточка, быстро надъ самою водою вьющаяся передъ крупными каплями золотаго лѣтняго дождя, готоваго пролиться изъ нежданно набѣжавшей сѣрой тучки, затуманившей ясный денекъ. Но вотъ весла опять опустились въ воду, высоко поднялись, и тысячами огней засверкали брызги рѣки—и пѣсня разомъ оборвалась на полутонѣ, словно недоконченная... Ее окончивало сердце—и долго еще, казалось, замирали и снова вспыхивали и гасли кругомъ роскошные родные звуки. Такъ поютъ только тѣ, кто живетъ у небольшихъ рѣкъ и озеръ. Смѣлые бойцы океана и моря поютъ слишкомъ громко, точно хотятъ перекричать его волны, его могучую бурю. Въ звукахъ ихъ пѣсенъ слышится что-то грубо-величавое, порою хриплое; точно

шумъ вѣтра въ снастяхъ и парусахъ шкуны, затерявшейся посреди безбрежнаго простора. Эти пѣсни хороши вдали; за то приозерная, прирѣчная пѣсня такъ и просится въ душу, такъ и ластится, такъ и нѣжитъ ухо...

Солнце уже высоко стояло въ небѣ, обливая знойнымъ свѣтомъ весь просторъ неподвижнаго плеса, да ласточки разсѣкали воздухъ вдоль берега. Мошки жужжали надъ самою водою. Изрѣдка на садившееся насѣкомое кидалась изъ воды кумжа — и черная голова ея ярко отдѣлялась на мгновеніе отъ голубаго зеркала покойной влаги. Сиги прыгали изъ воды, гоняясь за мелкою сельцей. Широкіе листы и алые кубышинчики водяныхъ цвѣтовъ усѣяли небольшія заводья плеса; вода была до того прозрачна, что на глубинѣ пяти сажень я различалъ и широкую уродливую камбалу, распластавшуюся на желтомъ днѣ рѣки, и быстраго зоркаго харіуса, словно стрѣла, прорѣзавшаго влагу, и сѣрый камень, обросшій розовымъ подводнымъ мохомъ, и змѣевидные зеленые листья рѣчной витушки.

— Красота—ваше мѣсто!

— А въ лѣсахъ у насъ бывалъ ты, живой человѣкъ?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— То-то! Узналъ бы красоту! Есть тамъ такая птица, есть! Она малая. Комаромъ прозывается. Съ ей узнаешь украсу... Какъ почнетъ тебя жарить—не отдышешься... Супротивъ ее и средствій никакихъ нѣтъ. Самая по-одлая!.. Жилъ у насъ одинъ святой человѣкъ, ужъ онъ и заклялъ ее — а ей все водъ... Не заговоришь ее! Она этого заговору не боится...

Скоро лодка повернула направо. Тутъ плесъ образовалъ нѣчто въ родѣ залива. Прямо у берега шла березовая роща. Солнце золотымъ блескомъ охватывало нѣжную зелень молодыхъ порослей. Косые лучи его ложились яркими пятнами на узкую тропинку, по которой мы шли въ лѣсное село «Суймица».

— Слышишь звонокъ?.. Это наши коровы бубенцами позвякиваютъ... Все лѣто онѣ по лугамъ бродятъ—иная

и на ночь домой не идетъ... Кругомъ вода здѣсь — не заблудится. Корова — звѣрь смирный, ласковый звѣрь. Обхожденіе оченно хорошо понимаетъ; другая всякій разговоръ чувствовать можетъ. Ей это дано, что лошади.

— Гдѣ мы остановимся сегодня?

— А тутъ есть мѣстовъ, сколько хошь есть!.. У насъ, я тебѣ скажу, мѣстовъ много, и во всякомъ мѣстѣ странному человѣку ради. Потому странній человѣкъ—Божій человѣкъ. Одначе и за страннимъ человѣкомъ гляди въ оба. Всякіе есть. Одново странникъ у меня телушку увелъ. «Для Бога» говоритъ. Ну, я ему такъ не отпустилъ. Мы ему съопча треуховъ надавали... Плакалси!.. А странницы тутъ ходятъ—тѣ безобидныя. Не тронутъ ничего. Только ежель насчетъ водочки гдѣ — ну, слабы, любятъ это... Очень эту водку обожаютъ.

Скоро березки стали рѣже. Сквозь широкую просѣку блеснуло небольшое село, съ новою кокетливою церковью и старою часовней, прятавшейся въ темную чащу высокихъ елей — послѣднихъ отъ нѣкогда стоявшаго тутъ дремучаго лѣса. Избы жались одна на другую; справа и слѣва стѣсняли небольшую площадку села глубокіе не то овраги, не то провалы. Въ одномъ бился и злобно шумѣлъ, въ безсильной ярости ворочая сѣрые камни, быстрый потокъ — Гремяха. Тутъ росли ивы, низко наклоняясь надъ пѣнными струями.

— Молись Богу, живой человѣкъ,—пришли!

Вонъ направо и налѣво потянулись убогія избенки вперемежку съ большими домами деревенскихъ міроѣдовъ. Собаки лѣниво лежали въ ямкахъ, выкопанныхъ ими передъ домами. Онѣ только пошевеливали хвостами да жмурились, завидѣвъ страннаго человѣка. Одна, какая-то взъерошенная и маленькая, кинулась было мнѣ подъ ноги съ громкимъ лаемъ, да и та разомъ, словно чего-то сконфузилась,—поджала хвостъ и замолчала, быстро забѣжавъ подъ высокія тесовыя ворота ближайшей избы. Ребятенки, игравшіе на улицѣ уставились на меня меланхолически пожевывая рукава длинныхъ рубахъ, точно

телята случайно найденную въ травѣ тряпку. Особенно одинъ бѣлобрысый большеголовый мальчонко съ выпяченнымъ животомъ и голыми, кривыми ногами,—тотъ просто замеръ, увидѣвъ прохожаго, рѣдкаго въ глуши этого села.

— Что глядишь, Ванютко? — спросилъ его мой провожатый.

Тотъ перевелъ глаза на него и съ тѣмъ же изумленіемъ уставился на меня опять.

— Къ евонной маткѣ на постой станемъ,—объяснилъ мнѣ онъ.—Любопытная баба! Супругъ, будемъ такъ говорить, у ей — въ рястантахъ нониче. Видалъ я его, въ сѣрой куцой сибиркѣ ходитъ, а рукава черные... Тольки строкъ ему значитъ вышелъ—у насъ начальство и опрашивало народъ: желаемъ ли его принять. Мы въ одинъ голосъ—не беремъ. Потому человѣкъ сумнительный. И допрежъ ворищей былъ, а таперича опосля рястанства и за горло возьметъ. Всю науку тамъ должно произошелъ.

— Почему же ты говоришь, что жена у него любопытная?

— Какъ не любопытная! Потому она баба смирная, тихая, работница. Честная баба, что говорить. И мы всей душой къ ней; всякую ей помочь. Ну, а супруга ейнаго—нѣтъ, не возьмемъ. И вотъ, братецъ мой, задача! Мужъ, будемъ прямо говорить—билъ ее на убойство! До зеленаго змія билъ. Тиранилъ! Другая бы радешенька, что съ такимъ звѣремъ разстаться приходится, а она съ утра до ночи воетъ. За нимъ идти собирается. Въ городъ за тысячу верстовъ два раза къ нему хаживала. Но тольки напослѣдокъ, баютъ у насъ, онъ ее знатно выбранилъ. Извѣстно: рястантъ, языкъ у него рястанскій. А баба—золото. И живетъ она зажиточно. Она какъ за него выходила—богатая была. Все ея—и домъ, и земля, и промыселъ. А енъ и тогда разбойный человѣкъ былъ. Какъ они слюбились— Господь одинъ вѣдаетъ. Вотъ и изба ихняя.

Домъ когда-то былъ, повидимому, строенъ на широкую ногу. Теперь все пришло въ упадокъ. Рамы съ выбитыми

стеклами, одни ставни сорвались и висятъ на послѣдней петлѣ, другихъ и вовсе нѣтъ; загородка обвалилась, стѣны насквозь прозеленѣли, продырявились.

— Ты не гли отсюда. Внутри жилье первый сортъ. Потому она въ чистотѣ держитъ. Оченно эту чистоту любитъ. О прошлую зиму таракана морила. Есть у насъ этотъ звѣрь...

Въ сѣняхъ насъ встрѣтила еще молодая женщина, болѣзненная съ виду, но симпатичная и красивая. Голубые глаза ея смотрѣли на насъ съ выраженіемъ робкой тоски, отъ всего лица вѣяло невеселымъ чувствомъ какой-то затаенной внутренней скорби. Тонкія темныя брови и небольшой, но пріятный лобъ выкупали нѣсколько толстый носъ ея и блѣдныя губы. Она была одѣта чисто. Въ комнатахъ тоже все оказалось прибрано. Грязи, пыли и сажи—нигдѣ. У образа съ серебряными вѣнцами—висѣли чистые утиральники. Столъ былъ покрытъ безукоризненно бѣлою, хотя и толстою скатертью. Въ переднемъ углу сидѣла старуха—мать ея, еще здоровая, сѣдая женщина, зорко оглядѣвшая насъ прежде перваго привѣтствія.

— Не требовается ли чего, батюшко?—обратилась она ко мнѣ.—У насъ есть молочко, пожалуй и рыбина найдется.

— Спасибо, мнѣ бы отдохнуть хотѣлось. Я цѣлую ночь не спалъ.

— А вотъ рядомъ есть у насъ горенка. Ложись поди, живой человѣкъ.

Я попросилъ сѣна—и скоро рядомъ въ небольшомъ чуланчикѣ нанесли мнѣ его съ гору. Пока молодая хозяйка устраивала мнѣ такимъ образомъ постель—я заглядѣлся въ окно. Оно выходило въ поле, на самомъ краю котораго зеленѣли высокія березы. У ихъ подножій въ сочномъ тѣнистомъ логу расположилось стадо пестрыхъ овецъ, едва замѣтныхъ на этомъ разстояніи. Далѣе серебристо-голубою битью вилась узенькая рѣчонка, на самомъ горизонтѣ разливавшаяся въ ярко блестящій щитъ

такого же плеса, въ какомъ мы плыли недавно. По обѣ стороны его смутно синѣла подъ туманною дымкою отдаленія лѣсная полоса, а еще далѣе изрѣдка мелькали вершины какихъ-то горъ, тонувшихъ въ яркомъ свѣтѣ этого теплаго дня...

— Иди, божья душа, отдохни!.. — пригласила меня старуха.—А какъ встанешь — поди и самоварчикъ потребуется тебѣ?..

Я не успѣлъ опуститься въ свѣжее сѣно, какъ глаза мои невольно сомкнулись и, заснувъ, какъ убитый, я проспалъ до вечера. Когда я проснулся, прямо въ глаза мнѣ свѣтила алая заря, догарая послѣдними своими лучами на безоблачномъ небѣ. Изъ окна моего чуланчика видны были вершины далекаго лѣса, охваченныя розовымъ блескомъ, да тонкое длинное облачко—пурно-золотистое, подернутое кверху сѣроватымъ пепломъ, словно остывающая полоса желѣза. По улицамъ села слышались пѣсни; рядомъ назойливо просился въ уши какой-то оживленный говоръ. Я потянулся. Вставать вовсе не хотѣлось. Оказалось, что долетавшіе до меня голоса принадлежатъ хозяйкѣ и ея дочери. Я невольно сталъ свидѣтелемъ чудно сцены любви и примиренія, никакъ неожиданной мною посреди этого крестьянскаго захолустья.

Голосъ матери, сухой и старческій, звучалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, а порою поднимался до крикливыхъ нотъ, сопровождавшихся удушливымъ и долгимъ кашлемъ. Слова ея молодой дочери едва-едва доносились до меня сквозь деревянную перегородку. Въ нихъ слышались: давно наболѣвшее горе, сердечныя слезы, что-то робкое, молящее. Они медленно звучали, то перерываясь плачемъ, то смолкая и снова вспыхивая. Если бы я и не различалъ словъ—все-таки бы понялъ, что дѣло идетъ о миломъ и дорогомъ человѣкѣ, о счастьѣ цѣлой жизни. Самый мотивъ ихъ говорилъ сердцу, прокрадывался въ него, неотразимо охватывая душу... Ее нельзя было не слушать, а слушая, невольно самъ отдавался безконечной тоскѣ, сознавая свое безсиліе помочь ей... И разомъ по-

меркла въ моихъ глазахъ эта алая заря, и это сѣровато-золотистое облачко ушло куда-то далеко, далеко. Блѣдное лицо, видѣнное мною утромъ, мелькало передо мною—и его грустное выраженіе чѣмъ-то роднымъ вѣяло на меня. Право, хотѣлось самому плакать и мучиться съ нею.

— Али ты со всѣмъ съ разуму сбилась? Обошелъ онъ тебя чѣмъ нибудь должно!.. — слышался старческій голосъ.—Эдакаго тиранства нигдѣ еще и видано не было. Слыхала-ли ты отъ него слово привѣтное какое? Только у него для тебя и было, что брань одна гольная... Правду я говорю тебѣ али нѣтъ?

— Мамушка, да ты...

— Стой! Твое дѣло потомъ говорить будетъ... Ты помолчи пока. Попомни-ко, какъ онъ опозорилъ насъ! Слава Господу Богу, во всемъ роду нашемъ—воровъ не было. Почестной народъ, трудящій. Отецъ твой работникомъ слылъ, дѣдъ—еще и того болѣ. Никакого грѣха на ихъ памяти нѣтъ. А онъ-то, твой-то идолъ, кого онъ на селѣ не обидѣлъ? Только и воздохнули немного, какъ увели его въ острогъ. Подумай-ко-ся, носилъ-ли онъ въ домъ что? Все изъ дому, на полюбовницъ, да на такихъ же товарищей какъ самъ... Погляди, когда ты эту чистоту въ домѣ завела, при немъ что было?—Содомъ, скверна. Дѣтки, почитай, голыми бѣгали, все впроголодь жили. Вишь я семой десятокъ живу, старая, сѣдая—а онъ и моей ветхости да болѣзни не пожалѣлъ. Помнишь, какъ вечоръ разсказывала тебѣ? Сколь онъ меня старуху попривѣтилъ оглоблей!.. Правду я тебѣ говорю? Скажешь, вру все?..

— Да ты, родная...

— Нѣтъ, ты погоди... ты помолчи. Довольно наслушалась я, навидалась твоего горя, не въ моготу болѣ. Опротивѣло уже. Ты послушай!.. Рази ты позабыла, какъ онъ тиранилъ тебя, когда ты на послѣдяхъ ходила? Завтра ребенку родиться, а сегодня онъ тебя полѣномъ билъ,—забыла? Забыла, какъ по чужимъ людямъ прятаться бѣгала, хоронили отъ него звѣря, лютаго?.. Ты, аль нѣтъ,

слезами обливалась, да жизь свою мученскую кляла? На эвтомъ самомъ мѣстѣ не ты руки на себя наложить хотѣла? Не ты собиралась въ скиты убѣчь отъ него варвара?.. Что же ты молчишь? Тебѣ говорю... А теперь опять за нимъ, да еще куда—въ Сибирь. Пойми ты, что онъ тамъ тебя совсѣмъ пришибетъ. Всякое зло свое на тебѣ срывать станетъ. Здѣсь ты покою не знала—а тамъ и того пуще. Станешь плакаться, да не поможетъ... Не отмолишься отъ него, отъ злодѣя. А дѣтки малыя, ты о нихъ—о дѣткахъ подумай! Вѣдь они — несмышленочки! Тутъ они возрастутъ тебѣ на утѣху, работничками будутъ, кормильцами. А тамъ что? Ворищами, большедорожными кровопивцами...

— Родная моя, мамушка!.. Не говори ты мнѣ... Все я знаю это... да только не могу я любви его позабыть... ласки... помню, какъ я въ дѣвкахъ была... Не надышется бывало. Тебя съ нами не было, какъ мы у воротъ ночки коротали, милуясь... Не видала его ты тогда, какъ онъ прямо въ глаза мои глядѣлъ, сохнулъ отъ меня. Не слыхала его ты, какъ онъ мнѣ про тоску свою великую сказывалъ... Бывало заря засвѣтетъ, а онъ меня все за руку держитъ, не пускаетъ... Помнишь ты, какъ онъ изъ-за меня на Матку ушелъ?..

...Билъ онъ меня потомъ... Это точно что билъ. А только когда трезвый былъ—въ ногахъ валялся. Помнишь, какъ становой сюда за нимъ пріѣхалъ? Кинулся онъ ко мнѣ, побѣлѣлъ весь. На моихъ грудяхъ и замеръ. Чуть десятскій оторвалъ его. Ты не видала насъ, какъ мы съ нимъ послѣ содому нашего глазъ на глазъ бывали. Пронимала его совѣсть, до слезъ его прошибало. Милѣе меня ему нѣтъ никого... Что онъ обижалъ сусѣдей, скотъ угонялъ—правда; а только за это онъ уже натерпѣлся муки-то. Три года вѣдь былъ въ рястантахъ. Грѣшно и поминать, что было!.. Про любовницу ты, мамушка, помолчи! околдовала она его. Тутъ не его грѣхъ—ея... Разъ этто въ клѣти лежимъ мы. Разметался онъ; да и стонетъ... «Что тебѣ, Никита?» — спрашиваю.

«Тяжко—баитъ—тяжко. Люблю я тебя крѣпче жизти, и ни на кого не промѣняю, а все къ Дарьѣ тянетъ. Какъ зажму глаза — такъ она передо мною и смѣется, подлая. Такъ бы и пришибъ ее разлучницу!» Заплакала я. «Ты не плачь, говоритъ, потому, я ее и подъ ноги тебѣ не брошу, мразь она передъ тобой, а тольки не могу я, опоила должно чѣмъ. Все къ тебѣ вернусь!..» Ты про что мнѣ поминала—побои энти?.. А ты попомни-ко, какъ лѣтось я съ побоевъ его въ избу къ теткѣ Анисьѣ убѣгла, а по селу и пройди вѣсть, что какая-то баба въ Суймицу въ рѣку топиться кинулась. Ты и скажи: «должно быть—Марья». Что же онъ смѣялся, что ли? Нѣтъ, сама послѣ сказывала, что закаменѣлъ весь, а потомъ убѣгъ на берегъ да въ Чертову Ламбину (озеро) и пошелъ топиться... Шутилъ что-ли? Небось, какъ вытащили—чуть отвадились...

...Не бери, мамушка, грѣха на душу! Всѣ мы праведники нешто? Случалось, и я его словомъ какимъ попрекну. А наше слово не малое. Иной разъ и молчишь это, такъ что остеръ-ножъ ему. Разъ этто прилегли мы, онъ и говоритъ: «ты пойми, съ чего это злоба меня палитъ: какъ я ору на тебя, а ты сидишь, что мертвая, такъ меня и душитъ,—не скотъ я безчувственный, понимаю, какой я звѣрь передъ тобою, и жутко мнѣ, а тольки отъ этого еще больше злоба бушуетъ... Въ эфто время, я бы и надъ собой радъ что сдѣлать..» Нѣтъ, ты не вѣдаешь душу его, мамушка... Нешто я Дарья, что брошу его?.. Не полюбовница—жена я ему. Округъ аналоя водилъ насъ попъ... Ты подумай, что онъ тамъ будетъ дѣлать одинъ! Совсѣмъ пропадетъ! Что ни на есть надъ собой сдѣлаетъ, либо кого другого уложитъ—тоску свою сорветъ. На чьей душѣ грѣхъ будетъ?.. Не помню я зла его, синяки-то отъ побоевъ зажили—не поминай ихъ и ты. Ласки да любовь его—вотъ что я знаю нонѣ... И не забыть ихъ!.. Коли бы онъ рѣзать меня зачалъ, такъ я бы подъ ножемъ его вспомнила ихъ... А что теперь онъ въ несчастіи да скорбяхъ—этимъ-ли тѣшиться?..

*

— Что-жъ ты такъ и меня кинешь? Я тебя на то рази выростила, на то мое сердце болѣло по тебѣ?..

— Ты пойми, мамушка, туточка тебя все-то знаетъ, вся округа тебя почитаетъ, — а тамъ онъ одинъ, что перстъ—будетъ. Нешто я добра твого не чувствую, а только изчахну я здѣсь, не могу я безъ него; не житье мнѣ на селѣ нашемъ...

— Что, встамши?..—послышался чей-то голосъ.

— Спитъ еще, а что?..

— Да и въ путь пора.

Я понялъ, что дѣло идетъ обо мнѣ, и позвалъ проводника.

Когда я выходилъ изъ села—долго еще передо мною мелькало все облитое слезами лицо несчастной женщины, видѣнное мною въ горенкѣ деревенской избы. На душѣ росла тоска; всѣ чудныя картины, озаренныя послѣднимъ сіяніемъ зари — померкли, словно подернутыя влажною осеннею мглою. Хотѣлось самому плакать надъ горькою долею этой мученицы, являвшей примѣръ такой высокой любви, такого безграничнаго, беззавѣтнаго всепрощенія. А тутъ, какъ на зло, мой гребецъ снова запѣлъ пѣсню, только такую тоскливую, словно вся человѣческая скорбь отдала ей свои жгучія слезы...

Скоро рѣка круто свернула налѣво.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Сумракъ сгущался надъ водою и гористыми берегами. Скоро и ихъ не стало видно. Мы поплыли медленнѣе. Во тьмѣ легко было наткнуться на черную, незамѣтно выставившуюся изъ воды коргу или попасть въ опасные пороги. Я легъ на дно лодки...

— Эй!.. Живая душа! Протри глаза-то!—послышалось надо мною.

— Чего тебѣ?—и я вскочилъ. Оказалось, что я пролежалъ не то во снѣ, не то въ забытьи около двухъ часовъ.

— Глянько, у берега!

На высокой горѣ, обрывавшейся въ рѣчку крутымъ выступомъ, пылалъ яркій костеръ, вѣнчая самую вершину.

Широко-багровыя полосы колеблющагося свѣта раскидывало то на противоположный берегъ въ непроглядную черную чащу ельника, то на покойно струившуюся рѣку, то на откосъ горы, заваленный сѣрыми камнями. На аломъ и желтомъ фонѣ пламени двигались какія-то черныя фигуры. Огонь порою вспыхивалъ ярче, порою едва-едва тлѣлся, тысячи искръ взлетали вмѣстѣ съ дымомъ костра и гасли высоко въ безразсвѣтной тьмѣ ночнаго неба...

— Это рыболовы наши ушицу варятъ... не пристать-ли?

И мы пристали къ берегу...

III.

МІРОѢДЪ.

Вечерѣло.

Низкія, сѣрыя тучи безобразно расползались по осеннему небу, надъ мокрой, рыхлой, облитой дождемъ землею. Сиротливо глядѣли скошенныя нивы; только-что вспаханныя озими тянулись направо и налѣво отъ скверной дороги, сплошь изрытой колеями. Медленно подвигались навстрѣчу ветхіе верстовые столбы, потемнѣвшіе и словно проросшіе мохомъ. Иногда, вдоль пути, торчали убогіе ветлы, мелькая въ глаза желтою листвой на половину обнаженныхъ вѣтвей. Изрѣдка, прямо въ лицо, дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, съ жалобнымъ свистомъ проносясь дальше, охватывая душу одинокаго странника какою-то смутною, безпредметною тоскою.

— Ты бы, любезный, везъ, что ли, поскорѣе?

— Скорѣй?.. По этой дорогѣ не токмо, что семь, а и четырехъ верстовъ въ часъ не сробить. Потому, рази это дорога. Проселокъ, одно слово! Поди, девять годовъ поправки не было—ѣздить некому. Какъ эвто праходы пошли—ни одинъ дьяволъ сюда и носу не кажетъ. Глушина—одно слово.

— Такъ мы до Юксова и къ вечеру не доѣдемъ?

— Не доѣдемъ... Пра, не доѣдемъ. Ты вѣдь мнѣ за животы не заплатишь, коли поколѣютъ? Самъ видишь, каковъ путь. Зачѣмъ въ эвти мѣста ѣхалъ.

— Гдѣ остановимся въ Юксовѣ?

— Я тебя къ Каргополову связу... Мужикъ богатый, разумный мужикъ. Все село, какой село—поди, волость всю во какъ въ руки забралъ. Стрась.

— Грабитъ, значитъ?

— А почто не грабить, коли мужикъ самъ въ петлю лѣзетъ... Грабитъ! Дай мнѣ денегъ, такъ я такъ ли еще ограблю... дыхнуть не дамъ.

— Ишь ты какой!..

— Я—не милостивый; безъ грабежа, милый человѣкъ, не прожить. Не грабь, тебя ограбятъ. Времена нонѣ такія. Разинь ротъ—гли, сусѣдъ съ ногамъ къ тебѣ влѣзетъ... въ ротъ-то... Нонѣ насчетъ того, чтобъ половчай ободрать—очинно вальготно. За первый сортъ! Ты таперче купецъ?

— Пожалуй, хоть и купецъ.

— Во! Первый грабитель, значитъ, и есть: отъ купчей и грабежъ по Рассеѣ пошелъ, потому они, купцы, на эгомъ руку набили... Ты, поди, цаловальникомъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ...

— Ну, такъ, тятька твой безпремѣнно за стойкой стоялъ...

— И онъ не стоялъ.

— Это ты вре... Потому всѣ купцы изъ цаловальниковъ произошли. Я бы самъ кабакъ открылъ, да одинъ грѣхъ—грошей нѣтъ.

— Что же ты, опаивать народъ бы сталъ?

— Опоишь нашего брата, какже! Поди, такого и ведра нѣтъ, чтобъ мужика опоить... Ахъ, разлюбезное дѣло кабакъ таперчи... Ну, цаловальнички!.. Выноси!—пріударилъ онъ лошадокъ, погружаясь мыслью въ предполагаемыя прелести кабацкаго дѣла...

Стемнѣло. Стала ночь, а мы ѣхали, да ѣхали. Казалось, и конца не будетъ этой ухабистой дорогѣ. То меня подбрасывало вверхъ, то вмѣстѣ съ телѣгою я осѣдалъ внизъ, то меня отбивало вправо, влѣво, впередъ, назадъ. Нѣсколько разъ ноги подымались выше головы, съ пять минутъ телѣга ѣхала бокомъ, попавъ колесомъ

въ глубокую колею. Наконецъ, усталыя лошади остановились посрединѣ дороги. Несмотря на темноту, можно было разглядѣть, какъ тяжело дышали онѣ, втягивая и безъ того тощіе бока и фыркая на что-то... Опять телѣга тронулась, и снова я зашатался на ней, какъ маятникъ... Сколько времени мы ѣхали—не помню. Около полуночи, въ сырой мглѣ, что-то тускло блеснуло и погасло... Гдѣ-то послышался хриплый лай пса, и снова все стало тихо... Спустя минутъ десять, я разглядѣлъ, что направо и налѣво тянутся какія-то темныя линіи... Слава Богу, мы добрались, наконецъ, до ночлега!.. Село Юксово, черезъ которое пришлось проѣзжать мнѣ, лежитъ въ той завѣтной глуши, гдѣ на пріѣзжаго человѣка люди смотрятъ словно на вырытаго изъ первобытныхъ слоевъ мастодонта, гдѣ голоногая дѣтвора, отъ одного посторонняго взгляда, разбѣгается во всѣ стороны, словно разбросанный горохъ, не упуская при этомъ испуганно оглядываться на васъ, засовывая заскорузлые кулачки въ ротъ и тараща зенки, по выраженію ихъ чадолюбивыхъ матерей.

Домъ мѣстнаго міроѣда оказался просторною избою, въ одной изъ свѣтлицъ которой, къ моему крайнему удивленію, мнѣ постлали чистую и мягкую постель. Дочь хозяина, проводившая меня сюда, была красивая, рослая дѣвушка, съ чувственными губами на смѣющемся, румяномъ лицѣ. Толстая коса оттягивала голову назадъ, обнаруживая изящныя очертанія шеи, упиравшейся въ высокую, роскошную грудь, которой, пожалуй, не отыщешь въ скульптурныхъ образцахъ, но за то и не промѣняешь на нихъ. Нѣсколько полныя руки были бѣлы и чисты. Видно, что имъ не приходилось много работать. Глаза ея смотрѣли бойко, дерзко. Они словно дразнили васъ и насмѣхались надъ вами. Жутко становилось, глядя въ ихъ черную глубину, гдѣ порою сверкало что-то острое, что-то страстное, отчего захолонетъ и забьется чужое сердце. Потому ли, что это былъ первый ясный лучъ этого сыраго, темнаго дня, этой темной и

сырой почи, но мои воспоминанія какъ-то невольно стремятся къ дѣвушкѣ, свѣтившей мнѣ, казавшейся еще прелестнѣе при этомъ перебѣгающемъ блескѣ сальной свѣчи, озарявшей въ окружающей тьмѣ только ея славное, русское лицо. Какъ должна была смѣяться эта грудь, какія звонкія пѣсни вылетали оттуда съ неотразимою, неудержимою, всеохватывающею силой! Какъ должны были цѣловать эти алыя губы, какъ обнимали эти круглыя, сильныя руки!..

— Самоваръ вамъ, что ли, подать?..

— Да у васъ, поди, всѣ спятъ?..

— Спя-атъ... да все равно, я встала... тятька, тоже, почти всталъ...

Въ это время, въ дверяхъ показалась высокая, полная фигура россійскаго патріарха, съ круглою, густою бородою и хитрыми, изъ-подъ нависшихъ бровей высматривавшими на насъ глазами.

— Дѣвка, поди прочь... Чего спуешь... Господину купцу—почтеніе.

— Здравствуй, хозяинъ. Ну, и дочка у тебя!..

— Выхолена... Мать баловница. Аль хороша?

— Да такой красивой я давно не видывалъ.

— Ай, и въ городѣ нѣтъ?

— Куда... я не мало объѣхалъ, а такой не встрѣчалъ.

— За купца отдать прочу... За мужлана не отдамъ!— И онъ какъ-то особенно хитро посмотрѣлъ на меня.

— Дай Богъ!—Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ явился громадный самоваръ, такъ же относившійся къ обыкновеннымъ самоварамъ, какъ ископаемый мамонтъ къ слонамъ. Это было какое-то мѣдное чудовище, клокотавшее, хрипѣвшее, ворчавшее. Его едва-едва втащилъ рослый и сильный батракъ и грузно поставилъ на столъ. За нимъ красавица внесла какой-то красный подносъ съ чашками, бутылку рома, лимонъ, сухіе, какъ камень, крендели и чайникъ британскаго металла, по размѣровъ, подходившихъ къ самовару.

— Съ дорожки, господинъ купецъ, согрѣться не угодно-ли?—Мы усѣлись. Хозяинъ бесѣдовалъ истово, медленно. Взвѣшивая каждое слово, онъ выпытывалъ, какъ и чѣмъ я торгую, гдѣ живу, есть ли у меня родители, не женатъ ли я?

— Супруга, господинъ купецъ, первое дѣло. Потому — дому хозяйка, а мужу утѣшительница въ скорбѣхъ и печаляхъ. А хозяйка нужна—чтобъ была работница, да здоровыхъ толстыхъ ребятъ носила.

— Каково ваше село?

— Юксово? Голыдьба-село. Окромя меня, ни одного зажиточнаго хозяина не найдешь. Народъ-пропойца. Воръ-народъ. За душой—ни гроша.

— Земля-то хорошая, добрая земля.

— Земля-то что... Божье благословеніе—земля. Разъ тутъ неурожай былъ, съ тыя поры и пошло убожество да піанство.

— Кабаковъ, поди, много?

— Моихъ два кабака, только и всяво. Одинъ при въѣздѣ, другой на выѣздѣ. Куда ни сунься—не минуешь. Повѣришь ли, господинъ купецъ, что этого хлѣба тутъ пропито—страсть! Одначе, я на церковь завсегда съ моимъ удовольствіемъ. Какъ первый кабакъ поставилъ—иконостасъ обновилъ; а при второмъ, значитъ,—новые колокола завелъ. По всей волости—лучшая церковь. Благолѣпіе... Душа радуется, и глазамъ весело... Ну, и народъ это тоже оченно хорошо понимаетъ. Отъ пастыря тоже—уваженіе. Разъ слово сказалъ, благодѣтелемъ храма наименовалъ. Одначе, я не возношусь, хоть и въ капиталѣ состою. Гордыня—грѣхъ передъ Господомъ. Все тлѣнъ—помремъ—ничего не надо. А только о душѣ—спасеніи подумать тоже требуется, потому нонѣ путь-то въ царствіе небесное куда какъ труденъ.

— Чѣмъ же народъ здѣсь живетъ?

— А у меня работаютъ... Есть тутъ у меня дѣлишки, признаться. Тамъ у меня фабричка маленькая, заводецъ тоже есть, мельницы три.

— Дорого-ль платите имъ?

— Ничего не плачу. Потому они долги свои заживаютъ... Съ неурожаю, значитъ. Опять же по кабакамъ у насъ счеты есть. Помри я—подохнутъ всѣ, потому, кто ихъ кормить будетъ?.. Должны они, значитъ, понимать, что я имъ благодѣтель.

Утромъ, когда я проснулся, тотъ же сѣрый, мятелистый день смотрѣлъ въ окно горницы. Я снова закрылъ глаза, съ пріятнымъ чувствомъ устали валяясь на мягкой перинѣ, послѣ пережитаго безпокойнаго дня. Дверь ко мнѣ слегка скрипнула... Въ комнату взглянула вчерашняя красавица.—Спитъ ашшо... Молодой какой... Ишь парень!..

— То-то молодой,—слышался голосъ ея отца.—Обойди, коли не дура, будь поласковѣй, неча глаза таращить. Вечоръ онъ ужь посоловѣлъ, какъ повидалъ тебя... Женится... Извощикъ сказалъ—богатый...

— Дды я рада, а только какъ?..

— Дура! На то у бабы мозгъ въ башкѣ, чтобъ нашего брата скружить. Слышь ты, дѣвка, не упусти!.. Какъ твоя маменька окружила меня, такъ и ты. Небось, ее голую взялъ... Ну, ишла...

Все снова тихо. Я уже опять было заснулъ, какъ рядомъ послышались голоса.

— И не проси, не могу.

— Благодѣтель... Отецъ!

— Иди, мразь, говорятъ, не могу.

— Иванъ Филиппычъ! Есть на тебѣ крестъ? Дѣтки голодуютъ... Подай тебѣ Христосъ Богъ нашъ!..

— Да что жъ вы съ меня шкуру послѣднюю драть, что ли, хотите?

— Богъ видитъ, обдержался весь.

— Съ тебя еще съ неурожаю пять четвертей ржи слѣдоваетъ.

— Отецъ! Дды вѣдь я тебѣ за эфту треклятую рожь семой годъ, какъ батракъ, на фабрикѣ работаю.

— Работа за працентъ... Ты знаешь ли, что такое

працентъ? Казна и та працентъ беретъ. Отдай муку, и Богъ съ тобой и не работай тады.

— Какъ я тебѣ, отецъ, мучку отдамъ, когды у насъ третій мѣсяцъ хлѣбу-то цѣльнаго и не видано. А нонѣ и мякиннаго нѣту-ти. Какъ отдать-то—обсуди... Здорово ты насъ толды ошарашилъ.

— Какъ не ошарашить!—Ошарашилъ... Ободралъ я васъ, рази я себѣ врагъ. Нешто я тебя за шиворотъ ташшилъ къ себѣ? Самъ шелъ.

— Да вѣдь—сме-ерть, отецъ.

— Ладно, не разговаривай. Ступай... Тутъ во купецъ спитъ...

— Такъ чтожъ, Иванъ Филиппычъ, будетъ ли милости?

— Какая тебѣ милость еще... Что я съ тебя сдеру, коли ты весь ободранъ ужъ.

— Это точно, что... А ты подумай малость, Иванъ Филиппычъ, можетъ еще что найдешь.

— Что найти-то? Коли голъ ты совсѣмъ... Вотъ рази... да, нѣтъ!..

— Ты скажи, чего, родной?.. Въ петлю пойду... Ты послухалъ бы, дѣтки-то кричатъ какъ: «Тятька, а тятька,—ѣсть!» Поди, нутро все зашевелится... Дѣтки-то малыя, птенчики. Анделы Божьи... Неужли-жъ у тебя души нѣтъ... Аль и дѣтская слеза не возьметъ. Кабы твоя дочь такъ-то?

— Дура голова! Дочь моя—особь статья. Не вашему мужицкому племени чета. Она, можетъ, вся-то на бѣломъ хлѣбѣ выросла. Вотъ тебѣ послѣднее мое слово: хошь, чтобъ я помогъ тебѣ, двѣ четверти еще дамъ до урожая, а тольки пока ихъ не отдашь—жену посылай въ поле мое работать. Тамъ еще полосы три не засѣяно, а зимой ленъ у меня чесать, на своихъ харчахъ тольки.

— Отецъ! Дды какже дѣтки-то, птенчики малыя останутся безъ матки.

— Не поколѣютъ... Такъ двѣ четверти... Получай.

— Мало, Иванъ Филиппычъ, мало. Зимушка-то долгая

— Соломки побольше намѣси, оно и сытнѣй выйдетъ.

— Три четверти отпусти родной.

— Коли на это нѣтъ твоего согласія—ступай вонъ!

— Отецъ!

— Глупый ты человѣкъ, пойми: какъ же я тебѣ больше дамъ, когда знаю, что взять тебѣ негдѣ. Или у васъ тутъ другой богачъ проявился?

— Какой тутъ богачъ, всѣ ли еще живы пока, не подохли?

— То-то, самъ говоришь... Коли я знаю, что негдѣ тебѣ взять, такъ должонъ я интерецъ свой соблюсти! Или я врагъ себѣ... Вѣдь я тебя силкомъ не тяну.

— Иванъ Филиппычъ!

— Што же мнѣ шкуру свою отдать? Вотъ я на церковь обѣщалъ ризы... а отколь я возьму? Пойми: на Божье дѣло вѣдь пойдетъ это. Есть ли крестъ-то на тебѣ, какъ мнѣ не драть-то съ васъ?

— Отецъ??.. Дѣтки-то, дѣтки!—всхлипывалъ проситель.—Дѣтки-то малыи... ѣсть хотятъ... Не скажешь имъ, что хлѣбушка нѣтути... Нешто поймутъ они.

— Ну, вотъ тебѣ послѣднее мое слово: двѣ четверти и полуштофъ въ кабакѣ. Посылай жену работать. Не разговаривай больше — ступай вонъ. Сичасъ, чтобъ жена шла, а я велю отпустить... Ступай, ступай... у меня господинъ купецъ спитъ; тутъ, братъ, тыши.

Послышался тяжелый, словно вымученный, вздохъ, скрипнула дверь, и все стихло. Только маятникъ громадныхъ, временъ царя Гороха, часовъ, отчеканивалъ свое: разъ-два, разъ-два, разъ-два.

Изъ услышаннаго мною разговора выяснилась вся дѣятельность міроѣда въ селѣ. Точно, чтобы обрисовать ее еще лучше, въ горницу къ міроѣду вошла какая-то, рыдавшая, женщина.

— Что, Марья?.. Господь посѣтилъ?

— Охъ, по-сѣ-ѣтилъ, батюшка, Иванъ Филиппычъ. Посѣтилъ Всевышній... охъ, тошнехонько.

— Нонче ночью мужъ твой покончилъ?

— Охъ, но-очью, ба-атюшко, ночью.

— Ну, царствіе небесное... А знаешь-ли, что за твоимъ покойникомъ три четверти хлѣба, да семь рублей денегъ было.

— Помираючи, соколикъ мой, говорилъ, охъ, что хлѣбушка полторы четверти тебѣ, да два рубли денегъ.

— И креста на васъ нѣтъ, окаянные!.. Говорю: три четверти, да семь рублевъ.

— Батюшка, ужъ тамъ Господь разберетъ.. Охъ, осиротѣла я, горемычная... А только помоги ты мнѣ, батюшка, на похороны.

— Ну, еще?

— Отецъ родной!..—послышался стукъ, точно кто нибудь кланялся въ ноги.

— Легче... Чтобы шуму не было. У меня купецъ знакомый спитъ—мильонщикъ, а ты шумишь. Чѣмъ я тебѣ помогу, коли и стараго долгу не пріймаешь.

— Да какъ его принять-то, родимый... Скинь хоть малость какую.

— Такъ и быть, на твое сиротство дамъ тебѣ пять рублевъ денегъ.

— Да хлѣбушкомъ помоги, батюшко! Самъ знаешь, нашу-то нивку всю рѣчкой смыло.

— И хлѣбомъ помогу. Только уговоръ, штобъ... Послѣ Семена-то у тебя лошадка осталась?

— Пѣгашка!.. Осталась, отецъ, осталась.

— Ну, вотъ! Хлѣба сѣять нонѣ не будешь? Дѣти-то малы.

— Не буду, голубчикъ, куда ужъ! Христа ради побираться въ городъ пойду. Авось Всевышній не оставитъ.

— Ну, такъ, вотъ—веди лошадь ко мнѣ. Со старымъ, значитъ, долгомъ разочтешься, да и новый въ то же пойдетъ.

— Какъ же это?.. Иванъ Филиппычъ!.. Покойничекъ-то за пѣгашку пятьдесятъ да десять цѣлковыхъ отдалъ.

— Да стара больно лошадка-то.

— Молодой конекъ. Хучь на похороны-то надбавь. Охъ, родименькій...

— Ну, заревѣла опять... Ты не реви. Чего ревешь— господинъ купецъ спитъ. Я вѣдь тебя не тяну. Твоя воля, не хочешь—не иди.

— Дды куда я пойду?

— Ужъ это твое дѣло, куда.

— Дай хучь пятнадцать цѣлковыхъ еще!

Не стану передавать дальнѣйшихъ переговоровъ. Міроѣдъ поставилъ на своемъ, и пѣгашка попала къ нему. Бѣдная вдова вышла, рыдая. Я всталъ. За самоваромъ міроѣдъ только выспрашивалъ меня о моемъ состояніи, намекая на то, что онъ и самъ въ капиталѣ. Я постарался мистифицировать его; черезъ часъ мы были уже пріятелями.

— Ты какъ полагаешь, что я за человѣкъ?—билъ онъ себя въ грудь, выпивая двѣнадцатую чашку чая съ ромомъ и тараща глаза.—Я человѣкъ не простой... Велика наша волость, а?

— Велика.

— Врешь!.. И вся-то она вотъ въ эфтомъ кулакѣ. Вся у меня. Тутъ, братъ, сколь ни есть народу — всѣ мои рабы. Захочу—помилую, захочу—сказню, захочу— всѣ съ голоду подохнутъ, захочу—всѣмъ ѣсть дамъ. Ты на меня не гляди, что я мужикъ. Я по эфтимъ мѣстамъ— царь. Вишь, вонъ по улкѣ мужиченко-то шлыняетъ, вели ему, среди бѣла дня, на карачкахъ ходить—онъ пойдетъ, вели въ присядку—спляшетъ; хоша со слезами, а спляшетъ. Пытаму—моя воля. Вотъ я какой человѣкъ!..

— Какъ же ты дошелъ до этого?

— Своей башкой дошолъ. Какъ волостнымъ былъ, тогда и дошелъ. Тутъ голодъ былъ, а хлѣба у меня не мало призапасено. Я и сталъ народу въ займы давать. Какъ въ слѣдующемъ году посѣвы-то взошли — я за долгомъ, анъ хлѣбъ-то и опять весь мой. Такъ и пошло. Только мужикъ подымется—я его по ногамъ... Ну, и сократилъ. Тапереча имъ противъ меня не дыхнуть... Всѣмъ имъ, я— голова и царь: хочу бью, хочу милую. Одначе я и Бога не забываю. Вотъ бабѣ сичасъ денегъ на похороны далъ...

Мужику помогъ. Потому для моего капитала — это плюнуть!

— Такъ!

— Опять же, ты думаешь, легко это... Нѣтъ, погоди. Ты спервоначалу сообрази — пріѣхалъ, примѣрно, къ тебѣ становой — такъ и такъ, Иванъ Филиппычъ, начальство въ село твое послало. «Про что»? А про вашего брата, какъ про ваши недостатки вѣдаючи, такъ чтобъ недоимки сложить... Поѣзжай, начальство говоритъ, посмотри, коли дѣвствительно нищій народъ, такъ какую недоимку уничтожить, а какую на разные годы!.. «Понимаю, ваше благородіе, одначе мнѣ это не съ руки». Какъ мужика-то недоимкой ошарашутъ, онъ счасъ ко мнѣ.—Помоги!— Ну, я его при эфтимъ добре ошпарю. Кто себѣ врагъ? А сложи съ него недоимку — онъ ко мнѣ ни ногой. Изъ-подъ рукъ уйдетъ. Таперечи онъ-бы мнѣ и долга не отдалъ. Ступай ты коровѣ подъ фостъ, сказалъ-бы, ничего и не подѣлаешь. А какъ недоимка есть, да начальство строгое—шалишь, стой... Какъ съ шельмы недоимку потянуть, кто заплотитъ? — Каргополовъ. Можешь ты это понимать?.. Ну, я счасъ, извѣстно, становому пѣтушка въ ручки — не грабь только меня. Онъ счасъ къ начальству лепортъ! «такъ и такъ, въ селѣ Оксовѣ—живутъ мужики въ достаткѣ и денегъ не плотятъ, потому скареды и воры». Начальство ихъ тѣснитъ, а они ко мнѣ!.. Тутъ-то я съ нихъ оброкъ и получаю. Кого на фабрику, кого на мельницы, кого на заводъ... Понялъ ты, какой я есть человѣкъ?

— Понялъ.

— То-то... Иванъ Филипповичъ Каргополовъ по всей волости первая голова. У меня волостной не сядетъ, пока не прикажу. Ѣдетъ начальство—прямо ко мнѣ. У меня и шипучка про ихъ благородіе водится.

Вошла дочь, старикъ подмигнулъ ей и вышелъ.

Такъ вотъ, думалъ я, глядя на нее, какой роскошный цвѣтокъ выросъ на почвѣ міроѣдства и повальнаго грабежа. Сколько должно было отощать, изболѣть, изголодаться народу, чтобы создать одну такую выхоленную

красавицу.. А въ этотъ день она была удивительно хороша. Сарафанъ, какъ нарочно, оставлялъ непокрытою часть высокой, бѣлой, какъ молочная пѣна, груди. Красная лента перевивалась въ густой, длинной косѣ ея. А улыбка... Какая это была улыбка!.. «Ну-ка, посмѣй, возьми меня!» словно говорила она, смѣясь надъ вашею нерѣшимостію и робостію.

— Поди весело въ городѣ?—спросила она, беззастѣнчиво усаживаясь рядомъ.

— Еще какъ!.. А ты хотѣла бы туда?

— Тутъ скушно.

— А парни?

— Тутошніе? Они и названья парней не стоютъ... Лыкомъ шиты.

— Да ты, я вижу, бойкая?

— Я смѣлая. Ишь у нашихъ парней, поди ни у кого такихъ рукъ не найти... Бѣлыя да мягкія!—и она безцеремонно взяла меня за руку.

Мнѣ стало жарко. Что-то подступало къ сердцу. Было что-то похожее на дурноту. Въ глазахъ стоялъ туманъ, и только порой передо мной сверкали эти знойныя, яркія очи, эта алая лента, въ толстой, тягучей косѣ, эти бѣлорозовыя плечи, эта бѣлорозовая грудь.

— Возьми меня съ собою!

— А ты уѣдешь?

— Отчего не уѣхать — уѣду... Ты хорошій! — Она еще ближе подсѣла ко мнѣ. Ея глаза смотрѣли прямо въ мои. Какъ колыхалась ея грудь, какимъ зноемъ обдавало ея дыханіе. Изъ-подъ слегка приподнятой алой губы — сверкали бѣлые, мелкіе и ровные зубы. Румянецъ гуще и гуще ложился на ея щеки. Наконецъ, она прилегла ко мнѣ на плечо.

— Лошади готовы!

Въ дверяхъ стоялъ мой ямщикъ, неодобрительно поглядывая на насъ. Я вскочилъ. Словно кто меня окатилъ холодною водою. Разомъ встали передо мной и грязныя сцены міроѣдства, и наивный, ничѣмъ не покрытый, гра-

бежъ и нищета, убожество, дикій трудъ и крестныя муки, словно море, расплывшіяся вокругъ этого логовища.

«Нѣтъ, вонъ скорѣй отсюда!.. Вонъ, скорѣй вонъ! Въ эти сырыя поля, въ эту сѣрую, осеннюю мглу, въ эту тряскую, скучную дорогу. Скорѣй, скорѣй!..»

— Чего не останетесь?.. Денекъ бы переждать!..—приглашалъ меня недоумѣвавшій хозяинъ.

— Некогда, сегодня въ Горичи поспѣть надо.

— Вотъ ка-акъ! Ниу!.. Храшо. Теперь разсчетъ, значитъ.

И злая усмѣшка мелькнула на тонкихъ губахъ патріарха. За ночлегъ, за бутылку непитаго мною рома и самоваръ я поплатился шестью рублями.

И снова потянулись передо мною пустынныя мѣста, гдѣ нераздѣльно, словно толстый, безпощадный ядовитый паукъ, царилъ, только что оставленный мною, міроѣдъ.

Села за селами, деревушки за деревушками.

Господи! Гдѣ конецъ этой нищетѣ лютой, этому горю, вопіющему, взывающему и глаголющему? Куда уйти отъ этихъ жалкихъ, изможенныхъ людей, отъ этихъ слабыхъ, безнадежно глядящихъ женщинъ, отъ этихъ одичавшихъ, невеселыхъ дѣтей?

«Нѣтъ ей конца, нѣтъ ей предѣла», уныло свищетъ осенній вѣтеръ! Куда ни зайди, вездѣ встрѣтитъ тебя костлявая старуха-нужда... Вездѣ ея холодящее дыханіе, вездѣ; подъ ея безпощадною косою, падаютъ и падаютъ голодные, слабые, больные люди!..

IV.

ВАСЬКА БЫКОВЪ.

I.

Аргусъ.

Васька Быковъ былъ весьма обстоятельный лопарь. Онъ все дѣлалъ осмотрительно. Такъ и теперь: только-что проснувшись, онъ внимательно оглядѣлъ свою вѣжу, потрогалъ пальцами золу отъ сгорѣвшаго вчера костра, запустилъ руку въ груду березовыхъ вѣтвей, устилавшихъ его жилье еще съ прошлой весны, вытащилъ откуда-то величайшую свою драгоцѣнность — глиняную кружку съ водою и, напившись изъ нея, наконецъ, рѣшился встать.

Косой лучъ солнца сквозь верхнее отверстіе вѣжи падалъ прямо на ея передній уголъ. Нѣсколько мѣдныхъ складней, да старый вылинявшій образъ стояли рядомъ на узенькой полкѣ, подъ которой чернѣли котелки, чайникъ красной мѣди, берестяные ковши и другая утварь, ясно обнаруживавшая, что Васька былъ ни какой-нибудь нищій, а зажиточный лопарь, «купецъ», какъ называли его соотечественники. Двѣ-три оленьи постели въ углу остановили на себѣ взглядъ хозяина. Онъ сладко усмѣхнулся: «Много водки Павковъ дастъ за олешка... ой, много дастъ!»

За дверями робко, трусливо, отрывисто повизгивали собаки. Откуда-то донесся рѣзкій крикъ. Васька встрепенулся.

*

«Ужли чайка?

Опять тотъ-же пронзительный, словно чего-то вымаливающій или на что-то плакавшій крикъ.

«Она и есть! Слава-те Господи!.. Скоро надо быть промышленничкамъ»... И лопарь быстро вышелъ изъ вѣжи, согнувшись на минуту въ три погибели въ низенькихъ дверяхъ своего логовища. Яркій свѣтъ ударилъ ему прямо въ глаза. На небѣ не было ни облачка. Все оно, ослѣпительно синее, искрилось лучами уже довольно замѣтно поднимавшагося надъ горизонтомъ солнца. Только на самомъ краю его жемчужнымъ блескомъ сіяла вытянувшаяся въ узкую бить тучка, да съ юга на громадное пространство раскидывалась все ближе и ближе надвигавшаяся сплошная черная стая перелетной птицы. Оттуда въ эту низину, едва слышные, смутные, глухо обрывавшіеся въ воздухѣ, доносились крики гагаръ...

«Близко весна, близко; скоро норвецкаго рому придется попить». И Васька обернулся назадъ, не замѣчая, что между ногами у него давно съ тихимъ, чего-то выпрашивающимъ повизгиваніемъ кружится кудлатая, желтая, остроносая собаченка. Зажавъ хвостъ между ногами и какъ-то особенно выгнувъ спину, она первая встрѣтила хозяина покорнымъ лаемъ, тогда какъ другія отзывались на это издали. Да и немудрено! Бѣдные псы были привязаны къ вбитымъ въ землю колышкамъ...

Васькѣ было не до нихъ. Онъ нюхалъ воздухъ. Сыроватая струя его давала уже чувствовать близкое пробужденіе сѣвера. Въ ней уже не было рѣзкости, морозной жесткости. Дыханія не захватывало. Еще вѣрный признакъ весны — легкій, едва слышный запахъ гнилой рыбы. Снѣгъ разрыхлился, сталъ какимъ-то губчатымъ. Сквозь него подымаются испаренія отъ оставленныхъ въ прошлое лѣто рыбьихъ внутренностей, устилающихъ все побережье мурманскихъ становищъ, грудами поднимающихся тамъ, гдѣ промысловыя артели очищаютъ и солятъ треску, сайду и пикшуевъ. Васька съ наслажденіемъ дышалъ этою промозглою дрянью... А передъ нимъ,

въ противоположную отъ моря сторону, разстилалась широкая картина, вѣявшая дикимъ величіемъ своихъ громадъ. Изъ бѣлыхъ массъ снѣга, сіявшаго подъ солнцемъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ, подымались уже обтаявшія вершины сѣрыхъ утесовъ, то округлявшихся куполообразными холмами, то возносившихся тонкими иглами обвѣтреннаго гранита; кое-гдѣ скалы принимали видъ круглыхъ башенъ съ конусообразными верхушками, въ другихъ мѣстахъ онѣ горбились какимъ-то чудовищнымъ хребтомъ, въ третьихъ шли цѣпями на югъ, все больше и больше возвышаясь, все крупнѣе, шире и смѣлѣе раскидывая свои уступы. На этихъ площадкахъ кое-гдѣ лежалъ свалившійся и обледенѣвшій снѣгъ, рядомъ съ нимъ чернѣли пятна обтаявшаго торфа. Въ самой дали, гдѣ синева неба сгущалась въ какую-то мглистую полосу, гдѣ нельзя уже было подмѣтить и различить очертаній дикихъ громадъ — сверкала точно черточка, затерянная въ небѣ. Это было горное озеро, покрытое льдомъ, съ котораго вѣтеръ смелъ послѣднія пылинки снѣга, придававшаго ему прежде матовый оттѣнокъ. Васька пристально всмотрѣлся въ эту черточку. Налившіеся кровью глаза его какъ-то прищурились, съузились. Наконецъ, лицо его приняло обычное выраженіе, и глаза раскрылись. «Много оленя ходитъ тамъ!» тихо проговорилъ онъ, разсмотрѣвъ черныя точки этихъ животныхъ въ, Богъ-знаетъ, какой дали... Вблизи, въ бѣлыхъ полосахъ снѣга, устилавшаго низины, стояли какія-то синеватыя пятна. Тутъ снѣгъ «отдавалъ», т. е. разрыхлялся, пухнулъ передъ таяніемъ. По сторонамъ въ разныхъ направленіяхъ чернѣли избы промышленниковъ, оживляющіяся только лѣтомъ, въ промысловую страду. Впрочемъ, здѣсь, наверху, ихъ было немного. За то вездѣ высились черные кресты, воздвигнутые надъ могилами рыболововъ; одни изъ нихъ покосились или лежали на землѣ, другіе, еще новые, не успѣли даже покрыться отъ времени теменью. Въ одномъ мѣстѣ они стояли цѣлою группою. Тутъ находилось кладбище, образовавшееся разомъ, въ одно лѣто, надъ сплошь

вымершею отъ цынги и тифа артелью. Вьюга намела вокругъ цѣлые сугробы снѣга, упорно державшагося на плѣшкахъ противъ теплыхъ лучей уже почуявшаго свою силу солнца. Изъ верхушекъ сугробовъ возставали черные наконечники крестовъ... Но самый большой крестъ рисовался на высочайшей точкѣ этой горной страны. Онъ весь выдѣлялся на самомъ фонѣ неба, служа лѣтомъ маякомъ для рыболововъ, оріентировавшихся съ его помощью въ самыхъ безбрежныхъ захолустьяхъ Ледовитаго океана, вблизи отъ бухты. Даже когда туманъ облегалъ понизи, закутывалъ склоны утесистыхъ береговъ, мгла не доходила до верхушки этой скалы, и крестъ былъ виденъ весь издалека.

Достаточно оглядѣвъ окрестности на югъ, Васька Быковъ повернулся къ морю и на минуту закрылъ глаза. На сѣровато-зеленомъ просторѣ океана, во всѣхъ направленіяхъ сверкало и серебрилось матовыми глыбами множество ледяныхъ массъ, носившихся здѣсь всю зиму. Въ дали океана, гдѣ взоръ оказывался безсиленъ, все сливалось въ бѣлую, точно засыпанную снѣгомъ полосу. Стамухи *) достигали громадной величины. Двѣ изъ нихъ были большими пловучими островами мили по четыре въ діаметрѣ. Другія выдвигались изъ воды точно подводныя скалы. Теперь, когда море было спокойно, онѣ едва колыхались на его просторѣ; но въ бурю стамухи неудержимо носились по волнамъ, сталкивались, разбивались и вновь разносились съ глухимъ шумомъ, покрывавшимъ непогоду. Если-бы кто-нибудь сталъ здѣсь на берегу, онъ не услышалъ-бы ни свиста вѣтра, ни грохота валовъ. Только трескъ, шуршанье и громъ столкнувшихся ледяныхъ глыбъ стояли-бы въ его ушахъ, подавляя мысль и сознаніе, мѣшая все передъ глазами въ какую-то страшную стихійную битву... У береговъ тянулись во всѣ стороны бѣлые ледяные припаи, узкіе на пунктахъ, далеко выдавшихся въ океанъ, и широкіе,

*) *Стамухи* — плавающія льдины или же ледяные припаи, образовавшіеся у подводныхъ камней.

заполнявшіе небольшіе заливы тамъ, гдѣ береговая линія вдавалась внутрь. Сквозь ледяные припаи кое-гдѣ прорѣзывались острые гребни пахтъ и черные зубцы коргъ. Края припаевъ были изорваны, изломаны и иззубрены. Кое-гдѣ они даже висѣли выдающимися кровлями надъ водою. Въ одномъ мѣстѣ выступъ припая удержалъ громадную стамуху, и весь этотъ ледяной полуостровъ далеко выдвигался въ океанъ, словно передовой форпостъ этихъ мрачныхъ твердынь, на которыхъ не поднималось ни одно голое деревцо... Камень да снѣгъ, снѣгъ да камень—и надъ всей этой каменно-снѣжной массой, мертвой и безмолвной, только ревъ моря, да стонъ одинокой чайки...

Лопарь стоялъ на вершинѣ одной изъ скалъ, гдѣ была разбита его вѣжа. Передъ нимъ рисовался не только просторъ океана, но и вся, какъ на ладони, съ своими извилинами и островами, внутренняя бухта становища, запертая со всѣхъ сторонъ длинными мысами, сквозь которые, словно отворенная, но узкая дверь свѣтлѣла на солнцѣ щель, соединявшая воды залива съ безграничнымъ просторомъ моря. Васька внимательно осмотрѣлъ всѣ эти береговые выступы, на которыхъ и было раскинуто становище покрученниковъ. Въ бѣлыхъ массахъ снѣга группами чернѣли избы, словно кучи какихъ-то гнилушекъ, жалкія, подслѣповатыя. Въ иныхъ не было даже и оконъ. Одна только дверь, и та заваленная сугробами. Кое-гдѣ изъ стѣнъ выступали наружу ветхія бревна, открывая щели въ эти лачуги, сквозь которыя глядѣла въ нихъ сырая и холодная тьма. Между избами во всѣ стороны разсыпаны неуклюжіе амбары для склада рыбы, еще хуже, еще старѣе избъ. Въ самомъ низу, на островахъ, лежавшихъ въ бухтѣ, высились постройки поприглядцѣе. Но и тамъ не было ни души. Въ одной, отъ которой въ бухту шла пристань въ родѣ довольно возвышеннаго мола, помѣщалась лѣтомъ факторія колониста Филиппова, въ другой, щеголявшей свѣжимъ тесомъ и новою кровлей, устроенъ паровой жиротопенный заводъ купца Базарнаго...

Нѣкоторыя избы лѣпились на небольшихъ выступахъ сѣраго камня, другія взбѣгали на острыя крыши скалъ; третьи, словно сползая внизъ и глядя сверху въ бухту, цѣпко держались за почти отвѣсную стремнину. Гдѣ только на сѣромъ гранитѣ замѣчали хоть маленькую площадку, се тотчасъ-же застраивали избой. Промысловыя лачуги висѣли однѣ надъ другими. Издали казалось, что въ одномъ мѣстѣ изба стоитъ на кровлѣ другой. У самой воды, скованной пока сплошною полосою льда, черные ряды избъ еще хуже, еще мертвеннѣе верхнихъ... Тяжелое впечатлѣніе производитъ это становище на свѣжаго человѣка зимою. Кучи избъ, и всѣ пусты. Нигдѣ незамѣтно движенія, даже громыханье рыхлаго снѣга замираетъ въ общемъ молчаніи. Точно тутъ прошла зараза, и все живое погибло въ ея отравляющемъ дыханьѣ. Бѣжалъ-бы отсюда хоть въ этотъ вѣчно-движущійся просторъ Ледовитаго океана, на которомъ теперь только черные нордкаперы (киты) взбрасываютъ вверхъ цѣлыя струи бѣлой пѣны.

«Вотъ онъ, шельма, вотъ онъ, морская собака!» — ругался Васька Быковъ, замѣтивъ вдали одного такого кита, грузно плюхнувшаго въ воду у самаго берега... «Э, кабы буря... да выбросило его на мандеру... то-то водки-бы было...» Но китъ, словно разрушая его ожиданія, показался уже далеко-далеко и за версту отъ него бросилъ вверхъ два фонтана изъ своихъ дыхалъ...

Васька стоялъ и слушалъ. Вотъ, сквозь глухой шумъ моря, сквозь легкое шуршанье покачивавшихся на немъ тамухъ, прорѣзался тонкій, пискливый звукъ справа. Не успѣлъ лопарь уловить его, какъ налѣво повторилось то-же, но уже съ какимъ-то рокотомъ, журчанье.

«Близко весна, близко!»

Ручьи талой воды, просочившіеся въ снѣгу, становились все слышнѣе и слышнѣе. Вотъ одинъ даже сбѣгаетъ по голому камню, надъ которымъ кончается, пронизанная водою, масса снѣга. Струя блеститъ на солнцѣ, разбиваясь въ мелкія брызги и попадая внизъ только едва

замѣтнымъ дождемъ на сугробъ, въ вершинѣ котораго этотъ маленькій водопадъ уже образовалъ воронкообразное углубленіе... Сходя сверху, лопарь чуть не ушелъ по шею въ низину, засыпанную снѣгомъ, до того сталъ онъ губчатъ и рыхлъ...

Когда Васька подошелъ къ водѣ, его встрѣтило то-же робкое повизгиванье...

Пока онъ стругаетъ рыбу собакамъ да раскладываетъ у себя небольшой костеръ, на берегъ спустилось нѣсколько большихъ чаекъ. Молчаливо прошли онѣ по скаламъ; раза два или три спустились на воду, прислушались къ плеску воды, просочившей снѣговыя глыбы и разомъ разразились громкими, рѣзкими криками, пронизавшими всѣ окрестности. Съ минуту продолжалось молчаніе, но потомъ вдругъ со всѣхъ сторонъ—съ запада, съ юга и съ востока—послышались далекіе, едва слышные крики, становившіеся все пронзительнѣе и пронзительнѣе и, наконецъ, заглушившіе все...

Васька какъ-разъ выбѣжалъ изъ своей вѣжи въ тотъ самый моментъ, когда стаи чаекъ со всѣхъ сторонъ, словно бѣлыя тучи, надвинулись на становище, охватывая его отовсюду. Птицы стремились къ тѣмъ тремъ согладатаямъ, которые прибыли ранѣе и, суетясь больше всѣхъ, подавали имъ сигналы вскрикиваніями, еще болѣе рѣзкими и громкими... Наконецъ, вся масса чаекъ разомъ ринулась на берегъ, смѣшалась въ неизобразимой суматохѣ, застлавъ всѣ окрестности, и спустя нѣсколько секундъ разсѣялась по выступамъ скалъ, длинною и волнистою бѣлою линіею, окаймивъ ихъ гребни. Точно съ вершины крѣпостныхъ валовъ частая дробь выстрѣловъ, отсюда въ безбрежный просторъ неслись крики безчисленныхъ стай, привѣтствовавшихъ знакомый имъ океанъ послѣ зимней разлуки...

Нѣсколько отставшихъ чаекъ показались вдали и, встрѣченныя общими криками, усѣлись въ сторонѣ. Долго еще стоялъ по возморью сильный гулъ, какъ-будто всѣ окрестности разомъ закипѣли весеннею жизнью, сбрасывая съ себя оковы зимняго сна...

Такой-же точно крикъ слышался въ этотъ день и по всему простору мурманскаго поморья. Такія-же стаи усѣяли его восьмисотъ-верстную береговую линію...

Васька вернулся назадъ, сварилъ себѣ соленой трески въ котелкѣ, поѣлъ ее съ твердою лепешкою изъ ржаной муки и отправился по становищу съ одного края до другого, осматривая каждую избу отдѣльно. Онъ нанятъ былъ хозяевами артелей стеречь избы, снасти, лежавшія въ скеяхъ, дрова, сложенныя въ амбарушкахъ. Каждая шняка платила ему за это по пяти рублей. Лопарю большую часть зимы и скучной полярной осени пришлось провести здѣсь одному. Одинъ онъ слушалъ, какъ кругомъ выла полярная вьюга, какъ мятель кружилась около его вѣжи, какъ гремѣли въ океанѣ сталкивавшіяся и разбившіяся стамухи, одинъ онъ работалъ здѣсь, пѣлъ свои монотонныя пѣсни и велъ бесѣду съ своими собаками. Какъ-то заболѣвъ, одинъ онъ пролежалъ въ вѣжѣ, выползая оттуда только для того, чтобъ втащить дровъ для костра да дать корму собакамъ. Когда ему уже очень становилось скучно, то самъ себѣ вслухъ разсказывалъ сказки о чуди, что приходила въ оно время воевать лопарей по первому весеннему насту, о томъ, какъ смирная лопь отъ той чуди хоронилась въ камень, пряталась посреди озеръ... Цѣлые дни проводилъ онъ, сидя и мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Когда нападала на него злость, когда не въ моготу становилось терпѣть долѣе, онъ выходилъ на плѣшку высокой скалы и, обращаясь лицомъ къ морю, громко ругалъ кого-то, посылалъ кому-то самыя непривѣтливыя пожеланія, старался перекричать и ревъ валовъ океана, и шумъ проплывавшихъ мимо ледяныхъ глыбъ. Какъ-то пришлось ему выдержать здѣсь осаду волчьей стаи, случайно забравшейся въ лопское поморье. Собаки тоже спрятались въ вѣжу. Цѣлыя сутки сидѣли волки вокругъ рея и выли, высоко закидывая вверхъ свои востроносыя головы. Жутко было Васькѣ, да дѣлать нечего. Въ страхѣ повизгивали собаки, въ страхѣ и самъ онъ жался въ уголъ, читая

всѣ приходившія ему на память молитвы, призывая на помощь и Трифона Печенегскаго, и Николая Чудотворца... Наконецъ, ему удалось отсидѣться. Хищники замѣтили вдалекѣ пару дикихъ оленей и пустились за ними. Васька тотчасъ-же послѣ этого соорудилъ около вѣжи крестъ.

Нѣсколько разъ одинокій лопарь просиживалъ цѣлыя ночи на скалахъ у глухо шумящаго моря. Любо ему было смотрѣть, какъ разыгрывается сполохъ на небѣ, какъ таинственное сіяніе полюса, озаряя громадный океанъ, выхватываетъ изъ мрака ледяныя глыбы и гряды береговыхъ скалъ. Стамухи на самомъ краю движущагося водяного простора кажутся громадными кострами голубого пламени; синевато-блѣдный свѣтъ ложится и на скалы, и на снѣга «мандеры». А когда въ извѣстные моменты все небо охватывало багровое зарево, когда сполохъ казался ярко кровавымъ, океанъ тоже катилъ передъ нимъ кровавые валы, кровью покрывались и утесы, и материкъ, и ледяные острова. Глядя на эту стихійную борьбу, пѣлъ онъ старыя лопскія преданія о трехсотлѣтнемъ кудесникѣ, котораго сполохъ унесъ на небо, о большомъ, больше кита, волкѣ, что бѣгаетъ тамъ теперь, на краю неба, извергая изъ своей пасти цѣлые снопы таинственнаго свѣта... Дикіе звуки пѣсенъ разносилъ меланхолически свиставшій здѣсь вѣтеръ, и въ странномъ созвучіи сливались они съ грохотомъ морского прибоя, дробившагося о скалы, съ отдаленнымъ трескомъ льдинъ, съ глухимъ шумомъ снѣгового обвала, падающаго внизъ въ цѣлую массу бѣлой пѣны...

Разъ какъ-то Васькѣ серьезно пришлось испугаться. Издали надвигалась громадная ледяная глыба. Быковъ сначала преравнодушно смотрѣлъ на нее, пока ему не кинулись въ глаза загадочныя очертанія, чьи-то округленныя тѣла, едва-едва сѣрѣвшія на матовыхъ массахъ стамухи. Очертанія опредѣлялись все рѣзче и рѣзче. Можно было замѣтить, какъ они переходили съ одного мѣста на другое, подымались на вершины ледяныхъ горбовъ, спускались съ нихъ, подходили къ краю пловучаго острова,

отступали на середину его. Уже за двѣ версты отъ мандеры, лопарь могъ осмотрѣть острые носы полярныхъ медвѣдей, желтовато-бѣлыя тѣла ихъ и крупныя лапы. Здѣсь была цѣлая семья ошкуевъ. Льдину, вѣроятно, оторвало торосомъ отъ береговъ Новой Земли и унесло сѣверо-восточнымъ вѣтромъ на Мурманъ. Этотъ движущійся островъ имѣлъ не менѣе четырехъ географическихъ миль въ діаметрѣ.

Васька было совсѣмъ смѣшался и, отвязавъ своихъ собакъ, хотѣлъ уже убраться во внутрь страны отъ непрошенныхъ посѣтителей, которые, словно почуявъ берегъ, столпились на ближайшей къ нему сторонѣ пловучаго острова. Тутъ лопарю удалось разсмотрѣть ихъ въ подробностяхъ. Видѣлъ онъ, какъ медвѣдица играетъ съ своими подростками, какъ тѣ потчуютъ другъ друга подзатыльниками, или, сѣвъ на заднія лапы, размѣниваются пощечинами. Несчастный тюлень, не замѣчая ошкуевъ, забрался было на льдину. Онъ уже выбралъ себѣ удобное мѣстечко и распластался на немъ, поворачивая къ солнцу голову. Толстое тѣло его отливало издали сѣрымъ блескомъ. Медвѣдица разомъ затаилась. Вся она какъ будто прижалась къ льдинѣ, даже уши ея пропали куда-то, точно ушли во внутрь. Тихо-тихо она стала подбираться вдоль окраины пловучаго острова къ безпечно дремавшему животному, которое опомнилось только тогда, когда путь къ отступленію въ воду былъ ему прегражденъ отовсюду. Несчастный тюлень вовсе и не думалъ защищаться. Онъ только повернулся хвостомъ къ медвѣдицѣ отъ страха и старался поглубже зарыться въ снѣгъ головою... Васька только и видѣлъ, какъ сѣрая масса накрыла темную, какъ на призывный глухой ревъ сбѣжались подростки и всѣ смѣшались въ одну толчею.

Когда льдина была ужъ близъ берега, и лопарь собирался уходить, восточный вѣтеръ стихъ, и взамѣнъ поднялся юго-западный «горній», отъ берега. Васька Быковъ съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ громадный пловучій островъ, со всѣмъ своимъ опаснымъ населеніемъ,

сначала остановился на волнахъ, потомъ завертѣлся на мѣстѣ, отчего ошкуи стали неистово ревѣть и, наконецъ, дрогнувъ, сталъ отдаляться отъ Мурмана, уплывая назадъ по тому-же направленію, по какому онъ приплылъ сюда. Васька, забравшись на самую окраину берега, кричалъ, хохоталъ вслѣдъ медвѣдямъ, бранилъ ихъ и, наконецъ, сталъ кидать имъ въ догонку куски льдинъ, хотя они, разумѣется, тутъ-же падали въ воду. На него напалъ порывъ дикаго, бѣшенаго наслажденія; онъ грозилъ уже исчезавшему на горизонтѣ острову кулаками, бѣгая взадъ и впередъ по небольшой площадкѣ берегового выступа, называя ошкуевъ трусливыми оленями, паршивыми собаками, жалкими бѣлками, и оралъ до тѣхъ поръ, пока не охрипъ и не упалъ въ снѣгъ отъ изнеможенія. Выспавшись тутъ-же, онъ всталъ опять, привязалъ къ колышкамъ сбившихся было въ кучу собакъ и, засѣвъ къ своему костру, сталъ импровизировать нараспѣвъ сказаніе, какъ ошкуи приходили съ далекаго моря къ нему, Васькѣ Быкову, чтобы пожрать его и его собакъ, какъ они уже приставали къ берегу, да испугались Васьки и повернули льдину назадъ, туда, «гдѣ по ночамъ бѣгаетъ старый-старый, какъ земля, волкъ, извергающій изъ пасти цѣлые снопы таинственнаго полярнаго свѣта».

Потомъ опять наступили цѣлыя недѣли однообразнаго существованія. Солнце совсѣмъ не поднималось надъ горизонтомъ. Часовъ около одиннадцати дня что-то сѣрѣло кругомъ. Ночь прояснялась, наступали на полчаса короткія сумерки, и опять тьма заволакивала все окружающее. Приходилось жутко. Даже полярныхъ сіяній не было видно. Стояла сырая погода, небо низко опускалось громадами грузныхъ тучъ, сквозь которыя не могъ проникнуть слабый свѣтъ сполоховъ. Съ утра до ночи падалъ снѣгъ. Такого тоскливаго времени никогда не забудетъ Васька. Онъ только ѣлъ да спалъ въ это время, не выходя изъ вѣжи. Верхнее отверстіе его жилья заваливало снѣгомъ. Разъ-было онъ заснулъ. Дымъ отъ костра, оставаясь въ вѣжѣ, до того сгустился въ ней,

что лопарь чуть не задохнулся. Кое какъ, на четверенькахъ, выползъ онъ вонъ и тутъ-же, у входа, упалъ въ снѣгъ, врастяжку. Долго-ли онъ лежалъ — не знаетъ. Помнитъ только, что проснулся съ страшною болью въ головѣ. Собака, лизавшая ему лицо, даже залаяла отъ радости, замѣтивъ, что хозяинъ ея ожилъ. Когда, спустя нѣсколько недѣль, разсѣяло тучи, опять по ночамъ стали играть сполохи, и Васька, при перебѣгающемъ, мѣнявшемъ постоянно свои цвѣта, колеблющемся свѣтѣ ихъ, шлялся по становищу съ собаками. На ледяныхъ припаяхъ добирался до лежавшаго здѣсь-же въ губѣ Урѣ острова Шалима, тамъ молился въ небольшой часовнѣ, въ ней-же иногда и спалъ, когда возвращаться назадъ въ вѣжу было далеко и непогодно...

Отъ скуки Васька иногда выдумывалъ и развлеченія. Онъ *разговаривалъ* съ своими друзьями и родными. Садился къ огню и, несмотря на то, что въ его логовищѣ не было никого живого, заводилъ съ отсутствующими долгія бесѣды вслухъ. Разсказывалъ онъ о томъ, какъ ему живется здѣсь, что онъ дѣлалъ, какъ онъ прогналъ бѣлаго медвѣдя, какъ кормитъ своихъ собакъ, стережетъ становище, описывалъ имъ картину берега, окружающаго его, отвѣчалъ имъ на воображаемые вопросы и, вдоволь наболтавшись, падалъ навзничь и засыпалъ, гдѣ попало, до утра... Иногда во время этихъ бесѣдъ онъ горячился, воображалъ себя на суймѣ, рѣшая свои общественные вопросы, злобно уличалъ кого-то въ кражѣ его оленей и опять мирился...

Впрочемъ, иногда сама природа создавала ему непредвидѣнныя развлеченія. Разъ какъ-то, днемъ, солнце стало уже чуть-чуть приподымать свой краешекъ надъ горизонтомъ, весь сѣверо-востокъ неба замеледился отсвѣтами, лучами, какими-то свѣтлыми призраками неопредѣленныхъ, сливавшихся и постоянно мѣнявшихся очертаній. Точно по темному небу ползли легкія свѣтлыя тучи въ разныхъ направленіяхъ, то сталкивавшіяся, то расходившіяся, оставляя между собою темныя полосы... Ясные

призраки скучивались иногда въ одно цѣлое, но когда вѣтеръ становился сильнѣе, они разбивались на группы, разбѣгались вереницами. Часто отсвѣты ихъ становились радужными, голубоватыми, багровыми... Васька, усѣвшись на берегу съ своими собаками, глазъ не сводилъ съ этого величаваго зрѣлища и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, не то молитву, не то заклинанія... Одну общую черту замѣчалъ онъ во всѣхъ этихъ очертаніяхъ: они были прямолинейны. Наконецъ, уже на другой день, загадка объяснилась. Вѣтеръ нагналъ къ Мурману пропасть громадныхъ льдинъ, отраженіе которыхъ на небѣ создавало загадочные призраки, поражавшіе и привычнаго къ полярнымъ явленіямъ лопаря. Льдины запрудили значительное пространство океана. Между ними Васька замѣтилъ остатки какого-то сломаннаго судна. Одна мачта и остовъ оставались цѣлы, все остальное висѣло изломанное, оборванное, въ клочьяхъ и лохмотьяхъ. Васька хотѣлъ было добраться къ этому, безжизненно-чернѣвшему въ смутномъ свѣтѣ сумерекъ скелету корабля, но между отдѣльными глыбами льдинъ лежали цѣлые проливы, по которымъ неудержимо неслись оперенные косматыми бѣлыми гривами, зеленоватые, даже ночью, валы океана. А когда вспыхнуло сѣверное сіяніе, остовъ корабля, порою выдѣлявшійся посреди голубыхъ льдинъ и вновь уходившій въ тьму, производилъ на лопаря какое-то загадочное и сумрачное впечатлѣніе... Разъ ему даже почудилась жизнь на этой щепкѣ, затерянной въ безконечномъ просторѣ океана...

Остовъ корабля заинтересовывалъ Ваську Быкова все больше и больше.

Не въ характерѣ этого номада было отказываться отъ рѣдко западавшихъ въ его голову мыслей.

Васька съ утра до ночи сидѣлъ на выдавшемся далеко въ море выступѣ скалы и не сводилъ глазъ съ разбитаго судна... Онъ пристально изучалъ всѣ его подробности. Разбитый киль, изогнутая и расщепленная корма, висѣвшая безсильно фокмачта, обрывки такелажа—

все это, даже ночью, было имъ разсматриваемо до точности въ немногіе моменты, когда полярное сіяніе ярко вспыхивало миріадами лучей и охватывало полнеба своими свѣтоносными дугами. Потомъ опять онъ неподвижно торчалъ на утесѣ, ожидая, когда сполохъ вновь разгорится и позволитъ ему разсмотрѣть палубу судна, загроможденнаго ледяными обломками...

Когда зрѣніе его утомлялось, Васька закрывалъ глаза и раздумывалъ, что такое могло быть въ трюмѣ судна Что тамъ есть норвежскій ромъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но, кромѣ того, должно быть и свиное сало, и сухари, а, можетъ быть, и деньги. И лопарь замиралъ отъ восторга, видя уже себя обладателемъ громадныхъ оленьихъ стадъ, свободнымъ отъ необходимости проводить здѣсь цѣлыя зимы, чтобы, въ концѣ концовъ, все-таки остаться недоимщикомъ у казны и должникомъ у кольскихъ кулаковъ. Онъ видѣлъ себя уже женатымъ; жена его щеголяетъ въ душегрѣйкѣ изъ алаго бархата, подбитаго лисьимъ мѣхомъ. Сорочка ея расцвѣчена настоящимъ жемчугомъ, на ногахъ не коты, а настоящіе сапоги изъ русской кожи. И самъ онъ ужъ не въ своемъ совикѣ, а въ нѣмецкомъ пальто, что видѣлъ на кольскихъ купцахъ. Въ жилетномъ карманѣ у него стучитъ та хитрая штучка, по которой русскіе и норвежцы узнаютъ время. А главное, у него всегда есть ромъ,—много рому, сколько хочешь рому. И у жены его есть, и у родственниковъ, и у знакомыхъ. По всей Имандрѣ разнесся слухъ о его богатствѣ. Со всѣхъ концовъ лопской земли съѣзжаются къ нему райды съ неизвѣстнымъ народомъ, но ему все равно: у него хватитъ про всѣхъ, и онъ накормитъ ихъ до отвала... Самъ кольскій исправникъ пьетъ у него чай проѣздомъ.

И спустя нѣсколько времени послѣ того на шею ему навѣшиваютъ ту самую красивую золотую монету, какую онъ видѣлъ на своемъ волостномъ старшинѣ... Тутъ онъ даже замеръ отъ восторга.

Не знаю, долго-ли продолжалъ бы фантазировать и

высматривать судно Васька Быковъ, если-бы съ сѣвера не потянуло рѣзкимъ вѣтромъ. Точно что-то жгучее пахнуло въ лицо ему—такъ сильно было дыханіе полярнаго мороза. Онъ было попробовалъ отвернуться—не тутъ-то было. Та же стужа заползла ему подъ оленій мѣхъ. Собаки, и тѣ, сбившись въ кучу, жались къ его ногамъ. Въ послѣдній разъ окинувъ корабль, онъ медленно поднялся и по гребню скользкаго утеса поплелся въ свою вѣжу, гдѣ долго еще покачивался съ боку на бокъ, размышляя о предстоявшемъ ему трудѣ—*добраться до судна*...

На другое утро, только-что чуть просвѣтлѣло, Васька сталъ бродить по становищу, разыскивая, не удастся-ли ему гдѣ-нибудь добыть весновальнаго карбаса. Не обращая вниманія на запертыя двери, онъ пробирался въ избы черезъ окна, но все было напрасно. Карбасы, употребляемые на рѣкахъ и въ заливахъ Бѣломорья, еще встрѣчались, были на открытомъ воздухѣ и шняки, но весновальныхъ лодокъ нигдѣ не оказывалось, ни внутри, ни снаружи избъ, ни въ скеяхъ, ни въ амбарахъ.

Весновальная лодка употребляется жителями береговъ Кемскаго и Мезенскаго поморья для боя тюленей между льдами и на льдахъ. Это небольшой челнокъ на полозьяхъ. Къ бортамъ его прикрѣплены ремни. Когда пловцамъ загораживаютъ путь льдины,—сплошь загромождающія извѣстное пространство,—они вытаскиваютъ на ледъ весновальный карбасъ, схватываютъ за ремни, тащатъ его съ грузомъ по льду, какъ сани. Когда льдина оканчивается, или между двумя льдинами образуется узкій проливъ—салма,—весновальный карбасъ сбрасывается туда, промышленники садятся въ него и плывутъ дальше. Если грузъ переполнилъ лодку, его связываютъ и, прикрѣпивъ веревкою къ кормѣ, бросаютъ въ воду. Такая именно лодка нужна была Васькѣ. На ней, съ грѣхомъ пополамъ, онъ могъ добраться до судна и черезъ льдины, и черезъ море...

Только къ вечеру, когда онъ уже думалъ прекратить свои поиски, въ одной заброшенной скеѣ попался ему на глаза небольшой челнокъ этого рода. Лопарь даже запѣлъ отъ удовольствія. Онъ подтащилъ его къ своей вѣжѣ, а самъ сейчасъ-же отправился на вчерашнюю скалу слѣдить за кораблемъ. Какъ онъ боялся, чтобы не поднялся южный вѣтеръ, чтобы льдовъ не отнесло въ сторону! Корабль уже, казалось, принадлежалъ ему. Каждый случайный порывъ вѣтра онъ встрѣчалъ какъ посягательство на свою собственность. Но, къ счастью, судно стояло на своемъ мѣстѣ. Только въ этотъ разъ сполохъ горѣлъ ярче, и Быковъ хорошо могъ разсмотрѣть, что корпусъ корабля разсѣлся на-двое. Безобразно расщепившіеся концы бортовыхъ досокъ торчали, какъ сломанныя и выдавшіяся наружу ребра скелета, засыпаннаго снѣгомъ.

Цѣлую ночь онъ работалъ надъ поправкой весновальнаго карбаса.

Нужно было вбить клинья въ пустыя дыры отъ старыхъ гвоздей. Нужно было прикрѣпить ремни къ бортамъ, чтобы можно было переволакивать лодку по льдинамъ. Нужно было законопатить отверстія, пробитыя въ килѣ. Наконецъ, слѣдовало еще сравнять иззубренные полозья.

Едва-ли когда-нибудь онъ работалъ такъ, какъ теперь.

Даже собакъ онъ забылъ привязать къ кольямъ. Онѣ молчаливо окружали его; пока не заснули, свернувшись у самой лодки. Тихое урчаніе ихъ странно сливалось со стукомъ и скрипомъ дерева. Ночь, какъ нарочно, была ясная, свѣтлая... Вмѣсто отдыха, Васька бѣгалъ на берегъ слѣдить за *своимъ* судномъ. Перемѣна погоды сильно пугала его. Ему почему-то казалось, что завтра долженъ подняться горній вѣтеръ, которымъ, разумѣется, судно унесетъ назадъ на Новую Землю, откуда, вѣроятно, и принесли его льды.

На клинья ему пришлось извести сухое дерево, которое онъ употреблялъ для добыванія себѣ огня. На

ремни онъ разорвалъ одну изъ своихъ оленьихъ постелей. Ремни приходилось дѣлать длинные, чтобы, самому идя впереди лодки, тащить ее. Обыкновенно-же на весновальныхъ лодкахъ находятся шесть ремней, и шесть покрученниковъ, идя рядомъ съ лодкою, тянутъ ее впередъ. Потомъ нужно было ему сдѣлать весла. Находившіяся въ становищѣ были слишкомъ длинны для того, чтобы можно было ими дѣйствовать въ узкихъ скважинахъ между льдинами. Отверстій оказалось много у киля и въ килѣ. Все дно лодки продырявилось, она давно уже сослужила свою службу и едва-ли употреблялась лѣтними промышленниками. Лопарь законопатилъ ее оленьей шерстью, мхомъ, залилъ смолою, которая нашлась въ амбарѣ, и забилъ отверстія клиньями.

Къ утру весновальный карбасъ былъ готовъ совсѣмъ. Невдалекѣ тянулось сплошное ледяное пространство. Васька потащилъ туда лодку. Попробовалъ. Сглаженныя полозья удивительно облегчали движенія ея. Каково она пойдетъ на водѣ?.. Онъ и не думалъ объ этомъ. Удача казалась неизбѣжной...

Какъ ни боялся онъ южнаго вѣтра, а приступить къ дѣлу не рѣшился, прежде чѣмъ не срубилъ и не поставилъ креста на вершинѣ одной изъ скалъ, гдѣ находилось небольшое въ ширину углубленіе, сплошь покрытое торфомъ. Не зная, чѣмъ украсить крестъ, онъ повязалъ на него свою холщевую рубаху. Послѣ этого ему стало легче. Стало быть, если не было южнаго вѣтра до сихъ поръ, такъ послѣ уже не будетъ. Развѣ это ничего не значитъ, что онъ поставилъ новый крестъ?.. Богъ, разумѣется, поможетъ ему, бѣдному лопину, добыть себѣ и рому, и оленей, и денегъ, и норвежскаго платья, и золотую копейку на шею. Онъ даже усмѣхнулся, точно подсмѣиваясь надъ вѣтромъ, что тотъ пропустилъ время отнять у него законную добычу.

---

*

II.

Путь по льдинамъ.

Тащитъ лодку на мандерѣ, несомнѣнно, было труднѣе, чѣмъ распоряжаться ею на плавающихъ льдинахъ.

Тутъ на каждомъ шагу горбились передъ нимъ скалы, падали внизъ глубокія низины. Всходя наверхъ, надо было не только до поту напрягаться, чтобы перетащить лодку черезъ хребетъ утеса, но изловчиться, чтобы не попасть слабымъ килемъ въ острый выступъ гранита, или не менѣе острый край торчкомъ стоявшихъ льдинъ. Иногда, только что онъ кое-какъ взберется на высоту, какъ попадетъ на скользкое мѣсто и быстро съѣдетъ внизъ. Лодка уже догоняетъ его сверху. Раза два она падала на него и чуть не измяла ему грудь. Случалось ему долго взбираться наверхъ, гдѣ онъ убѣждался, что отсюда нѣтъ никакого удобнаго спуска, а просто идетъ внизъ вертикальная поверхность утеса. Приходилось опять перебираться, опять искать другую дорогу, да и то еще напрягая послѣднія усилія и ложась на землю отъ истощенія и устали.

Спускаться внизъ было еще хуже.

Иногда поскользнется и летитъ, пока ноги не упрутся въ выступъ сѣраго гранита. Иногда, понадѣявшись на поверхность снѣга, завалившаго ложбину, онъ ступалъ сверху на прочный, повидимому, настъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и моментально проваливался, уходя съ головою въ холодную сырую массу. Хорошо еще, если лодка оставалась наверху; но разъ провалилась и она, и ему пришлось потерять часа два на то, чтобы добыть ее оттуда. Онъ работалъ весь въ поту, чуть не сломалъ себѣ ноги, бился и лбомъ, и затылкомъ объ ледъ; но все таки ползъ все дальше и дальше, при каждой остановкѣ осматривая свою лодку.

Небо заволокли тучи, пошелъ снѣгъ. Ему было не до того. Сумерки дня еще продолжались, и дорогу впереди

онъ все таки видѣлъ. Его догнала было собака, которую онъ забылъ накормить утромъ. Съ тихимъ визгомъ потянула его за полу совика;—онъ ткнулъ ее ногою и прогналъ прочь. До того-ли ему было; онъ и самъ ничего не ѣлъ сегодня—и все-таки не чувствовалъ голода. Несмотря на то, что въ цѣлый день онъ не сказалъ ни слова, онъ охрипъ. Онъ попробовалъ-было запѣть—и самъ удивился хриплымъ, неровнымъ, словно захлебывающимся звукамъ своего голоса...

А уставать было некогда—*его* судно ждало его...

Нѣсколько разъ онъ глоталъ снѣгъ и ледъ, освѣжавшіе его пылавшую внутренность.

Разъ онъ сорвался вмѣстѣ съ обваломъ снѣговой глыбы, да во время догадался бросить ремни. Самъ онъ ушелъ головой въ снѣгъ по самыя пятки, зато лодка его осталась наверху цѣлой и невредимой. Кое-какъ выбравшись изъ этой щели, онъ опять добылъ карбасъ и поволокъ дальше. Наконецъ, когда ему удалось достигнуть ледяныхъ припаевъ, онъ чуть не упалъ въ море, споткнувшись съ одного обледенѣвшаго обрыва.

Зато тѣмъ полнѣе было его торжество, когда карбасъ закачался на волнахъ, и онъ сѣлъ въ него, взявъ въ руки короткія, прочныя весла.

Наступала ночь... На темно-синемъ небѣ рѣзко и ярко выдѣлялся рогъ молодой луны... Въ серебристомъ свѣтѣ ея потонули окрестные берега. Только вершины утесовъ плавали въ туманѣ, пронизывая его своими острыми иглами и гранитными гребнями. Справа и слѣва отъ лодки неслись плавныя волны у океана, съ тихимъ шуршаньемъ раскачивая льдины, казавшіяся въ этомъ прозрачномъ сіяньѣ матовыми, серебряными глыбами. Гдѣ-то волны бились въ выбоину отвѣснаго каменнаго берега; оттуда доносился злобный рокотъ и торжественный гулъ моря...

Васька бодро перебиралъ веслами, отталкивая плывшія сбоку и минуя несшіяся на встрѣчу льдины. Иногда ему въ одно и то-же время приходилось отодвигать съ обѣихъ

сторонъ одновременно сходившіяся стамухи, часто лодка попадала въ группы сплывшихся вмѣстѣ льдинъ, врѣзываясь въ нихъ, расталкивала ихъ съ глухимъ шумомъ и шорохомъ и долго плыла впередъ, въ центръ этого движущагося архипелага. Разъ или два быстро несшіяся льдины чуть не сломали ея бортовъ, да лопарю удалось увернуться отъ нихъ въ сторону. Нужно было, впрочемъ, избѣгать и крупныхъ валовъ, которые захлестывали карбасъ или прокатывались за бортъ его, обдавая Ваську пѣной. Въ одномъ мѣстѣ пришлось даже отливать лодку. Воды набралось въ лодку достаточно для того, чтобы затруднять ея движенія...

Васька зорко поглядывалъ впередъ.

Пока еще онъ плылъ салмой, между двумя отвѣсными стѣнами сходившихся здѣсь береговъ, ему ничего не было видно. Мерещились какія-то очертанія, но это еще только передовые форпосты материка, выдвигавшаго у входа въ губу крупные утесы, словно защищая свои бухты отъ безконечныхъ, многомильныхъ льдинъ, которыя каждую зиму и весну посылаетъ полюсъ на сѣверные берега этого континента... Стѣны пролива сходились все тѣснѣе и тѣснѣе.

Наконецъ, почти у самаго выхода, щель между ними сузилась до того, что утесы берега, казалось, висѣли надъ головою гребца. Яркій свѣтъ мѣсяца серебрилъ верхушки, оставляя во тьмѣ ихъ подножія. Чернѣе агата поднимались они въ высоту, и черное море билось между ними невидимыми, но ощущаемыми волнами. Тьма сгустилась до того въ этой трещинѣ, что лопарь не различалъ конца своихъ веселъ. Онъ подвигался впередъ чрезвычайно медленно. Въ этихъ дефиле ему приходилось плыть противъ теченія; волны съ глухимъ шумомъ налетали на носовую часть карбаса, вскидывая вверхъ незримыя брызги, и уносились дальше, какъ табуны дикихъ коней, развѣвая во тьмѣ свои черныя гривы...

Разъ лодку чуть было не разбило объ уступъ, выдавшійся далеко отъ одной изъ стѣнъ; въ другой разъ

крупная волна подбросила карбасъ такъ, что онъ въѣхалъ носомъ въ расщелину берега. Лопарю едва удалось освободить свой челнокъ отъ льда. Сколько разъ трещало его весло, пока ему удалось, наконецъ, выбиться на болѣе широкое мѣсто. Но труднѣе всего ему было выбраться изъ выхода салмы въ открытое пространство. Нѣсколько разъ онъ подплывалъ къ этимъ воротамъ и постоянно напоромъ волны его выбрасывало назадъ въ дефиле. Онъ терялъ терпѣніе, ему хотѣлось выругаться, раскричаться на это злобное море, да лопари чувствуютъ необычайное уваженіе къ ночи, и языкъ его поневолѣ остался безмолвенъ. Несмотря на сильный морозъ, крупныя капли пота выступили у него на лбу, а выйти изъ воротъ все-же не удавалось. Наконецъ, какъ-то сильнымъ взмахомъ веселъ онъ заставилъ челнокъ перепрыгнуть черезъ роковую грань, и спустя минуту его уже завертѣло въ наружной быстринѣ, тамъ, гдѣ всѣ волны стремились въ одну узкую щель, открывавшую входъ въ бухту. Васькѣ было не легче. Теченіе все бросало его къ берегу, и весла оказались безсильны. Наконецъ, ему удалось уже вдоль самаго материка, гдѣ волны были легче, пробраться дальше и попасть въ правильное теченіе... Тутъ ему уже не о чемъ было заботиться. Вдали виднѣлся длинный береговой мысъ, верхнія очертанія котораго, облитыя луннымъ свѣтомъ, сверкали льдистымъ, тускло-серебристымъ блескомъ. За нимъ лежали громадныя льдины съ затертымъ между ними судномъ.

Обогнувъ кое-какъ мысъ, Васька прямо наѣхалъ на одну изъ передовыхъ льдинъ. Она поднималась изъ воды отвѣсною стѣною футовъ на триста въ вышину. Фантастическіе зубцы ея сверкали подъ лучами луны, отливаясь голубымъ сіяніемъ. Лодка тщетно огибала выступы и изгибы этого ледяного утеса: пристать было некуда; вездѣ шла вертикальная поверхность. Ни малѣйшей трещины, ни одной отложены. По всей вѣроятности, эта стѣна и внизъ была также отвѣсна. Васька часа три плылъ мимо льдины, въ тихой и почти неподвижной водѣ, защищае-

мой этою стѣною отъ всякаго волненія. Наконецъ, утесъ оборвался такъ-же отвѣсно, и лодку сильно закачало. Тутъ-же вздымались и опускались зеленовато-сѣрыя волны. Бѣлые гребни брильянтовыми блестками отливались на яркомъ свѣтѣ мѣсяца. Немного спустя, карбасъ ударился носовою частью во что-то твердое. Здѣсь начинался новый ледяной островъ, но уже пологій по краямъ и едва всхолмленный внутри. Вдали рисовались смутными очертаніями мачта и корпусъ завѣтнаго судна, окутаннаго мечтательными сумерками. Выбравъ удобное мѣсто, Васька присталъ къ острову, вытащилъ на него свою лодку и, сначала по поясъ въ водѣ, дотащилъ ее до первой возвышенности. Тутъ идти было легче. Сверху ледяной массы лежалъ слой окрѣпшаго снѣга. Лопарь отряхнулся, надѣлъ на себя лямку и, такимъ образомъ, увѣренно ступая съ одного пункта на другой, переволокъ лодку до противоположнаго края льдины.

Слѣдующая ледяная громада была такъ-же недоступна, какъ и первая. Между островомъ, гдѣ онъ находился въ этотъ моментъ, и отвѣсною стѣною противоположнаго извивался узкій, какъ щель, проливъ, по которому бѣшено неслись цѣлыя массы пѣны. Даже волнъ не было видно вовсе... Что-то клокотало внизу, ревѣло и съ зловѣщимъ шипѣньемъ колыхало льдины. Тѣмъ не менѣе Васькѣ не оставалось другого пути. Онъ смѣло сталъ въ лодку, подталкиваясь веслами, сбросилъ ее въ воду и моментально закружился въ ней. Карбасъ вращался, какъ щепка. Только нѣсколько секундъ спустя пловецъ пришелъ въ себя и съ величайшими усиліями сталъ работать веслами.

Лодка подвигалась медленно. Извилины пролива дѣлались все чаще и прихотливѣе. Карбасъ то отдалялся отъ цѣли, то приближался къ ней... То ему приходилось уходить далеко въ сторону, то опять узкая щель салмы направлялась, куда слѣдуетъ. Къ несчастію, высокій гребень ледяной громады вездѣ мѣшалъ видѣть что-нибудь иное, кромѣ его зубчатой поверхности.

Васька думалъ уже вернуться назадъ и поискать иного

пути, когда вертикальный обрывъ ледяного острова сталъ понижаться и, наконецъ, образовалъ нѣчто въ родѣ отлогаго мыса.

Лопарь вытащилъ здѣсь свою лодку и растянулся въ ней, желая хоть нѣсколько отдохнуть отъ долгихъ и трудныхъ усилій; онъ не то задремалъ, не то забылся. Въ ушахъ стоялъ какой-то звонъ, голова болѣла, точно сжатая тисками, руки и ноги одеревенѣли. Забытье, впрочемъ, продолжалось очень недолго. Морозъ пронималъ до костей. Надо было вставать.

Новое препятствіе. Луна сошла съ горизонта и все окружающее окутала тьма.

Пока Васька былъ на льдинѣ — ему бояться нечего. Но какъ угадать, гдѣ она кончается, что-бъ не попасть въ воду?

Его, впрочемъ, трудно поставить втупикъ. Въ лодкѣ находился на всякій случай длинный багоръ. Онъ снялъ наконечникъ и сталъ, медленно подвигаясь, ощупывать впереди дорогу. Теперь ужъ онъ не думалъ ни о чемъ. Это былъ автоматъ въ полномъ смыслѣ слова. Едва-ли онъ чувствовалъ въ эту ночь, что у него билось сердце, и горячо разливалась кровь по жиламъ.

Мракъ продолжался, впрочемъ, весьма недолго. Скоро на сѣверной части небосклона выдѣлился тусклый сегментъ, а спустя полчаса все небо было охвачено мерцаніемъ внезапно разгорѣвшагося сполоха.

Путь сталъ легче. Въ багрѣ не представлялось надобности, и Васька бросилъ его обратно въ лодку. Ему, разумѣется, было не до окружавшихъ его картинъ, но всякій другой, несомнѣнно, залюбовался-бы ими.

Полярное сіяніе то вспыхивало, то меркло. Снопы блуждающаго свѣта раскидывались то по западную, то по восточную сторону неба. Вмѣстѣ съ этимъ изъ мрака выдѣлялись и опять уходили въ мракъ безчисленныя иглы, массы, громадные осколки льдинъ, образовывавшіе неровную поверхность этого пловучаго острова. Когда сполохъ вспыхивалъ ярче, вся даль казалась покрытою раз-

валинами чудовищнаго города. Ряды голубовато-бѣлыхъ полосъ уходили въ безконечный просторъ океана, рядомъ и вперемежку тянулись иззубренныя стѣны. Цѣлыя пирамиды сверкали попеременно каждая своей поверхностью, нѣкоторыя ледяныя глыбы казались башнями, круглыми, усѣянными черными бойницами. Разумѣется, во всѣхъ этихъ фантастическихъ шпиляхъ, башняхъ и стѣнахъ, дивныхъ храмахъ, высоко поднимавшихъ свои куполы, сіяли полнымъ блескомъ только ихъ верхушки; все остальное рисовалось едва замѣтными, смутными штрихами въ полумракѣ. Но ярче всѣхъ брильянтовымъ блескомъ, словно маякъ, сверкала остроконечная игла, заканчивавшая громадную ледяную гору изъ самыхъ разнообразныхъ обломковъ. Порою изъ тьмы выдѣлялись углы, изломанныя линіи по поверхности, гребни и выступы, тогда какъ вся остальная масса казалась чернѣе агата... Но весь этотъ голубовато-бѣлый городъ производилъ еще болѣе поразительное впечатлѣніе, когда онъ освѣщался, послѣдовательно, частями. То центръ его, то окраины, то одна полоса съ колоннами и шпилями, то группа скученныхъ вмѣстѣ пирамидъ, то храмъ посреди разрушенныхъ стѣнъ, то какое-то колоссальное изваяніе невѣдомаго божества, на еще болѣе колоссальномъ подножіи.

Какъ мы уже говорили, Васькѣ было не до того...

Онъ разсѣянно оглядывалъ пловучія массы, отыскивая между ними черный силуэтъ судна. Вонъ оно, дѣйствительно, обрисовывается между двумя ледяными громадами, но еще далеко-далеко...

Назадъ лопарь не оглядывался, а то бы увидѣлъ, какъ матерой берегъ пропадалъ въ дали. Отсюда уже трудно было разсмотрѣть его. Онъ, словно марь, лежалъ на океанѣ, медленно расползаясь направо и налѣво.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопарю приходилось проходить подъ ледяными арками. Смѣлыя дуги ихъ висѣли надъ его головой, сквозя голубымъ сіяніемъ, тогда какъ столбы, на которыхъ онѣ были утверждены, казались почти черными. Часто такая арка тянулась на полверсты,

и сквозь тонкій слой ея вершины въ этотъ чудный корридоръ проникало только слабое, чуть замѣтное трепетное сіяніе. Нѣсколько разъ направо и налѣво отъ арки чернѣли пасти ледяныхъ гротовъ, гигантскія сосульки, свѣшивавшіяся на ихъ верхнихъ челюстяхъ, казались зубами невѣдомаго чудовища... Кое-гдѣ зѣвы этихъ пещеръ озарялись въ самой глубинѣ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь тонкія пластинки ихъ стѣнокъ; въ другихъ мѣстахъ зѣвы гротовъ были подкрѣплены громадными колоннами, узкими внизу, но постепенно расширявшимися кверху.

Случались на этомъ пути и опасности.

Разъ Васька съ ужасомъ отшатнулся отъ бездны, разомъ открывшейся у самыхъ ногъ его. Черное, воронкообразное отверстіе, въ самой глубинѣ котораго съ предательскимъ свистомъ переливалась вода. Оступиться въ этотъ колодецъ—значило черезъ секунду быть въ океанѣ. Лопарю вовсе не хотѣлось доставить роскошное угощеніе акуламъ въ видѣ его собственной особы. Онъ поэтому сталъ еще осмотрительнѣе и не имѣлъ случая раскаяваться. По пути встрѣчались еще нѣсколько такихъ воронокъ... Часто, когда онъ самъ благополучно проходилъ мимо, лодка попадала туда и тащила его за собою по такой скользкой поверхности, гдѣ почти не было опоры ногамъ. Въ этихъ случаяхъ спасалъ его багоръ. Онъ кое-какъ выбивался изъ опасности и машинально шелъ дальше и дальше...

Были, впрочемъ, и другія неудобства. Поверхность ледяныхъ громадъ порою оказывалась усѣянною острыми выступами, прорѣзывавшими, какъ ножъ, скудную обувь лопаря. Ноги его были окровавлены до такой степени, что каждый шагъ доставался ему съ болью. Тутъ даже не помогли бы и лыжи, если бы онѣ съ нимъ были.

Сѣверное сіяніе гасло. На востокѣ чуть-чуть пестрѣло. Близился разсвѣтъ скуднаго полярнаго дня, а судно еще очень далеко...

Въ лодкѣ было нѣсколько оленьихъ постелей.

Васька обернулъ ее вверхъ дномъ, завернулъ ее въ

мѣха, мѣхами-же покрылъ образовавшіяся по бокамъ отверстія, залегъ подъ нее и, поѣвъ ржаныхъ лепешекъ, взятыхъ съ собою, уснулъ, какъ убитый.

Съ сѣверо-востока потянуло рѣзкимъ морознымъ вѣтромъ. Ледяные острова еще больше сдвинуло и прибило къ землѣ. Кое-гдѣ слышался громкій хряскъ и трескъ: это между двумя большими расплющивались маленькія ледяныя глыбы... Вѣтеръ свѣивалъ снѣгъ съ ледяныхъ гладей и несъ его на сѣрый берегъ...

Свѣтлая полоса на востокѣ все становилась ярче и ярче.

Нижній край ея пожелтѣлъ... Желтая черта все ширилась и алѣла... Алый отсвѣтъ раскинулъ трепетное розовое сіяніе, отдѣльныя полосы котораго доходили до зенита... Ледяныя громады сіяли радужнымъ блескомъ. Куполы фантастическихъ храмовъ золотились, на остроконечіяхъ высокихъ шпилей сверкали золотыя искры, башни и колонны словно извнутри ихъ освѣщались розовымъ сіяніемъ. Цѣлыя ледяныя горы переливались изъ голубого въ фіолетовый, изъ фіолетоваго въ алый и золотистый цвѣта. Гдѣ-то на самомъ краю, на едва замѣтной глазу льдинѣ, острый ледяной обелискъ казался весь изъ пламени, точно огненный мечъ въ рукѣ архангела. Даже на гребнѣ сѣраго, въ тучи повитаго берега вспыхнула узкая бить заревого огня... Внутри ледяныхъ гротовъ, подъ арками, концентрировались въ причудливые оттѣнки и краски золотисто-розовые, зеленые и синіе лучи. Поверхность одной изъ пирамидъ горѣла, словно оранжевая трапеція, тогда какъ передъ нею разбросанныя внизу ледяныя глыбы казались матоваго серебра.

Наконецъ, на востокѣ едва-едва, одною лишь черточкой прорѣзалось солнце. Черточка эта не ширилась, а только двигалась по горизонту къ западу. Игра свѣта и тѣней на ледяныхъ островахъ стала еще причудливѣе. Вездѣ сверкало пламя, вездѣ ледяныя плоскости отбрасывали снопы огненныхъ, раскидавшихся вѣнцами лучей...

Васька проснулся уже тогда, когда золотая черточка совершила на горизонтѣ половину дневного пути. Онъ

быстро выползъ изъ-подъ лодки, проглотилъ нѣсколько кусковъ льду, съѣлъ лепешку и бодро принялся за работу, не забывъ между дѣломъ прочесть молитвы и призвать на помощь святителей Трифона и Николая. Четырехчасовой отдыхъ воротилъ ему всѣ силы; глаза также зорко глядѣли впередъ; онъ даже началъ ухмыляться и хохотать, замѣтивъ, что льды не только не отнесло отъ берега, а, напротивъ, прибило къ нему. Онъ какъ-будто уже чувствовалъ въ воздухѣ запахъ рома, который непремѣнно долженъ быть на затертомъ льдами суднѣ. Иначе и предполагать нельзя было. Что онъ будетъ дѣлать съ грузомъ? Но тутъ мысли съ такою быстротою стали мѣшаться въ головѣ лопаря, что онъ только тряхнулъ ею да поскорѣе принялся за работу.

— А если тамъ ничего нѣтъ?—обожгло его.—Если все вынесено и вывезено зимующимъ на Новой Землѣ экипажемъ?

Васька похолодѣлъ и пріостановился.

Спустя минуту, онъ, впрочемъ, оправился и опять потащилъ впередъ лодку.

— Желѣзо вѣдь, навѣрное, есть.—Если его повытаскать, такъ и то барышъ.—Поди, кольскіе купцы дадутъ много муки и водки за желѣзо: якоря, цѣпи, такелажъ, болты, гайки, гвозди, скрѣпы, винты.—И опять довольная улыбка озарила лицо номада, уже успѣвшаго перебраться съ одной льдины на другую, образовывавшую громадную площадь этого фантастическаго города. Она ложилась на сѣверо-востокѣ совершенно ровною гладью. Ни одного холма, ни одной выбоины. Тутъ легко было тащить лодку. Только подъ полозьями скрипѣлъ окрѣпнувшій снѣгъ.

По серединѣ льдины шли слѣды: медвѣжья лапа такъ и отпечаталась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — широкая съ углубленіемъ ея громадныхъ когтей. Васька пріостановился.

Онъ не то, что струсилъ. Это былъ не страхъ, но онъ чувствовалъ, что всѣ нервы въ немъ какъ-будто натянулись. Каждый атомъ его тѣла жилъ своею собственною жизнью, каждая фибра дрогнула... Кровь обращалась быстрѣе, глаза глядѣли зорче...

Васька легъ на снѣгъ и сталъ всматриваться. Слѣдъ былъ покрытъ тонкимъ новымъ слоемъ снѣга; его тотчасъ-же удалось лопарю смахнуть. Подъ нимъ самый слѣдъ на старомъ слоѣ окрѣпъ. Едва-едва удалось заставить его оттаять. Очевидно, верхній снѣгъ выпалъ недавно, и все это время медвѣдя здѣсь не было. Очевидно, слѣдъ былъ сдѣланъ, когда старый снѣгъ еще былъ мягокъ или только что выпалъ. Послѣ того прошло столько времени, что слѣды окрѣпли. Но сколько-же времени именно? Васька сообразилъ: какова была погода, и какіе вѣтры дули въ послѣднія двѣ недѣли.

Посредствомъ цѣлаго ряда заключеній онъ пришелъ къ тому, что если ошкуй и на этихъ льдинахъ, то успѣлъ уйти далеко-далеко отсюда,—верстъ за двадцать; можетъ быть, и все-таки, къ открытому морю—туда, на сѣверъ.

Тѣмъ не менѣе нужна была осторожность, но прямой опасности не было.

Еще разъ обойдя слѣды и провѣривъ свои выводы, лопарь потащилъ впередъ свой челнокъ.

Нѣсколько разъ уже ему приходилось переѣзжать на челнокѣ каналы между сдвинутыми льдинами, когда черточка проступавшаго надъ горизонтомъ солнца сузилась въ едва замѣтную бить и померкла. Алый отсвѣтъ легъ на ледяныя громады, вспыхнулъ яркимъ заревомъ на ихъ окраинахъ и охватилъ громадное пространство открытаго моря, отразился гдѣ-то далеко-далеко на отдѣльной льдинѣ, плававшей въ эти минуты словно яркій костеръ среди розовыхъ волнъ, и, наконецъ, пожелтѣлъ, поблекъ и потухъ, оставляя все въ тускло-сѣромъ блескѣ сумеречной пока ночи.

Плывя мимо отлогаго ледяного выступа, Васька замѣтилъ у береговъ его цѣлое юровье темныхъ, округленныхъ тѣлъ. Это оказались тюлени. Они даже не обратили вниманія на его лодку и не двинулись съ мѣста даже и тогда, когда брызги отъ ударовъ веселъ по водѣ стали падать на нихъ. Всѣ они лежали грудью одни на другихъ. Ихъ было болѣе тысячи. Тупыя усатыя морды,

распластавшіяся массы казались недвижными и тогда, когда сверху скатился и упалъ около юровья громадный обломокъ ледяной скалы. Островъ дрогнулъ и закачался. Даже лодку стало взбрасывать всколыхавшеюся водой.

— Эко богачество! — думалъ про себя лопарь, глядя на тюленей. — То-то-бы съ артелью тутъ баско было. Окромѣ кротила и не нужно ничего! Благо звѣря непуганная... Несосвѣтимо ее тутъ...

Судно было уже близко. Какъ недвижный призракъ, стояло оно среди громадъ синевато-сѣраго льда. Съ поворотами лодки онъ терялъ его изъ виду, но высокая мачта каждый разъ выдѣлялась на тускломъ небѣ, когда лодка поворачивалась къ шкунѣ. Погода стояла тихая. Вѣтру не было. Сдвинутыя льдины не шелохнулись.

Лишь-бы это продолжалось до утра слѣдующаго дня, а онъ уже сдѣлаетъ свое дѣло! А если ему удастся нѣсколько разъ посѣтить судно, на немъ, вѣрно, не останется ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одной веревки... Веревки тоже нужны бѣдному лопарю, «потому за нихъ кольскіе купцы даютъ большіе стаканы рому!..»

Теперь-бы не мѣшало и выпить. Онъ работалъ ужъ цѣлыя сутки — и чувствовалъ себя сильно утомленнымъ.

Уже ночью онъ добрался до льдины, охватившей со всѣхъ сторонъ судно.

Вся она словно сплотилась изъ массы громадныхъ глыбъ. По всей вѣроятности, море нанесло ихъ первоначально въ бухту, гдѣ стояла эта шкуна. Окруживъ ими судно, волны тѣсно сдвинули отдѣльныя льдины, такъ что онѣ смерзлись между собою въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ. Это былъ полнѣйшій хаосъ. Трудно было найти какую-нибудь форму для опредѣленія поразительнаго смѣшенія ломаныхъ и кривыхъ линій, холмовъ, шпилей, квадратовъ, конусовъ, переходившихъ одни въ другіе. Васькѣ привелось, напримѣръ, тащить свою лодку мимо ледяного холма, на которомъ торчкомъ стоялъ громадный конусъ, вершиною внизъ. Въ нѣкоторыя ледяныя глыбы были вправлены большіе камни, повидимому, или оторванные

отъ какого-нибудь полярнаго берега, или-же сорванны со дна океана. Здѣсь труднѣе всего было проходить лопарю. Онъ едва брелъ впередъ. Карбасъ затруднялъ на каждомъ шагу его движенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось ему на рукахъ переворачивать сначала носовую часть, а потомъ и кормовую впередъ, полукругами, при чемъ ноги его путались въ острыхъ выступахъ и углубленіяхъ льда, едва засыпаннаго снѣгомъ.

Гораздо легче стало ему тогда, когда засвѣтились сполохи, озарявшіе, какъ и вчера, дорогу. Бодрость и силы возвращались къ нему по мѣрѣ приближенія къ кораблю. Сердце билось быстрѣе, грудь подымалась выше, точно онъ разомъ хотѣлъ захватить побольше этого рѣзкаго холоднаго воздуха, отъ котораго коробился и деревенѣлъ мѣхъ его малицы.

Онъ былъ уже близъ шкуны. Черная корма ея виднѣлась изъ-за острыхъ ледяныхъ шпилей, когда ему послышались позади какіе-то странные звуки. Они то прерывались, то дробились въ хриплый лай. Васька слышалъ кое-что о бѣлыхъ лисицахъ Новой Земли, но тѣ рѣдко лаютъ.

Пришли ему въ голову преданія о непогребенныхъ мертвецахъ, которые ночью шатаются по океану. Волосы зашевелились-было подъ его шапкой, холодная дрожь охватила его всего, да кстати онъ вспомнилъ, что души ихъ не лаютъ, а стонутъ, какъ мятель, когда она ворвется въ глубь стараго сосноваго бора и свищетъ, и воетъ, сгибая вѣковые корявые стволы, шелестя вѣтвями и загоняя бѣлокъ въ теплыя, тихія норы. Васька оправился.

Но что-же бы это могло быть? Не тюлени-ли? *) Или это доносится къ нему шумъ и говоръ подземныхъ погостовъ?

Отъ стариковъ онъ давно слышалъ, что подъ водою

---

*) Лопари разсказываютъ, что тюлени говорятъ между собою, когда кругомъ нѣтъ никого, когда полярная пустыня молчитъ, а въ небесахъ играютъ сполохи, когда море притихнетъ, и не колышутся его неугомонныя волны.

лежатъ такія-же горы и лѣса, какъ и здѣсь, надъ водою, на скалистыхъ берегахъ Лапландіи; что въ горахъ тамъ бродятъ олени, по ущельямъ таятся волки, а на плѣшкахъ пологихъ холмовъ раскинуты такіе же погосты, гдѣ живетъ «подземная чудь». Ихъ языкъ похожъ на собачій лай, только частый и хриплый. «Чудь» эта понастроила тупы, только изъ камня, а не изъ дерева, какъ здѣсь, наверху. Она не то, что лопари, ей не надо оленя— и олень ея не боится. Она имѣетъ свои стада, пасетъ тюленей, моржей, нерпу, разводитъ дельфиновъ. Есть у нея одинъ врагъ—акула, да и ту она бьетъ изъ громадныхъ желѣзныхъ луковъ каменными стрѣлами.

Должно быть, это и слышутся ему голоса чуди.

«Что-жъ, чудь смирная! Она не обижаетъ нынче лопаря! Прежде, какъ жила она на землѣ, ну, точно воевала лопь, каждую весну ходила по насту на смирныхъ горныхъ оленеводовъ, а теперь, какъ ушла въ воду, не слышно, чтобы она кого-нибудь тронула!»

И Васька совершенно успокоился.

Однако, немного спустя, онъ опять пріостановился. Лай становился явственнѣе и громче. Теперь уже ужасъ охватилъ его безраздѣльно. Онъ выпустилъ изъ рукъ лямку своего карбаса, который скатился внизъ по скользкой поверхности ледяного выступа, въ углубленіе, образуемое нѣсколькими крутыми глыбами. Онъ неподвижно ждалъ чего-то, почти закрылъ глаза и протянулъ впередъ трепетавшія руки.

Ему пришло въ голову старое сказаніе, какъ великій горный духъ Арома-телле, ростомъ съ десять старыхъ сосенъ, охотится съ своими собаками, каждая съ быка величиною, на большого бѣлаго оленя съ черной головой и золотыми рогами. Охота эта продолжается уже несовѣстимо сколько лѣтъ, и когда Арома-телле пуститъ въ бѣлаго оленя первую стрѣлу—будетъ первое землетрясеніе. Всѣ старыя каменныя горы разсядутся, выбросятъ огонь, рѣки потекутъ назадъ, озера изсякнутъ, и море оскудѣетъ... высохнетъ... И когда Арома-телле пуститъ въ оленя вто-

рую стрѣлу, которая вопьется ему въ черный лобъ, между двумя золотыми рогами—огонь охватитъ всю землю, горы закипятъ, какъ вода, на мѣстѣ морей поднимутся другія горы и тоже, какъ факелы, загорятъ, озаряя полярныя страны, откуда теперь идетъ ледъ, и дуетъ сѣверный вѣтеръ. А когда на оленя кинутся собаки и растерзаютъ его, когда Арома-телле вонзитъ ножъ въ его трепещущее сердце, звѣзды попадаютъ съ неба, старая луна потухнетъ, солнце утонетъ гдѣ-то далеко далеко, на землѣ не останется ничего живого... И міру конецъ!..

«Ужъ не Арома-ли-телле съ своими собаками?»...

Колыхавшійся свѣтъ полярнаго сіянія кидалъ сплошныя свѣтовыя тѣни на ледяныя плоскости. Точно гдѣ пробѣгали какія-то громадныя безтѣлесныя формы, отбрасывавшія синеватыя блестки, вотъ отразилось что-то вѣтвистое, что-то громадное, на всю ледяную гладь... Ужъ не рога-ли оленя?.. Ужъ не тѣ-ли рога, что выковалъ довременный кузнецъ на адскомъ горнѣ... Тотъ самый кузнецъ, что ковалъ и горы, и скалы?..

Скоро-ли эта охота мелькнетъ мимо него?..

Арома-телле не дѣлаетъ зла людямъ. Но если кому-нибудь изъ нихъ удастся увидѣть глаза оленя — тотъ слѣпнетъ на всю свою жизнь, а если кому-нибудь изъ нихъ удастся услышать стукъ его копытъ—тотъ глохнетъ на всю свою жизнь, а если на кого-нибудь пахнетъ олень своимъ жгучимъ дыханіемъ—тотъ онѣмѣетъ на всю свою жизнь. И слухъ, и зрѣніе, и языкъ возвращаются только за нѣсколько мгновеній передъ смертью, чтобы несчастный могъ разсказать окружающимъ, что онъ видѣлъ внутри себя, что онъ слышалъ внутри себя, все это время.

Не дай Богъ встрѣтить глазъ оленя, не дай Богъ увидѣть его самого, услышать стукъ его копытъ и почувствовать на себѣ его дыханіе! И Васька упалъ лицомъ въ снѣгъ, зажалъ уши и старался затаиться, слиться съ этими неподвижными ледяными глыбами. А сполохи все ярче и ярче играли надъ нимъ, и лай раздавался все громче и ближе

Васька лежалъ до тѣхъ поръ, пока что-то влажное не подкатилось кубаремъ прямо къ его лицу и не разразилось у его ушей громкимъ, радостнымъ лаемъ. Васька съ изумленіемъ приподнялъ голову. Что-то лизнуло его прямо въ губы, и передъ лопаремъ запрыгалъ, визжа и завертывая хвостъ въ самыя прихотливыя закорючки, его песикъ, оставленный на берегу. Онъ былъ весь мокръ и измученъ долгою бѣготнею. Чтобы найти хозяина, ему пришлось пробѣжать и проплыть громадное пространство льдинъ и морскихъ каналовъ между ними. Шерсть его лежала и топорщилась обледенѣвшими сосульками, острая морда такъ и подымалась къ нему, оглашая окрестности громкимъ визгомъ и лаемъ. Несчастный песикъ не ѣлъ цѣлыя сутки.

Вся иллюзія лопаря объ Арома-телле и его охотѣ рушилась разомъ.

Къ собакамъ своимъ Васька питалъ истинно отеческую нѣжность. Онъ поднялъ песика и положилъ его за пазуху, но острая морда и оттуда порывалась дотянуться до лица своего хозяина, который, крехтя, уже опускался внизъ за лодкой. Теперь онъ шагалъ веселѣе.

Дорогою Васька разсказывалъ своей собаченкѣ, какъ онъ разбогатѣетъ, какое заведетъ платье, какую хорошенькую дѣвушку выберетъ въ жены, какое ей купитъ ожерелье. Песикъ тоже не былъ забытъ въ этихъ планахъ: ему обѣщалось вдоволь оленьяго сала и мяса.

Вотъ, наконецъ, весь корпусъ шкуны рисуется передъ нимъ.

Черная корма массою поднимается изъ сплошь охватившаго ее льда. Внизъ свѣшиваются обледенѣвшіе канаты оборваннаго такелажа. Стекло въ окнѣ кормовой каюты отражаетъ полярное сіяніе, которое то погружаетъ шкуну во мракъ, то выхватываетъ ее оттуда. Высоко стоитъ уцѣлѣвшая мачта, только паруса сняты.

Когда Васька подошелъ ближе, онъ на всемъ могъ замѣтить слѣды разрушенія. Планки и тесъ бортовъ были кое-гдѣ расщеплены. Въ одномъ мѣстѣ на боку зіяло чер-

ное отверстіе съ иззубренными краями. Оно производило впечатлѣніе черной, высохшей раны на трупѣ случайно найденнаго человѣка. Чѣмъ ближе подходилъ лопарь, тѣмъ болѣе выросталъ надъ нимъ корпусъ судна. Проходя уже въ тѣни его бортовъ, онъ могъ замѣтить, какъ ледъ, сдвигаясь все тѣснѣе вокругъ судна, заставилъ треснуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его обшивку. Нѣкоторыя лопнувшія доски выдавались впередъ, преграждая дорогу лопарю. Громадный носъ шкуны выдвигался далеко впередъ. Съ этого округленнаго бревна висѣли внизъ, словно бахрома, канаты и веревки. Рядомъ лежала сломанная и упавшая мачта, перевитая смерзнувшеюся массою такелажа. Лапы желѣзнаго якоря рисовались на бѣломъ фонѣ снѣговыхъ глыбъ.

Какъ недвиженъ этотъ корабль! Какъ одинокая, затерянная въ степи гробница, онъ производилъ невыносимо-тяжелое впечатлѣніе даже на душу полу-дикаря. А тутъ еще перебѣгавшее сіяніе сполоха придавало страшную жизнь черной массѣ, которая какъ будто вздрагивала, когда разгорѣвшіеся снопы багроваго свѣта обливали ее заревомъ посреди бѣлыхъ хаотическихъ громадъ окружающей ее пустыни.

Васька съ наслажденіемъ любовался на свое сокровище.

Онъ уже впередъ высчитывалъ всѣ вѣроятные барыши и даже забылъ про собаку, ощетинившуюся при видѣ оставленнаго судна. Глухой ворчливый лай выдавалъ ея присутствіе.

III.

На разбитой шкунѣ.

Однако подойти къ кораблю нельзя было ни съ какой стороны. По крайней мѣрѣ, съ этой стороны отвѣсно подымались его бортъ и корма, а носовая часть выдавалась далеко впередъ. Онъ было попробовалъ уцѣпиться за висѣвшіе концы такелажа. Большая часть ихъ оканчивалась слишкомъ высоко. Одинъ висѣлъ ниже другихъ;

Васькѣ удалось, подпрыгнувъ, схватиться за него рукою; но онъ тотчасъ же соскользнулъ обратно. Обледенѣвшая поверхность каната вовсе не давала возможности продержаться на немъ и нѣсколько секундъ.

Васька только потеръ бока, рухнувъ внизъ. Лишь собаченка громкимъ лаемъ выразила свое негодованіе. Нужно было поискать путь съ другой стороны. Съ величайшимъ трудомъ онъ перебрался туда, минуя выступы и горбины, обходя далеко громадные ледяные обломки. Отсюда черная масса корабля была еще неприступнѣе. Его, какъ оказалось, слегка накренило, и если противоположный бокъ былъ отвѣсенъ, то этотъ даже наклонился надъ снѣговой гладью. Васька только покачивалъ головою, стуча кулакомъ по бортамъ.

На нѣсколько минутъ полярное сіяніе потухло. Лопарю стало жутко. Мракъ непроглядный охватывалъ его со всѣхъ сторонъ, и самый мертвый корабль казался подстерегавшимъ его чудовищемъ. Но тутъ громадная свѣтоносная дуга, какъ ракета, опоясала небо, разсыпалась на милліоны голубыхъ факеловъ, яркій сегментъ вырѣзался на сѣверѣ и раскинулъ кругомъ трепетавшіе свѣтоносною жидкостью вѣнцы. Опять стало ясно.

Васька вернулся на ту сторону и, сѣвъ на выступѣ снѣговой глыбы, сталъ всматриваться въ корабль.

«Неужели ему не удастся взобраться туда? Нѣтъ, этого быть не можетъ!»

Развѣ попробовать влѣзть туда по выступамъ треснувшихъ тесовыхъ планокъ? Въ одну минуту онъ снялъ длинную лямку съ своей лодки, сдѣлалъ петлю и закинулъ ее на одинъ изъ выдавшихся концовъ черной, длинной доски. Потянулъ внизъ—лямка выдержала, не разорвалась. Потянулъ еще сильнѣе—доска треснула и повисла. Лямка упала внизъ. Васька выбралъ доску потолще и повторилъ тотъ-же опытъ—и лямка, и дерево выдержали.

Способъ былъ найденъ, оставалось приступить къ дѣлу.

Скоро онъ взобрался на одну изъ выдавшихся расщепинъ борта. Спустя нѣсколько минутъ онъ уже уцѣ-

пился за край борта и, какъ кошка, влѣзъ на палубу Тутъ ему самому стало нѣсколько страшно. Точно ожидалъ онъ увидѣть здѣсь мертвыхъ хозяевъ судна. Онъ даже полузакрылъ глаза.

Палуба вся была загромождена обломками мачтъ, обрывками такелажа, смерзнувшимися и затвердѣвшими. Реи низко висѣли надъ нею на оборванныхъ канатахъ. Коегдѣ, подъ грудами веревокъ, желѣза и парусовъ видны были бочки. Отверстіе люка было открыто, но сплошь завалено разными обломками. На одномъ изъ ящиковъ валялись, повидимому, впопыхахъ брошенныя морская карта и трубка.

Точно онъ вступилъ въ вымершій домъ. Ни звука... Скрипъ шаговъ какъ-то странно раздавался въ его ушахъ. Доски палубы иногда трещали подъ нимъ, и всякій разъ на этотъ скрипъ отзывался внизу громкій лай его песика. Онъ прежде всего подошелъ къ бочкамъ. На нихъ значились норвежскія клейма. Судя по запаху, онѣ были наполнены ворванью. По конструкціи судно принадлежало къ китоловамъ, заходящимъ иногда на Новую Землю вытопить жиръ съ пойманнаго кита и поправить поврежденія, полученныя во время пути. Трубку лопарь засунулъ въ карманъ и сталъ дальше шарить по палубѣ. Въ одномъ мѣстѣ, подъ грудою такелажа, лежала примерзшая къ палубѣ синяя куртка. Какая-то пустая бутылка попалась ему подъ ноги. Онъ ее отбросилъ далеко; черный зѣвъ люка былъ передъ нимъ. Съ трудомъ онъ оттащилъ кучи обломковъ и заглянулъ внизъ. Лѣстничка, ведшая туда, была цѣла... Лопарь захватилъ съ собою изъ становища сальную свѣчку и спичекъ, сберегавшихся всю зиму, какъ драгоцѣнность... Погода стояла тихая. Онъ было засвѣтилъ свѣчу и собирался спуститься внизъ, какъ вспомнилъ, что не заглянулъ еще въ каюту, выходившую съ кормовой части судна на палубу. Пройдя назадъ, онъ попробовалъ толкнуться въ ея дверь—она оказалась или запертой, или примерзшей къ стѣнѣ каюты. Онъ высадилъ ее плечомъ и съ разбѣгу ударился прямо въ столъ, стоявшій посе-

рединѣ небольшого отгороженнаго уголка, гдѣ, по всей вѣроятности, помѣщался самъ шкиперъ. Тутъ были разбросаны разныя вещи. Небольшой кованный ящичекъ изъ бергенской стали, портфель съ бумагами, чей-то женскій портретъ въ аляповатой рамкѣ варде-хузской работы, нѣсколько книгъ и карты. Ящичекъ перешелъ за пазуху къ Васькѣ. Портретъ онъ вынесъ на свѣтъ, посмотрѣлъ на него, ткнулъ пальцемъ въ лицо и засмѣялся. Думалъ-было онъ и его захватить съ собою, да куда! и бросилъ на палубу. Въ ящикѣ стола лежало нѣсколько спесиновъ, уртовъ и мелкой норвежской мѣдной монеты. Васька собралъ до послѣдняго гроша все, захватилъ съ собою бронзовую булавку, въ видѣ якоря, и морской бинокль... Довольная улыбка не сходила съ его лица...

Но главнаго, рому, не было.

Въ углу каюты стояли какія-то бутылки. Онъ тщательно пересмотрѣлъ ихъ одну за другою—и всѣ оказались съ пробами разныхъ сортовъ китоваго жира. Лопарь ткнулъ ихъ ногою, и бутылки покатились во всѣ стороны. На книги лопарь даже и не взглянулъ Что ему до нихъ! Побрякивая деньгами въ карманѣ, онъ подошелъ къ вдѣланному въ стѣнѣ ящику, въ который былъ вложенъ ключъ. Отворивъ шкафъ, онъ прежде всего положилъ ключъ въ карманъ—«пригодится». Тамъ, впрочемъ, оказалась домашняя аптечка, которую норвежцы всюду возятъ съ собою. Ни одно китоловное судно не обходится безъ нея.

На столѣ лежала цѣлая кипа исписанной бумаги, корабельный журналъ, гроссъ-бухъ, но Ваську это даже и не заинтересовало. Оставивъ каюту, онъ вышелъ на палубу и снова направился къ люку.

Свѣчка тускло горѣла, едва озаряя черную внутренность трюма, когда Васька опустился туда. Мало-по-малу изъ мрака выступали какія-то неопредѣленныя очертанія. Присмотрѣвшись къ нимъ, онъ узналъ гирлянды морской туры, проникнувшей сюда вмѣстѣ съ водою и замерзнувшей по стѣнамъ внизу. Дно трюма было покрыто льдомъ, изъ котораго выходили бочки и боченки съ тѣмъ-же кито-

вымъ саломъ. Нѣсколько полосъ желѣза были сложены въ углу; въ другомъ валялись орудія китоваго лова, матроскія фуфайки и куртки. Захвативъ ихъ, лопарь выбрался изъ люка и перебросилъ ихъ за бортъ судна. Воротившись, онъ тотчасъ-же сталъ изслѣдовать содержимое бочекъ.

Однако, несмотря на толстый слой льда и снѣга, окружавшій ее со всѣхъ сторонъ, пахло весьма соблазнительно.

Васька съ усиліемъ отодвинулъ боченокъ, соскоблилъ снѣговую оболочку и съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя ощутительное теперь благоуханіе рома, который хотя и замерзъ въ боченкѣ, но тѣмъ не менѣе представлялъ для лопаря величайшее лакомство на свѣтѣ.

Вытащить ромъ на палубу было дѣломъ одной минуты.

Въ третій разъ опустившись въ люкъ, онъ пошелъ въ уголъ, заставленный всевозможными ящиками и пустыми бочками. Онъ раздвинулъ было верхнія изъ нихъ, но тотчасъ-же опрокинулся назадъ, выронивъ свѣчу и едва подавляя въ себѣ полный ужаса крикъ. Въ сумеркахъ угла представился ему худой, высохшій, черный, навзничъ опрокинутый человѣкъ... Лопарь было поползъ наверхъ по лѣстницѣ. Потомъ ему пришло въ голову, что кто-нибудь предупредилъ его здѣсь. Остановясь на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы, онъ оглянулся назадъ.

— Хрещеный, а хрещеный!—робко началъ онъ.

Молчаніе.

— Ты што спишь, Божья душа, вставай!..

По мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ звуки собственныхъ словъ, онъ становился смѣлѣе и бодрѣе.

— Уйди отсюда... Пришелъ на чужое мѣсто, словно хозяинъ какой!.. Неладно такъ... Не горазно совѣсти у тебя много!—усовѣщевалъ онъ, считая лежавшаго похитителемъ собственныхъ своихъ богатствъ.

— Я, можетъ, когда ужъ высмотрѣлъ Божій даръ.. Сколько работалъ... А онъ пришелъ тутъ, да и легъ.. Хрещеный!

Хрещеный не отзывался. Лопарь совсѣмъ уже пришелъ въ себя.

— Упился, вѣрно!.. Моимъ ромомъ упился! — мелькнуло у него въ головѣ.

Васька быстро сбѣжалъ внизъ, зажегъ опять свѣчку и освѣтилъ ею тотъ уголъ...

Ему пришлось на этотъ разъ испугаться не на шутку. Передъ нимъ былъ трупъ съ широко раскрытыми глазами, рѣсницы которыхъ опушило инеемъ; они смотрѣли прямо на него. Лопарь и самъ не замѣчалъ, что сало отъ его свѣчи капало прямо въ черное лицо мертвеца. Одна рука послѣдняго, держалась еще за болтъ, другая была откинута на грудь...

Всего страшнѣе былъ этотъ взглядъ остеклѣвшихъ, мертвыхъ глазъ... Космы волосъ примерзли ко лбу. Одно колѣно было согнуто. Отступая назадъ, Васька не сводилъ глазъ съ трупа, пока не наткнулся на лѣстницу. Онъ быстро взбѣжалъ по ней наверхъ, закрылъ отверстіе люка, навалилъ на него какую-то рухлядь, попавшуюся ему подъ руку, и только тогда перевелъ духъ.

Что это былъ за корабль и какъ онъ погибъ?

Норвежскій китоловъ навѣрное. Его занесло позднею осенью въ какую-нибудь новоземельскую бухту. Экипажъ воспользовался случаемъ выварить китовое сало или просто провести непогодное время на берегу. Губу, гдѣ стояло судно, загромоздило, затянуло въ одну ночь льдомъ. Такія шутки часто шутитъ Новая Земля со странниками, бороздящими ея море. Экипажъ вымеръ на берегу отъ цынги: одинъ оставшійся на кораблѣ, какъ замерзъ, такъ и не оттаивалъ. Сильные сѣверные вѣтры оторвали ледяные массы отъ берега и унесли ихъ на юго-западъ. Съ ними попало туда и судно. Долго носились онѣ по необозримому простору океана, пока не прибило ихъ къ западной окраинѣ Мурманскаго берега.

Могъ быть и другой случай. Китолововъ затерло льдомъ посреди океана. Долго ждали они, чтобы эти бѣлыя, серебристыя глыбы разсѣялись, очистивъ имъ свободный путь. Движущіеся острова все смерзались, пока не окружили этотъ пловучій міръ замкнутымъ со всѣхъ сторонъ

кольцомъ... Прорваться черезъ него нельзя было. А тутъ дни становились короче, солнце вставало все ниже и ниже, за холодною осенью наступала зима. Стамухи усѣяли все пространство океана. По ночамъ на суднѣ слышался зловѣщій трескъ. Наконецъ, экипажъ рѣшился оставить его. Только одинъ хозяинъ судна не хотѣлъ пережить свое разореніе. Несмотря на уговоры, онъ не покинулъ судна. Съ какимъ чувствомъ долженъ былъ смотрѣть онъ, какъ грузили съѣстными припасами спущенныя лодки, какъ въ нихъ сошелъ экипажъ, какъ отчалили онѣ, оставивъ его посреди этой пустыни съ ея механическимъ, неустаннымъ движеніемъ... Какъ долженъ былъ слѣдить онъ за послѣднею шлюпкой, пока она не скрылась на горизонтѣ... Вонъ только, какъ чайка, мелькаетъ вдали бѣлое крыло паруса; вотъ оно все уменьшается, пропадаетъ... искра, одна искра блеститъ въ той сторонѣ; потухла — и вотъ онъ одинъ, ему не съ кѣмъ перемолвиться... Обреченный на смерть, онъ ходитъ по палубѣ, въ ушахъ его еще звучатъ *ихъ* печальныя прощанія... Буревѣстникъ спустился на мачту, сошелъ на палубу и безбоязненно смотритъ на него. Не все-ли ровно, вѣдь черезъ нѣсколько дней онъ будетъ трупомъ... А какія воспоминанія, словно пчелы, роятся въ головѣ, яркія, чудныя, переполненныя тепломъ и жизнью... Первая любовь, первыя надежды. Гдѣ они? Кругомъ только море поетъ свою зловѣщую пѣсню да льдины неизбѣжно несутся все впередъ и впередъ... Куда?.

Что ему за дѣло! Не все-ли равно—погибнуть у мертваго полюса или у береговъ каменнаго, безлюднаго вала Новой Земли; другого исхода нѣтъ, да и быть не можетъ!..

А его послѣднія минуты, когда онъ умиралъ одинокій, оставленный на этой треснувшей со всѣхъ сторонъ щепкѣ? Когда кругомъ выла буря, и отовсюду надвигались грозныя стамухи, когда свободный и безграничный, озаряемый полярнымъ сіяніемъ, океанъ сталъ для него темничною кельей, гдѣ, какъ приговоренный къ смерти, онъ проводилъ свои послѣднія минуты?

Что сталось съ тѣми? Одни какъ-нибудь добрались до голой, затертой среди оксана, скалы, другіе были поглощены моремъ. Въ первомъ случаѣ исходъ былъ тотъ-же— смерть, только смерть отъ голода...

Лопарь, разумѣется, не думалъ ни о чемъ подобномъ. Онъ сейчасъ-же дунулъ на всѣ четыре стороны, перекрестилъ крышку люка, прочелъ старое заклинаніе, и только послѣ этихъ обычныхъ пріемовъ, которые въ подобныхъ случаяхъ употреблялись еще его дѣдами, увѣрился, что мертвецъ не встанетъ. Тѣмъ не менѣе холодная дрожь все-же пробирала его, когда ему приходило на мысль, *кто* лежитъ тамъ, во тьмѣ заставленнаго пустыми бочками трюма, чьи открытыя неподвижныя очи устремлены теперь, можетъ быть, на него. Вѣдь по своимъ преданіямъ онъ зналъ, что мертвецы могутъ видѣть сквозь дерево, сквозь землю, только не дано имъ видѣть сквозь воду.

Когда залаяла оставшаяся за бортомъ собака, Васька успокоился окончательно. Онъ чувствовалъ уже себя не въ одномъ обществѣ мертвеца. Около было живое существо, ободрявшее его звуками своего голоса. При томъ, если-бы была какая-нибудь опасность, собака-бы не лаяла, а урчала или завыла. Въ это тоже вѣрятъ лопари.

Песикъ громко заливался, словно просясь наверхъ. Поднявъ морду, онъ выводилъ такія нотки, что во всякое другое время Васька швырнулъ-бы въ него чѣмъ ни попало. Но теперь, чѣмъ громче былъ этотъ лай, тѣмъ онъ чувствовалъ себя смѣлѣе. Онъ даже ободрялъ сверху собаченку, покрикивая ей и пугая ее волками.

Наконецъ, онъ убѣдился, что какъ ни кинь, а все выпить нужно, и выпить сейчасъ-же. Это окончательно ободритъ его. Иначе онъ, пожалуй, долго еще будетъ бояться мертвеца. Вкативъ боченокъ въ каютку, онъ заперъ ея двери и во тьмѣ, нерѣдко озаряемой багровымъ заревомъ сполоха, принялся за дѣло. Трудно было вывернуть примерзшую къ дереву втулку, да и когда это удалось ему, оказалось, что большая часть напитка отъ хо-

лода обратилась въ ледъ. Впрочемъ, оставалось совершенно достаточно, чтобы напиться пьянымъ. Лопарь, впрочемъ, не сталъ пить одинъ. Вынувъ стоявшій въ шкафу стаканъ, онъ, какъ добрый сынъ, налилъ прежде всего своему отцу, но такъ-какъ отца на лицо не было— пришлось выпить самому. Затѣмъ послѣдовало такое-же угощеніе матери. Нельзя-же было обидѣть и сестеръ? Онъ и ихъ не обидѣлъ: каждой досталось по глотку. На долю братьевъ онъ тоже выпилъ поровну. По крайней-мѣрѣ, никому накладно не будетъ! Когда, покончивъ свои родственныя обязанности, онъ налилъ себѣ, ему захотѣлось пѣть; сѣвъ передъ боченкомъ, онъ запѣлъ старую пѣсню, какъ англійскій мореходъ похитилъ красавицу лапландку и увезъ ее въ свое царство. Это ему, впрочемъ, скоро надоѣло. Давно это было, да и какое ему дѣло до чужой дѣвушки? Нужно сложить свою пѣсню. Выпилъ полстакана и запѣлъ, какой онъ смѣлый и хорошій лопарь, какъ онъ сидитъ здѣсь одинъ и никого знать не хочетъ и никого не боится; приходи хоть ошкуй — ему все равно, приходи хоть тотъ, что лежитъ тамъ... но, какъ онъ ни былъ хмѣленъ, при этой мысли невольно посмотрѣлъ на двери и въ окно каюты. А что, если заклинаніе не подѣйствуетъ, и *тотъ* придетъ и сядетъ съ нимъ или встанетъ за нимъ. Онъ оглянулся. Станетъ съ тѣми-же неподвижными, безцвѣтными, мертвыми, словно застывшее сало, глазами, съ тѣмъ-же чернымъ, промерзшимъ насквозь лицомъ... Нѣтъ, этого онъ боится! Нужно ублажить и его. Дрожащею рукою налилъ Васька рому въ стаканъ и выпилъ за мертвеца, вслухъ подчивая его и называя его своимъ пріятелемъ, хозяиномъ, олешкомъ, своей собачкой, братомъ и отцомъ... Чего-же ему больше? Слава Богу, и живой можетъ этимъ удовольствоваться.

Скоро Васька и самъ не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Пѣлъ, что сполохъ разгорѣлся слишкомъ ярко, что сидитъ онъ у себя въ вѣжѣ при свѣтѣ костра, что вокругъ него собрались всѣ, кто ему дорогъ. Въ промежуткахъ онъ съ кѣмъ-то-разговаривалъ, обращался на

всѣ четыре стороны, горячился, убѣждая кого-то въ чемъ-то, пока не заснулъ, опрокинувшись на руки.

Собакѣ, и той надоѣло лаять. Прислушиваясь къ пѣснямъ и говору своего хозяина, она свернулась на весновальномъ карбасѣ и заснула, уткнувъ голову въ брюхо. Лапландская собака заснетъ при какомъ-бы то ни было морозѣ, лишь-бы ея носу было тепло.

IV.

Южный вѣтеръ.

И все заснуло, и не стало слышно ни звука, только сполохи разгорались все ярче, да ярче да тамъ, въ углу трюма, лежалъ все *тотъ-же*, недвижный и безмолвный, широко раскрывъ глаза и прижимая руку къ сердцу, которое давно уже остановилось, какъ механизмъ забытыхъ часовъ. Кого онъ слушаетъ, что онъ видитъ въ этой тьмѣ?

А ночь все длится и длится...

Море зыблется подъ мерцающимъ свѣтомъ полярнаго сіянія, но волны уже не стремятся къ каменнымъ скаламъ снѣгами засыпаннаго берега. Вѣтеръ давно перемѣнился: дуетъ съ юга. Легкій свистъ слышится въ воздухѣ, мчатся по небу сѣрыя тучки, ползутъ на далекій сѣверъ, къ самому полюсу, откуда все льются и льются потоки этого загадочнаго свѣта.

Вѣтеръ крѣпчаетъ и крѣпчаетъ; свистъ дѣлается слышнѣе и слышнѣе. Волны уже вскинули вверхъ бѣлыя гривы, и чѣмъ дальше, тѣмъ все выше и круче вздымаютъ свои хребты, тѣмъ все громче и громче разбиваются о льдины, медленно подвигающіяся имъ навстрѣчу. Тюлени сползли въ воду, гдѣ-то слышится глухой, тягучій вздохъ кита; вотъ и самъ онъ, грузной горой, массой поднялся наверхъ и высоко взбросилъ двѣ струи воды изъ своихъ мощныхъ дыхалъ, словно привѣтствуя поднимающуюся непогоду. Двѣ раздвоенныя лопасти гигантскаго хвоста на мгновеніе мелькнули въ воздухѣ—и амфибіи уже не

было, а на ея мѣстѣ ширился уже по морю громадный кругъ бѣлой пѣны, разбиваемой табунами мѣрно налетавшихъ волнъ.

Вѣтеръ крѣпчаетъ и крѣпчаетъ. Вотъ льдины отнесло отъ берега; съ глухимъ шумомъ плывутъ онѣ впередъ, окаймленныя со всѣхъ сторонъ широкою полосою вспѣненной воды. Разстояніе между ними и окраиной материка все растетъ и растетъ, ширится и ширится. Скученныя еще недавно, онѣ отдѣляются одна отъ другой, и скоро пловучіе острова выходятъ въ открытое море, расползаясь далеко одна отъ другой и слегка колыхаясь на вздымающихся валахъ океана.

И судно колышется. Издали, пожалуй, покажется, что оно плыветъ впередъ, руководимое искуснымъ кормчимъ. А Васька все спитъ. Не слышетъ онъ, какъ громко заливается отчаяннымъ лаемъ его собака, бѣгая по окраинамъ пловучаго острова, не чувствуетъ, какъ качается его судно, какъ неудержимо рвется вѣтеръ въ окно его каюты.

Ничего не слышитъ и другъ, лежащій тамъ, внизу, подъ крѣпко-на-крѣпко затвореннымъ люкомъ. Не слышитъ и не видитъ онъ, хотя глаза его и раскрыты, а ухо какъ-будто жадно прислушивается къ чему-то.

А льдины все неслись и неслись. Вотъ онѣ уже прошли мимо острова Шалима, только двѣ крайнія, задержанныя мысомъ этой голой каменной громады, медленно колышась, остановились на мѣстѣ. Послышался сухой трескъ—небольшая пловучая льдина между ними разсыпалась на тысячи обломковъ... Въ шумѣ вѣтра пропадаетъ отчаянный лай собаки на льдинѣ, которую немного спустя должно уже вынести въ открытое море... Она сама добралась-бы до берега, переходя съ одной движущейся массы на другую, но вѣрное животное не оставитъ своего хозяина, который не слышитъ ея и не видитъ, какъ она перебѣгаетъ отъ судна къ окраинамъ ледяного острова, стараясь перекричать и вѣтеръ, и гулъ волнъ, разрѣзываемыхъ льдинами.

Полярное сіяніе поблѣднѣло. Еще нѣсколько времени свѣтился на сѣверѣ тусклый сегментъ... Наконецъ, и онъ разорвался. Кое-гдѣ еще мерцали едва замѣтныя пятна сполоха, пропадая одно за другимъ. Вотъ и послѣднее слилось съ окружающею его тьмою. Теперь не видать кругомъ ничего—только бѣлыя массы стамухъ отдѣляются на темномъ фонѣ океана, и то едва; издали онѣ также тусклы, какъ послѣднія пятна сѣвернаго сіянія. Куда несетъ ихъ вѣтеръ? Если-бы Васька теперь и проснулся, онъ не разсмотрѣлъ-бы ничего впереди, кромѣ тьмы,—густой, влажной тьмы, окутавшей весь этотъ океанъ.

Медленно несутся льдины. Вѣтеръ слабѣетъ, но теперь долго не остановятся онѣ, покорныя разъ принятому направленію. Лай собаки слышится рѣдко, рѣдко. Сидя на краю стамухи, лицомъ къ пропавшему во тьмѣ берегу, она только повизгиваетъ, подымая вверхъ голову и словно что-то нюхая тамъ, въ этомъ мглистомъ воздухѣ зимней полярной ночи.

За ночь ихъ отнесло верстъ за тридцать въ открытое море. Стамухи давно разбросало въ разныя стороны одну отъ другой. Та, въ которой находилось судно съ его населеніемъ, отдѣлилась совершенно и плыла особнякомъ.

Волненіе океана успокаивалось. Едва замѣтно колыхаясь, стамуха подвигалась къ сѣверу. Движеніе ея стало ровнѣе.

Когда Васька продралъ глаза, сѣрыя сумерки полярнаго дня смотрѣли въ окно каюты.

Онъ сначала не сообразилъ, что съ нимъ. Голова болѣла, глаза едва открывались. Во всемъ тѣлѣ была какая-то глухая боль, истома.

Но видъ боченка разомъ вернулъ ему сознаніе. Онъ прежде всего пощупалъ, въ карманѣ-ли деньги и за пазухой-ли ящикъ. И то, и другое оказалось на мѣстѣ. Сладко мечтая, какъ онъ начнетъ перевозить въ становище все съ этого оставленнаго судна, онъ подползъ къ боченку, нацѣдилъ стаканъ рому и разомъ выпилъ эту драгоцѣнную влагу подъ тридцати-градуснымъ морозомъ.

Полежавъ еще въ полудремотѣ, онъ рѣшилъ, что, нако нецъ, пора-же приниматься и за дѣло. Выйдя изъ каюты, лопарь остолбенѣлъ. Первое чувство было даже не ужасомъ. Въ немъ словно все упало, все замерло. Сердце не билось, только глаза глядѣли впередъ, да во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ какую-то слабость.

Передъ нимъ во всѣ стороны ложился мрачный, безбрежный океанъ.

Земли не было видно ни на югѣ, на на востокѣ, ни на западѣ. Все голо. Только змѣистые ряды пѣнистыхъ валовъ несутся все впередъ и впередъ, въ эту тьму, что сгустилась на сѣверѣ. Солнца не было. Все небо — въ сѣрыхъ тучахъ, низко нависшихъ надъ пустыней. Начиналъ падать снѣгъ.

Скоро бѣлая пелена его покрыла палубу, канаты, груды рухляди.

Лопарь не двигался съ мѣста. Онъ и не думалъ предпринять что-либо въ свою пользу. Дѣло ясное. Сдѣлать ничего нельзя было. На весновальномъ карбасѣ пуститься назадъ, противъ вѣтра и противъ теченія, невозможно.

Его, впрочемъ, пугала не собственная судьба.

Лопарь вообще равнодушенъ къ жизни. Его смущало, что скажутъ весною покрученники, когда не найдутъ въ становищѣ нанятаго ими сторожа. А если при этомъ какая-нибудь бродячая партія норвежцевъ расхититъ снасти и запасы, сложенные въ скеяхъ? Не назовутъ-ли воромъ его, Ваську Быкова, который за каждую довѣренную ему веревку готовъ положить животъ? Вотъ эта дума и кручинила теперь лопаря!

Напрасно онъ всматривался на югъ—тамъ ползли тучи, море сливалось съ ними далеко, далеко... а земли не было видно вовсе. Только бѣлые всплески волнъ да сѣрый просторъ.

Оставалось одно — ждать. Лопарь сѣлъ, неподвижный, безмолвный, несмотря на то, что собаченка давно уже привѣтствовала его снизу. Онъ совершенно погрузился въ оцѣпенѣніе. Едва-ли самъ онъ могъ дать себѣ отчетъ о

чемъ онъ думаетъ въ эту минуту. Только сердце билось съ болью, да голова горѣла, несмотря на холодный вѣтеръ, повѣвавшій ему прямо въ лицо. Онъ не обращалъ вниманія на колыханіе льдины, которая иногда пріостанавливалась и вращалась, встрѣчая противное теченіе.

Отъ вѣтра, впрочемъ, спасенія не было. Не въ люкъ же прятаться, гдѣ лежитъ безмолвный свидѣтель, вперяя во тьму свои недвижные глаза?..

Даже теперь, при воспоминаніи объ этихъ тяжелыхъ, пережитыхъ зимою минутахъ, лопаря обдало холодомъ. И какъ привѣтны показались ему теперь, послѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній, весенняя марь, расползавшаяся по океану, ласковый свѣтъ теплаго солнца! А жалобное урчаніе ручьевъ подъ снѣговыми сугробами казалось ему волшебною музыкою, пѣсней, проникающей прямо въ душу.

Но тогда было не до наслажденія природой.

Васька Быковъ вспомнилъ, какъ онъ просидѣлъ цѣлый день, цѣлую ночь на палубѣ того судна, безъ мысли, безъ движенія, въ тупомъ ожиданіи чего-то, что должно было произойти сію минуту, сейчасъ, сегодня или завтра, или черезъ нѣсколько дней—все равно. Вспомнилъ онъ, какъ ему казалось, что гдѣ-то далеко (не съ берега-ли?) лаетъ собака, и слышны звуки знакомыхъ родныхъ голосовъ. Онъ тогда уже не чувствовалъ голода.

Прошелъ полный ужаса день, настала еще болѣе ужасная, озаряемая сполохами ночь, а льдина, хотя медленно, но неумолимо, неизмѣнно все двигалась впередъ и впередъ.

Засѣрѣлъ новый день.

Ему уже примелькалось и море, и бѣлыя окраины, льдины, и темная палуба судна.

Но вотъ онъ дрогнулъ и привсталъ.

Какъ будто не вѣря самому себѣ, онъ прошелъ на корму и жадно сталъ взглядываться во что-то на горизонтѣ. Это «что-то» было не то тучей, не то маревомъ. Оно сѣрѣло небольшимъ пятномъ на самомъ краю моря. Для тучи это пятно слишкомъ неподвижно, а марево зимою слишкомъ рѣдко обманываетъ взоры полярнаго но-

мада. Значитъ, это земля, скала, какой-нибудь клочекъ болѣе прочнаго убѣжища, чѣмъ это утлое судно на льдинѣ, еще болѣе утлой.

Чѣмъ ближе подвигалась льдина, тѣмъ болѣе росло пятно, тѣмъ рельефнѣе опредѣлялись его контуры. Спустя часъ или два, Васька вполнѣ уже убѣдился, что передъ нимъ скала, засыпанная снѣгомъ. Но опять мучительный вопросъ: куда же направится льдина? Не пройдетъ-ли она слишкомъ далеко отъ этой каменной глыбы? Лопарь, тѣмъ же способомъ, какъ вошелъ на судно, спустился съ него, поднялъ полумертвую собаку и прошелъ къ своему карбасу.

Наладить лодку было недолго. Нужно было поторопиться только выволочь ее на окраину пловучаго острова. Какъ бы не запоздать... Тѣмъ не менѣе, практическій лопарь не забылъ свалить внизъ съ палубы судна грузъ сухарей, боченокъ съ ромомъ, цѣлую груду норвежскихъ фуфаекъ и пуда четыре удъ, которыя, вѣроятно, припасены были норвежцами для мѣновой торговли съ мурманскими тресколовами.

Но судьба, повидимому, устала преслѣдовать его.

Льдина шла прямо на скалу, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Не было никакого сомнѣнія, что она разобьется о первые выступы дикаго гранита, который съ этой стороны былъ только слегка обсыпанъ снѣгомъ. Ледяной припай окаймлялъ лишь его сѣверную сторону, вдаваясь въ океанъ длинными мысами.

Вотъ уже видны передовые форпосты каменной громады. Черезъ нѣсколько минутъ льдина ударится о нихъ — и, можетъ быть, спустя послѣ того два или три мгновенія, отъ нея останутся на поверхности одни обломки и масса ледяной пыли. Васька быстро подтащилъ къ противоположному отъ острова концу пловучей массы свою лодку и, быстро столкнувъ ее, очутился на сѣровато-зеленыхъ валахъ океана. Теченіемъ несло его вслѣдъ за льдиной. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы держаться въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи.

Вотъ льдина уже близко. Вотъ послышался первый зловѣщій шорохъ... трескъ... Вся эта бѣлая масса дрогнула, поднялась на волнахъ, опустилась, приняла нѣсколько вращающее направленіе, ударилась о скалу другою стороною и вновь дрогнула. Отъ льдины отдѣлился громадный кусокъ расколовшейся массы. Центръ тяжести остальной громады перемѣстился, и лопарь едва удержалъ восклицанія изумленія, когда вмерзшее въ эту массу судно, вмѣстѣ съ нею, приподнялось кормою вверхъ, описало четверть круга и погрузилось въ воду горизонтально, такъ что мачта его во всю длину свою лежала на поверхности океана. Громадный выступъ ледяной глыбы, въ которой находилось судно, уже не лежалъ на волнахъ, а подымался теперь вверхъ, какъ отвѣсная скала. Грохотъ, трескъ разбившихся другъ о друга и растиравшихся о береговой камень льдинъ, шумъ волнъ, покрывшихся громаднымъ слоемъ пѣны далеко вокругъ мѣста встрѣчи стамухи съ утесомъ, на минуту оглушили лопаря, колоссальная волна прокатилась черезъ бортъ его карбаса, и долго еще волны захлестывали его, обдавая брызгами лицо испуганнаго гребца.

Наконецъ, все приняло обычный видъ.

Васькѣ удалось пристать къ каменному острову, гранитный стержень котораго толькое кое-гдѣ былъ покрытъ глетчерами и снѣговыми массами. Тутъ, завернувшись въ груду фланели, взятой съ судна, покрывшись сверху своимъ совикомъ, лопарь заснулъ мертвымъ сномъ, забывъ всѣ только-что пережитыя ощущенія.

Когда онъ проснулся, было утро. Онъ спалъ и день, и ночь. Отъ корабля—ни слѣда. На берегъ были выброшены только обломки мачты, цѣлая груда канатовъ да какая-то старая матросская шляпа. Массы мелкихъ льдинъ—вотъ все, что осталось отъ пловучаго острова.

Лопарь обошелъ весь островъ. Онъ былъ пустыненъ и безжизненъ. Вездѣ изъ-подъ снѣга выдавались острые углы гранитныхъ выступовъ, эрратическіе камни торчкомъ стояли на остроконечіяхъ скалъ. Съ самой возвышенной

точки видно было море верстъ на десять кругомъ—все сѣрое, все въ тучахъ, уходившее въ туманъ, расползавшійся тяжелою однообразною пеленою надъ волнами...

Васька все-таки не терялъ надежды добраться домой. Оленьими жилами, при помощи ножа, онъ сшилъ фланелевыя фуфайки и норвежскія рубахи въ одну полосу. Такимъ образомъ, образовалось нѣчто въ родѣ паруса, изъ обломковъ гротъ-мачты сдѣлалъ мачту, вполнѣ достаточную для весновальнаго карбаса. Оставалось ждать только сѣвернаго вѣтра, который донесъ бы его до твердой земли.

Тѣмъ не менѣе, здѣсь ему пришлось пробыть около недѣли.

А когда потянуло съ полей морознымъ, насквозь пронизывающимъ утренничкомъ, лопарь обладилъ свою лодченку, поставилъ парусъ, взялъ въ руки шкотъ отъ него и смѣло ввѣрился волнамъ. Карбасъ шелъ быстро, то захлестываемый волнами, то взвиваемый на вышину громаднаго вала, то сбрасываемый внизъ, въ клокочущую бездну. Верстъ двадцать ему привелось сдѣлать въ непроницаемой массѣ сѣраго тумана, до того густого, что за десять саженъ отъ человѣка волны, небо и даль сливались въ одну полосу медленно клубившейся мглы. Ея даже не развѣвало вѣтромъ, наносившимъ только новыя и новыя тучи тумана.

Къ вечеру того же дня челнокъ лопаря съ разлету ударился въ передовую, образовавшую родъ мола линію матераго берега. Лодку разбило; Васька едва-едва выбрался на землю, потерявъ грузъ и собаку, которая, обезсилѣвъ отъ лишеній, не могла даже вплавь по теченію достичь земли.

Лопарь выбрался верстъ за тридцать отъ своего становища. Выспавшись въ оставленной промышленниками избѣ, пустовавшей и лѣтомъ, онъ только на другой день къ вечеру добрался до своей вѣжи.

V.

Варде-хузскіе пираты.

Ночью была буря.

Весенній вѣтеръ разметалъ пловучіе ледяные острова, еще вчера загромождавшіе океанъ, выбросилъ на отмелые берега Варангеръ-Фіорда громадныхъ нордкаперовъ да обломки невѣсть откуда занесенныхъ китобойныхъ шкунъ.

По всему сѣровато-зеленому простору моря змѣились бѣлыя полосы пѣны, то вздымаясь на гребни круто горбившихся волнъ, то пропадая между ними.

У самаго берега еще грохоталъ и злился бурунъ; неуспокоившееся море пробивалось въ узкія салмы, взбрасывая свои бѣлые всплески до самыхъ вершинъ черныхъ утесовъ. Иногда волна швыряла на камни громаднаго, жирнаго палтуса, расплющивая его силою удара или высоко взвивала вверхъ гибкую и юркую сайду, выплывавшую на поверхность океана и въ самыя сильныя бури. Тамъ, гдѣ прибой былъ круче и злѣе, гдѣ противоположныя теченія образовывали сувой, среди клокочущаго хаоса, въ массахъ пѣны, играли цѣлыя стада прожорливыхъ акулъ, крупныя зубатки охотились за мелкою рыбешкой, а сверху только-что налетѣвшія чайки подстерегали сельдь, камбалъ, морскихъ налимовъ, мойву, оставившихъ убѣжище морского дна, поросшаго громадными водорослями и турой.

Высоко, въ синевато-сѣромъ, подернутомъ бѣлыми тучами небѣ, чернѣли орлы-рыболовы, да громадные буревѣстники пересѣкали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ.

Въ береговыхъ щеляхъ, на отложинахъ, утесистыхъ массъ, вездѣ, гдѣ только можно было выстроить ферму, поставить жиротопенный заводъ или воздвигнуть амбаръ на платформѣ, подпертой высокими сосновыми столбами,— ключемъ кипѣла бойкая промысловая жизнь. Еще издали, подплывая къ глубокимъ фіордамъ, извилисто врѣзавшимся въ землю, можно услышать неопредѣленный гулъ пороговъ. Внутри фіорда невольно приходится подивиться

красотѣ природы и неутомимой дѣятельности человѣка. Съ вершины утеса далеко смотрятъ въ море сторожевые посты. Пробивая каменную щель, рѣка съ отвѣсной высоты падаетъ въ глухо шумящее море. Водопадъ низвергается тремя или четырьмя уступами; изъ бѣлой пѣны его чернѣютъ острыя, обточенныя водою скалы... Кругомъ, на площадкахъ гранитнаго берега, высокіе деревянные дома въ два три окна въ рядъ. На кровлѣ—штоки съ флагами. На стеклахъ оконъ ярко играетъ солнце, захватывающее въ свою свѣтлую полосу и кучу ребятишекъ, молчаливо копошащихся на улицѣ, если почти вертикальный спускъ берега можно назвать улицей. Рыбаки въ красныхъ колпакахъ и рыбачки въ красныхъ корсажахъ и голубыхъ юбкахъ возятся, чиня лодки, осмаливая елы. Вездѣ пахнетъ дегтемъ и свѣжими сосновыми досками. А въ сторонѣ, на платформахъ, стоятъ амбары съ острыми кровлями и деревянными лѣстницами снаружи, сходящими прямо къ морю, въ которомъ у послѣднихъ ступеней прыгаетъ и вращается на волнахъ яраго буруна лодка, привязанная къ одному изъ столбовъ, подпирающихъ платформу блокгауза. Посрединѣ бухты красуется новая кокетливая шкуна, вся расцвѣченная флагами. Ее оснащиваютъ, а вдали, на самомъ горизонтѣ, уже тянется узкая и длинная полоса чернаго дыма. Бергенскіе пароходы начали постоянное сообщеніе между различными пунктами этого пустыннаго по преимуществу берега. На высокомъ выступѣ утеса, обрушивающагося въ море, внѣ фіорда устроена пристань. Тамъ уже собралась толпа и рѣшаетъ, какой это пароходъ—Кенигъ-ли Карлъ или Кенигъ Оскаръ?

А въ домахъ какая возня! Вездѣ готовятся къ сельдяному, тресковому и камбальскому ловамъ. Особенно близъ острововъ Лофоденскихъ, въ Финмаркенѣ и Ромсдалѣ. Въ лофоденскихъ ловляхъ принимаетъ участіе почти все населеніе, начиная съ устья Дронтгейме-фіорда вплоть до сѣвернаго городка Тромзоэ, несмотря на суровость климата и неудобства переѣзда. Еще въ послѣднихъ числахъ декабря приготовляются здѣсь къ *зимнему* промыслу. Только

отпировавъ Рождество, рыбаки начинаютъ вооружать суда и исправлять снасти, а женщины заготовляютъ съѣстные припасы. Въ трюмы судовъ укладываются овсяные и ржаные хлѣбы, ячменная мука, масло, круги громадныхъ козьихъ сыровъ, ненавистныхъ всякому, кромѣ истаго норвежца, плитки прессованнаго бульона и солонина въ корзинкахъ. Каждое утро рыбаки выходятъ и осматриваютъ горизонтъ: не тянутся-ли гдѣ-нибудь тучки, не замѣтно-ли попутнаго вѣтра? Но ясное небо чисто, холодный воздухъ недвиженъ, и флаги на штокахъ домовъ и на мачтахъ елъ не шелохнутся. Только море зыблется да грохотъ водопада покрываетъ шумъ легкаго прибоя. Но вотъ разъ утромъ еще издали потянуло свѣжимъ, солоноватымъ морскимъ вѣтромъ, тѣмъ особеннымъ вѣтромъ, въ которомъ смѣшиваются и испареніе морской воды, и характеристическій запахъ водорослей. И выйдя на самый берегъ, рыбаки замѣтили, что съ запада ползутъ по небу тучки, флаги колыхались въ воздухѣ... Пора!.. Все становище просыпается разомъ; некогда причитывать, прощаться, пировать. Суда вооружены, послѣдніе грузы приняты на бортъ, гдѣ-то слышна хриплая пѣсня и смѣлыя восклицанія. Визжатъ цѣпи поднимаемыхъ якорей, и скоро на голубомъ горизонтѣ уже исчезала, направляясь къ Лофоденамъ, цѣлая флотилія елъ съ рыболовами. Урочище, откуда отплыли они, обезлюдѣло. Тамъ ни души. Только двѣ-три старухи да маленькіе ребятишки. И жутко имъ однимъ на безлюдномъ просторѣ!

Славное это судно—норвежская ела!

Кокетливо рѣжетъ она острымъ носомъ своимъ вспѣненную поверхность арктическаго океана, быстро лавируетъ, увертываясь отъ бури, еще быстрѣе идетъ впередъ. И корма у нея такая же острая, какъ носъ. Не станетъ норвежецъ красить ее въ яркіе цвѣта. Вся черная, осмоленная на-крѣпко, ела, какъ чайка, вьется на просторѣ вѣчно волнующагося ледовитаго моря, граціозно рисуясь на его горизонтѣ своимъ бѣлымъ парусомъ. Пять человѣкъ экипажа да одинъ юнга-мальчикъ ловко управляютъ дви-

женіями этого суденышка. Матросы сами выбираютъ себѣ начальника — hovedsmand'a (коршика, кормщика). Ему повинуются безусловно, потому что во многихъ случаяхъ жизнь экипажа зависитъ отъ точности, съ какою исполняются его приказанія. При выборѣ говедсмана не смотрятъ на возрастъ, богатство или значеніе, но только на ловкость, энергію или хладнокровіе и находчивость данной личности. Промышленникъ, старѣе пятидесяти лѣтъ, теряетъ право на такой постъ, потому что въ эти годы нѣтъ юношеской смѣтливости, мужества и силы. Нерѣдко говедсманъ—простой покрученникъ, тогда какъ состоятельный хозяинъ его смиренно работаетъ веслами. Говедсманъ—начальникъ на морѣ и на сушѣ. Всякая купля и продажа производится отъ его имени. Онъ вступаетъ во всевозможныя сношенія съ мѣстнымъ муниципалитетомъ. Иногда изъ говедсмановъ выходятъ лучшіе дѣятели норвежскаго стортинга; между ними встрѣчаются личности высокообразованныя, но, тѣмъ не менѣе, развившіяся въ въ скромной глуши небольшого провинціальнаго городка, гдѣ среди незатѣйливой обстановки, въ мѣщанскомъ или крестьянскомъ семействѣ рыболова-промышленника, прошло ихъ дѣтство, отрочество, богатое впечатлѣніями, и юность, обильная трудами. Все это люди идеальной, безупречной честности. Въ говедсманы попадаетъ часто молодежь, умѣвшая выдѣлиться своими практическими достоинствами и пріобрѣсти между промышленниками несокрушимый авторитетъ. Это званіе—гордость цѣлаго семейства, цѣлаго рода. Посмотрите на эти открытыя, энергическія лица съ строго-нахмуренными бровями, съ глазами, будто высматривающими что-то за десять верстъ впередъ, крупнымъ и красивымъ складомъ сильнаго тѣла; встрѣтьте ихъ въ минуты опасности, хладнокровныхъ у руля и повелительныхъ, лицомъ къ лицу съ могучею сѣверною бурей, среди грозно подымающихся морскихъ валовъ—и вы поймете, какъ обаятельно дѣйствуютъ они на свои экипажи.

На Лофоденахъ, куда они стремятся, кромѣ селъ и деревень, въ каждой хорошо защищенной бухтѣ ютится

становище, гдѣ помѣщаются пріѣзжіе рыбаки. Хижины ихъ—одна комната съ пристроеннымъ къ ней амбаромъ для храненія снастей и бочекъ съ жиромъ. Все выстроено изъ грубыхъ досокъ, въ открытыя щели свищетъ вѣтеръ. Крыша покрыта торфомъ. Воздухъ спертъ и удушливъ, но зараженная атмосфера не стѣсняетъ привычныхъ моряковъ, которымъ къ тому же и некогда разсуждать послѣ цѣлаго дня упорнѣйшаго труда на воздухѣ. Важно только, чтобы надъ головой была кровля. Если ловъ удаченъ, въ становищахъ скопляется столько промышленниковъ, что многіе остаются безъ пристанища. Впрочемъ, долго думать не приходится. Изъ парусовъ устраиваютъ палатки и спятъ въ нихъ. Кто не помѣстится здѣсь, ложится прямо въ снѣгъ и спокойно засыпаетъ. Пища ихъ проста, но здорова и обильна. Съ восходомъ солнца юнга приготовляетъ кофе, въ полдень или какъ придется, когда позволитъ промыселъ—обѣдъ: говядина, сало, хлѣбъ, масло, картофель и рыба. На ужинъ: кофе, рыба, хлѣбъ и бульонъ.

Еще выгоднѣе и обильнѣе финмаркенскій ловъ между Сенгеномъ и Нордкапомъ, Иногда, когда тресковыя стаи забираются далеко въ фіорды, выходъ имъ заграждаютъ сѣтями и добываютъ рыбу массами. Въ восточномъ Финмаркенѣ, отъ Нордкапа до границъ Россіи, промыселъ будетъ впослѣдствіи еще обильнѣе, когда населеніе этой окраины станетъ гуще. Здѣсь безъ числа ловится мойва. Въ половинѣ марта слетаются тучи чаекъ, поверхность моря на далекомъ пространствѣ возмущается стадами китородныхъ; значитъ, идетъ мойва, до которой такъ лакома треска. Мойва подходитъ къ берегамъ не прямо, но извилинами, то приближаясь къ нимъ, то отдаляясь отъ нихъ. Вслѣдъ за нею гонятся несчетныя тресковыя стаи.

Всѣ берега Норвегіи въ это время заставлены палтухами, на которыхъ развѣшивается треска для сушки. Характеристическій запахъ этой рыбы преслѣдуетъ туриста даже въ открытомъ морѣ, такъ много заготовляется ея въ становищахъ,—особенно, когда вѣтеръ дуетъ съ берега.

Часто между избами становища оставляются проходы, гдѣ съ трудомъ, и то бокомъ, проберется одинъ человѣкъ. Все остальное занято палтухами. Нужно пользоваться холоднымъ, весеннимъ воздухомъ, пока треска и сушится, и не гніетъ отъ жары. Лѣтомъ—другое дѣло: тогда приходится готовить одну соленую треску.

И въ сельдяномъ ловѣ Норвегія служитъ намъ недостижимымъ пока примѣромъ!

Ловятъ сельдь норвежцы круглый годъ, и зимою, и лѣтомъ. Натуралисты отвергли старую гипотезу періодичности посѣщеній сельдью тѣхъ или другихъ пунктовъ и признали, что она живетъ обыкновенно въ обширныхъ и глубокихъ бассейнахъ, облегающихъ берега, у которыхъ она плодится. Въ Норвегіи самое обильное мѣсто лова—линія между мысами Гитереномъ и Линдеснесомъ. Со второй половины января здѣсь уже начинаютъ ловить сельдь.

За двѣнадцать дней до ея появленія какъ и предъ появленіемъ тресковыхъ стай, множество китородныхъ появляется на горизонтѣ. Фонтаны изъ ихъ дыхалъ брызжутъ по всей окраинѣ необозримаго океана. Затѣмъ налетаютъ цѣлыя тучи чаекъ; милліоны ихъ поминутно опускаются въ воду,—значитъ, сельдь уже начинаетъ подыматься на поверхность воды. Пора начинать обычную охоту. Узнаютъ также о приближеніи сельди, находя ее въ желудкахъ вылавливаемыхъ зубатокъ и другихъ болѣе крупныхъ представителей подводнаго царства. Передвиженіе сельди съ одного мѣста до другого такъ капризно, что рыбаки не могутъ выжидать ее въ опредѣленныхъ пунктахъ, а должны слѣдовать за ея стадами до тѣхъ поръ, пока тѣ не бросятъ окончательно береговъ и не скроются въ безмѣрной глубинѣ Ледовитаго океана. На эти ловли съѣзжаются норвежцы съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ береговой линіи, причемъ, разумѣется, переѣздъ по бурному морю въ холодное время далеко небезопасенъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря они оставляютъ свои дома и смѣло пускаются въ океанъ на безпалубныхъ судахъ, отличныхъ отъ описанныхъ нами.

Они имѣютъ отъ 28 до 30 фут. въ длину и отъ 9 до 10 въ ширину у платъ-борда; вмѣсто четырехугольнаго паруса несутъ шпринтовтъ и фокъ-мачту. Они построены болѣе для того, чтобы ходить подъ парусами, чѣмъ на веслахъ, да веселъ иногда и нѣтъ на нихъ вовсе. На берегахъ, вдоль по всему пути сельди, понастроены становища съ промысловыми избами. Какъ только сельдь станетъ приближаться къ берегамъ, смѣлѣйшіе изъ рыболововъ выходятъ изъ бухтъ и бросаютъ сѣти верстахъ въ пятнадцати отъ твердой земли; если они воротятся съ добычей, на утро уже тысячи промышленниковъ отправляются выметывать снасти. Сѣть выметывается вечеромъ, а вытягивается на другой день. Выходы изъ бухтъ, переполненныхъ сельдею, часто обхватываютъ сѣтями, и вся масса рыбы, безъ остатка, попадается въ руки промышленниковъ.

Когда къ сѣверу отъ Бергена сельдяной ловъ оконченъ, начинаютъ ловить въ южныхъ водахъ.

За полчаса до восхода солнца, на пространствѣ десятковъ верстъ море сплошь покрыто тысячами лодокъ, вытягивающихъ сѣти или возвращающихся на берегъ съ такими грудами добычи, что корма ихъ едва-едва видна надъ водою. Вездѣ бѣлѣютъ паруса, всюду граціозно рисуются боты и большія палубныя суда, лавирующія по вѣтру. Иногда кое-гдѣ посреди этой кипучей суеты взовьется вверхъ фонтанъ изъ дыхалъ кита или плюхнетъ случайно попавшая сюда акула. Надъ всѣмъ этимъ просторомъ безчисленныя стаи чаекъ, заслоняя небо, оглашаютъ окрестности громкими, словно чего-то вымаливающими криками. Но вотъ яркая, алая полоса на востокѣ переходитъ въ огненные тоны, тонкія золотыя бити пронизываютъ цѣлое море пылающаго пурпура. Нижніе края облаковъ горятъ, словно расплавленное золото, переходя выше въ нѣжно-розовые оттѣнки; даже на самомъ западѣ, куда ушелъ туманъ полярной ночи, воздухъ охваченъ легкимъ румянцемъ. Морская даль вся будто облита горячею кровью. Теплыя, яркія краски ложатся на все, даже

чайки, широко раскидывающія свои крылья, даже паруса ботовъ и безпалубныхъ лодокъ, низко наклоняющіеся по вѣтру, сквозятъ на свѣту розовымъ блескомъ зари. Движеніе волнъ, гребни которыхъ отсвѣчиваются палевыми тонами, становится медленнѣе и равномѣрнѣе. Ритмически дышитъ океанъ, колыша на груди своей пловцевъ и рыболововъ. Наконецъ, еще моментъ—и весь востокъ тонетъ въ величавомъ сіяніи солнечнаго вѣнца, покойно и властно вздымающагося на краю этой безконечности. Глазъ уже перестаетъ видѣть что-либо иное, кромѣ этого царственнаго блеска. Рѣзкіе крики чаекъ замираютъ въ воздухѣ, послѣднія тучи сбѣгаютъ съ небосклона, и вся эта ширь, вся эта даль кажутся въ эту минуту единымъ храмомъ, на краю котораго въ эту минуту внезапно изъ безднъ океана воздвигается чудный огненный престолъ невѣдомаго и незримаго божества.

Даже далекіе, полузатонувшіе на окраинѣ океана берега отбрасываютъ снопы отраженнаго свѣта; на одинокой скалѣ, словно маякъ, выдвинувшійся изъ движущаго простора, вспыхнулъ яркій костеръ. Это солнце смотритъ въ гладкую поверхность его діоритовой вершины. А тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, на югѣ, сверкаютъ нѣсколько искръ, и все въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Что это? Дальній-ли городъ, или миражъ, или просто блескъ отвѣснаго берега, — никто не скажетъ вамъ! Смотрите и въ благоговѣйномъ молчаніи преклоняйтесь передъ этою неизмѣримою красотой.

А на берегу въ то же время кипитъ та же ключемъ бьющая жизнь.

Тысячи солелень переполнены рабочими. Тамъ смѣхъ, грохотъ труда, изрѣдка мрачная норвежская пѣсня, такъ же похожая на свою сестру, пѣсню русскаго рыболова, какъ хриплый стонъ совы на вокальные крики орла въ поднебесьѣ. Не музыкальный народъ сѣверные норвежцы!

И такъ всю зиму, всю весну, все лѣто, всю осень.

Ни на минуту не прекращается здѣсь живая дѣятельность человѣка. Въ то время, какъ на нашемъ Мурманѣ

только лопари стерегутъ безлюдныя становища, да Васька Быковъ жадно прислушивается къ свисту воды, просочившейся въ снѣговыхъ сугробахъ, въ фіордахъ сосѣдняго королевства дымится множество жиротопенныхъ заводовъ, десятки тысячъ рыболовныхъ судовъ вырываютъ у моря его сокровища, сотни тысячъ народа цѣлые дни проводятъ посреди движущихся валовъ, вспѣненные гребни которыхъ, словно гривы дикихъ коней, развѣваютъ по вѣтру свои прихотливыя очертанія.

Такъ и теперь, въ описываемый нами день, когда буря только что улеглась, а у самаго берега еще грохоталъ бурунъ, норвежцы готовились къ промыслу, снаряжая въ глубокихъ бухтахъ свои красивыя елы.

И не только одни села высылали своихъ ловцовъ на весенній промыселъ,—города сѣверной Норвегіи снаряжали еще больше такихъ артелей. Оттуда сотнями отчаливали суда на икряныя руна.

Такъ и вокругъ самой сѣверной крѣпости въ Европѣ, Варде-Хуза, уже сновали во всѣхъ направленіяхъ ладейки и боты рыболововъ.

Городокъ этотъ разбросанъ на горбатыхъ, полукруглыхъ скалахъ, безплодныхъ, лишенныхъ даже зелени лужковъ, усѣивающихъ остальное побережье Варангеръ - фіорда. Куполообразный, но разорванный щелями и трещинами утесъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ распадается на части, въ другихъ—разсѣялся, грузно сбрасывая въ море свои растопыренныя лопасти. На его вершинѣ едва замѣтны издали бѣлыя линіи крѣпостныхъ шанцевъ. Издали подумаешь, что это прошлогодній снѣгъ залежался, не таетъ... Развѣ только правильныя очертанія ихъ разувѣрятъ зрителя. Ни одной башенки. Только валы, да едва-едва примѣтное знамя на кровлѣ комендантскаго дома внутри. Тридцать двѣ жалкихъ пушченки тутъ же обращаютъ на сѣверъ свои невидимыя издали жерла. Кое-гдѣ по отлогостямъ громадной скалы, на плѣшкахъ ея выступовъ, на верхушкахъ ея отдѣльныхъ холмовъ видны другія, уже сѣрыя линіи, неправильныя, перекрещенныя во всѣхъ на-

правленіяхъ, то взбѣгающія верхъ, то огибающія отдѣльные эрратическіе камни. Отсюда вѣтромъ донесетъ до васъ запахъ рыбы, просушиваемой на солнцѣ. Это палтухи норвежскихъ рыболововъ. Больше ничего не увидите вы съ моря. Но вонъ въ сторонѣ не то щель, не то темный входъ въ какую-то бухту. Кругомъ мрачныя скалы сдвигаются еще тѣснѣе, но это только издали.

Направьтесь туда; спустя полчаса, ваше судно броситъ якорь посреди обширнаго залива, на краю котораго разбросаны сначала ряды амбаровъ на высокихъ, подпертыхъ столбами, платформахъ, потомъ оригинальные, красивые дома, высокіе, узкіе. Иные въ три этажа выведены, а въ каждомъ всего только по два окна въ рядъ. Есть дома, что и по одному окну. Кровли то ужъ очень острыя, словно шпили, то плоскія, покрытыя торфомъ. И все это перепуталось между собою, все словно разсыпано сверху, на что упало, на томъ и стоитъ. Упало на горбъ—стоитъ на горбѣ, свалилось въ щель—выглядываетъ изъ щели. Но зато все это чисто, кокетливо, красиво; и такъ кругомъ всего залива. Надъ городомъ, на высотѣ воздушной, точно виситъ небольшая красивая кирка съ изящнымъ силуэтомъ бѣлой, заканчивающейся шпилемъ, «колокольни» по нашему. Башенка эта такъ и просится всѣмъ на глаза. Откуда ни смотрите на этотъ полярный городокъ, она отовсюду улыбается вамъ своими очертаніями. Иногда сверху опустится тучка и окутаетъ ея шпиль—и кирка кажется спущенной внизъ, недостигшей еще земли; иногда туманъ ползетъ снизу, съ моря; клубы его цѣпляются за подножія скалъ, гдѣ злобно бьется бурунъ; мгла подымается все выше и выше, вотъ она окутала и платформы блокгаузовъ, и дома города, только кровли ихъ плаваютъ въ этомъ сѣромъ морѣ тумана. Точно какія-то острыя палатки раскинуты на тучахъ; мгла цѣпляется все выше и выше, она уже заполонила весь городъ и крѣпость. только кирка плаваетъ цѣликомъ на ней, озаряемая алымъ отсвѣтомъ заря; наконецъ, туча охватила и ее, и лишь тонкая башенка ея отчетливо рисуется на сѣромъ фонѣ.

Мнѣ разъ случилось видѣть, какъ туча легла тонкою полосою на весь городъ, оставивъ всю кирку надъ собою, а внизу только скалы берега, бѣлую змѣистую полосу непрерывнаго прибоя, да бѣлые выплески волнъ о подводные камни бухты. Церковь казалась висѣвшею въ небѣ надъ безлюднымъ каменнымъ берегомъ полярнаго края. Ничто не могло сравниться съ красотою этого зрѣлища. Но когда дискъ солнца прорѣзался на востокѣ, и окна кирки засверкали яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ, а сама она облеклась въ розовые тоны — видъ ея сталъ еще очаровательнѣе... Но вотъ туманъ заколыхался, края его дрогнули и расширились. Трудно стало отличать его окраины, онѣ словно стали испаряться въ холодный воздухъ, и скоро только узенькая тучка меледилась въ синевѣ безмятежнаго неба, надъ мирнымъ городомъ сѣвернаго захолустья, сверкавшаго на солнцѣ всѣми своими стеклами, поверхностями и изломами своего гранитнаго подножія... А на высокихъ штокахъ кровель завѣяли флаги, и издали откуда-то послышался рѣзкій свистъ парохода...

Еще минута—и тучки уже не было... Вся она растаяла въ солнечномъ блескѣ...

На окраинѣ Варде-Хуза, тамъ, гдѣ прочные, обитые тесомъ дома уже не встрѣчаются, а только горбятся на костыляхъ полуразвалившіяся избушки, да чадныя, черныя землянки высовываются, словно головы мертвецовъ изъ размытыхъ могилъ, потемнѣвшія головы съ провалившимися насквозь щелями глазъ, носа и рта, — на этой окраинѣ жизнь, казалось, замерла даже и въ такое бойкое время. Отъ хижинъ къ хижинамъ протоптаны узкія тропинки, въ окнахъ этихъ жалкихъ лачугъ не видно стеколъ, и смотритъ въ нихъ откровенная, ничего не хоронящая, потому что и хоронить нечего, нищета; полуголые ребятишки кучами выставляютъ въ эти окна свои шершавыя бѣлесоватыя головенки, на блѣдныхъ личикахъ не видать улыбки, какое-то робкое пришибленное любопытство, любопытство изъ-за угла, свѣтится въ тусклыхъ глазенкахъ. Больно глядѣть на нихъ!..

Пройдетъ солидный козелъ по улицѣ—ребятишки уставятся на него, пристально слѣдя, какъ трясется бородка этого уличнаго джентльмена, какъ развалисто переступаютъ его копытца, какъ взлохматилась его бурая шерсть... Никто не выбѣжитъ поиграть съ нимъ, никто не задѣнетъ этого бородатаго философа задорнымъ крикомъ и веселымъ, подмывающимъ, мальчишески-смѣлымъ хохотомъ...

Вотъ жалкая коровенка, ростомъ съ нашу овцу, едва-едва переваливаясь, вышла на средину молчаливой улицы. Ребятишки уставились и на нее—и все-таки никто изъ нихъ слова. Развѣ зѣвнетъ который, да и то не во всю пасть, а какъ-то въ полрта... Корова помычитъ отъ скуки, выкинетъ какой-нибудь курбетъ позабавнѣе, распустивъ хвостъ трубой, такъ что кисточка его только одна болтается внизъ,—а дѣтямъ все незавидно, ничто не расшевелитъ этой неподвижности... Ошалѣетъ отъ скуки и корова, хвостъ медленно опустится внизъ, и медленно направится она назадъ въ тѣсный хлѣвъ...

Эта слободка сплошь населена квенами—смѣсью норвежцевъ съ лопарями. Здѣсь же пребываютъ и бѣжавшіе съ юга Норвегіи злостные банкроты, плуты, которыхъ незавидная репутація заставила выселиться на крайній сѣверъ,—люди, до прошлаго которыхъ нельзя дотронуться, какъ до живой, еще незакрывшейся раны...

Въ одной изъ жалкихъ лачугъ Варде-Хузскаго захолустья собралось семеро норвежцевъ-квеновъ. Что это были за грубыя жесткія лица! Словно одервенѣвшія черты не оживлялись ни чувствомъ, ни мыслью. Красные колпаки на головахъ, короткія синія куртки да широкія шаровары не скрывали атлетическихъ формъ этого племени, отличающагося замѣчательною силою, выносливостью и замѣтнымъ отсутствіемъ умственной жизни. Двѣ или три женщины стояли въ сторонѣ, опершись спиною о грязную стѣну мрачнаго логовища. Неуклюжія, коротконогія, съ широкими скуластыми лицами, плоскою грудью и какими-то рыжевато-сѣрыми, жидкими волосами, онѣ производили

отталкивающее впечатлѣніе. Женщины-квенки, если возможно, еще уродливѣе мужчинъ. Между собравшимися хранилось полнѣйшее молчаніе. У всѣхъ въ зубахъ были коротенькія трубки, всѣ сосредоточенно глядѣли въ земляной полъ, попивая изъ большихъ глиняныхъ кружекъ бергенскій ромъ—эту отвратительную смѣсь гамбургскаго рома со всевозможными посторонними подмѣсями. Пойло не имѣло на нихъ никакого вліянія, только что лица багровѣли, да глаза наливались кровью. «Собесѣдники» не обращали никакого вниманія другъ на друга, точно каждый изъ нихъ былъ одинъ.

Норвежцы вообще неразговорчивы. Иногда вы видите на улицѣ толпу, тѣсно скученную. Собрались и стоятъ, но самсе сосредоточенное молчаніе царитъ между ними. Изрѣдка кто-нибудь, точно самъ про себя, скажетъ слово,—другіе и не оглянутся. Если нуженъ отвѣтъ, какой-нибудь другой квенъ, по долгомъ размышленіи, буркнетъ что-нибудь, тоже про себя, и довольно. Это называется у нихъ бесѣдой. Иногда и одинъ стоитъ, такъ же упрется глазами въ землю и цѣлые часы ни съ мѣста, пользуясь досугомъ праздничнаго дня. Трубка слабо дымитъ въ зубахъ, новое платье коробится на плечахъ, и всю-то эту нескладную фигуру не отличить отъ ближайшаго столба, столь же неподвижнаго и столь же деревяннаго. Всмотритесь въ эти лица: въ окнахъ даже порядочныхъ домовъ—и тамъ та же неуклюжая деревянность, та же неподвижная сосредоточенность. Этого уже нѣтъ въ средней и южной Норвегіи, но ея сѣверъ тоскою вѣетъ на свѣжаго человѣка, съ изумленіемъ вглядывающагося на этотъ заколдованный міръ, въ это сонное царство деревянныхъ людей.

Изрѣдка только пронесется здѣсь вольная пѣсня человѣка. Словно чайка, рѣетъ она въ холодномъ воздухѣ тихаго взморья, сливаясь своими полутонами и съ этимъ рокотомъ буруна, и съ глухимъ шумомъ едва поскрипывающихъ снастей...

Вы изумлены: откуда быть этой пѣснѣ? Деревянные люди вѣдь не поютъ.

Еще улица, еще поворотъ, и загадка объясняется.

На заваленной мукою палубѣ поморскаго судна поетъ во всю мочь русскій матросъ, оставленный на вахтѣ, въ то время, какъ остальные его товарищи пьянствуютъ въ ближайшемъ кабакѣ. Вы узнали свою пѣсню, на васъ пахнуло родною щемящею душу тоской.

Безмолвная бесѣда норвежцевъ продолжалась довольно долго, пока трубки не были докурены, и ромъ не выпитъ. Наконецъ, женщины не выдержали.

— Что-жъ на промыселъ?—заговорила одна.—Мартъ на дворѣ. Вчера отъ лендсмана были, пошлинъ спрашивали. Дѣти обносились!

Собесѣдники еще сосредоточеннѣе уставились внизъ.

— Отъ купца, отъ Ульсена вчера присылали,—замѣтила другая.—Зимніе долги требуетъ, а какіе тутъ долги, когда намъ и трески не хватаетъ!

— Да, время плохое. У другихъ вонъ мужья давно уже снарядили елы и ловятъ рыбу. Петерсена близъ Кипинга видѣли, говорятъ, рыбы нынче пропасть. Спрашиваютъ: «гдѣ твой мужъ промышляетъ?»—Что отвѣчать? Я и сказала, что пока дома сидитъ.

— У Гансена и Юля елы уже пришли назадъ, на тысячу уртовъ промышляли. Женѣ да дочерямъ платья привезли изъ Вадсе, по десяти спесиновъ стоитъ.

— Бродкинская Эмма вчера въ шали щеголяетъ. Говоритъ, мужъ еще изъ Гаммерфеста прислалъ. Акулій ловъ нынче хорошъ, сотни двѣ бочекъ сала добыли.

— Какія намъ шали! У меня вонъ сегодня не хватило трески, кое-какъ на старыхъ сушеныхъ молокахъ похлебку дѣтямъ сварила!

Опять молчаніе. Только слышны глотки, да раскуриваніе трубокъ. Огни ихъ, вспыхивая въ полутьмѣ, озаряютъ, точно каменныя изваянія, лица курильщиковъ. Вотъ одинъ выколотилъ трубку о земь и спряталъ ее въ карманъ.

— Женщины говорятъ правду! — замѣтилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Всѣ давно на промыслѣ!—едва разжевывая слова, протянулъ другой квенъ.

— У меня вонъ братья давно на Бродкорта работаютъ.

— Что же ты не съ ними?

— Такъ. На другихъ работать не хочу.

— Ужъ лучше бы на другихъ, да дома было бы что ѣсть!—вмѣшалась женщина.—Я такъ думаю, что сами на себя наши мужья не скоро еще надумаются работать. Что толку то болтаться, на потѣху всему Верде-Хузу! И такъ ужъ отъ сплетенъ отбоя нѣтъ. Какія еще богатства наживать станете? Гдѣ? Ну, вонъ Бенсенъ не пошелъ, оно и понятно. Пропилъ у хозяина снасть въ прошломъ году, его ужъ и не возьмутъ. Что держать пьяницъ!

Бенсенъ только плюнулъ въ сторону.

— Я говорю, слушайте... — еще серьезнѣе уставился въ землю рябой и кривой широкоголовый квенъ, у котораго шея точно вросла въ плечи.

— Шершедъ говоритъ, слушайте! — засуетились женщины.

— Да, это я говорю, я, Оскаръ Шершедъ! Я васъ знаю, и вы меня тоже хорошо знаете, Оскара Шершеда изъ Берлевога, что въ Стансфіольдѣ. Я ужъ шестьдесятъ зимъ, какъ гляжу на нашу нищету. Шестьдесятъ зимъ покручиваюсь я къ чужимъ хозяевамъ, и ни разу еще Оскаръ Шершедъ изъ Стансфіольда не работалъ самъ на себя!

— Такъ, такъ, Оскаръ Шершедъ!—сплюнулъ въ сторону мрачный квенъ, сидѣвшій въ центрѣ кружка.

— Я говорю, что пора намъ позаботиться покрыть наши кровли новымъ тесомъ.

— Ну, куда тесомъ!—вмѣшались снова женщины.— Хоть бы торфомъ...

— Ну, хоть торфомъ... Пора пріодѣть своихъ дѣтей, да завести кое-что для хозяйства...

— Чтобъ пропить потомъ съ пріятелемъ...

— Это говорю я, и женщины пусть меня слушаютъ!.. Неприлично клохтать курицамъ, когда поютъ пѣтухи; это

говорю я, Оскаръ Шершедъ, у котораго изболѣло сердце за эти шестьдесятъ лѣтъ!

И онъ устремилъ взоры въ неопредѣленное пространство, какъ-то черезъ головы зрителей, словно онъ видѣлъ передъ собою въ туманѣ все это пережитое время съ его трудами и печалями.

— Я не про тебя и говорю!—огрызалась женщина.

— Итакъ, сказано: пора намъ перестать работать на другихъ... Не на моихъ-ли глазахъ пріѣхалъ сюда Бродкортъ простымъ рыболовомъ? Кто думаетъ, что я говорю неправду, пусть скажетъ мнѣ... И я докажу ему, что рыболовъ нынче сталъ милліонеромъ и ѣстъ каждый день за столомъ говядину, одѣвается въ тонкое сукно и по вечерамъ пьетъ вино изъ золотой бутылки...

Квены молчаливо кивнули головами.

— Я—Олафъ Уллаярви изъ Пазъ-фіорда и всѣ меня здѣсь знаютъ достаточно!—вмѣшался другой коренастый норвежецъ.

— Первый пьяница,—что говорить!

Олафъ Уллаярви пропустилъ мимо ушей замѣчаніе жены и только покосился въ ея сторону.

— Итакъ, я говорю всѣмъ и каждому, что мы согласны работать только на себя и самимъ проѣдать свои денежки!

— Много ихъ у тебя, а отъ пустого разговора будетъ еще больше! — замѣтила та же квенка, иронически поглядывая на своего мужа.

— Что дѣлаютъ чайки, когда глупые тупики мѣшаютъ имъ ловить рыбу?—глубокомысленно предложилъ на разсужденіе собранію Оскаръ Шершедъ изъ Стансфіольда.

— Они ихъ гонятъ вонъ и клюютъ, пока дерзкая птица не запрячется въ свои гнѣзда!

— Ну, и наши женщины должны помнить это...

— Прежде, чѣмъ проѣсть свои денежки, нужно нажить ихъ, а откуда вы ихъ возьмете? — спросила въ отвѣтъ женщина.

— Она говоритъ правду, нужно нажить ихъ! —согласились квены.

— А зачѣмъ мы не думали объ этомъ раньше? Затѣмъ, что тогда можно было дѣлать хорошія дѣла съ финманами, а теперь лендсманы стоятъ за нихъ горой и не позволяютъ продавать имъ ромъ за оленей. Такъ, вотъ пусть Оскаръ Шершедъ изъ Стансфіольда скажетъ, какъ намъ достать деньги, какъ прокормить наши семейства, какъ одѣть нашихъ женъ?.. Такъ-ли я говорю?

Стаканы были налиты снова; опять стали попыхивать трубки, и дымъ сѣрыми клубами потянулся въ окно.

Женщины тоже молчали, вглядываясь въ лица мужей.

Стало уже смеркаться. На стѣнѣ едва дрожало золотистое сіяніе зари, по которому, перебѣгающею тѣнью, стлался дымъ, и темными пятнами обрисовывались всклокоченныя головы квеновъ. Вотъ мимо самаго окна мелькнула бѣлая чайка. Рѣзкій, пронзительный крикъ ея замеръ въ воздухъ... Обрывокъ русской пѣсни долетѣлъ сюда и тоже погасъ... Огнистый лучъ поблекъ, и горница вся погрузилась во тьму, только въ окно смотрѣли сѣрыя, влажныя сумерки, да въ противоположномъ домѣ тускло свѣтился огонекъ отъ ночника, гдѣ горѣлъ акулій жиръ, распространяя вокругъ отвратительный запаха ворвани...

— Скоро-ли-же у нашихъ мужей, кромѣ языковъ, будутъ и головы? — вновь вмѣшались потерявшія терпѣніе женщины.

— Пора вѣдь и расходиться, а вы еще ничего не рѣшили!

— Пусть говоритъ Оскаръ Шершедъ!

Шершедъ устремилъ взглядъ куда-то далеко-далеко. Кривой глазъ его совсѣмъ прищурился.

— Нужно идти на промыселъ, вотъ что говорю я... Нужно добыть денегъ на рыбѣ... Ибо на чемъ же другомъ наживешь ихъ? Если кто знаетъ что-нибудь другое— пусть скажетъ!

И трубка снова вспыхнула, озаривъ прищуренный глазъ оратора...

— На промыселъ идти нельзя!—отвѣтилъ Уллаярви.

— Я говорю: отчего нельзя идти на промыселъ, кто намъ мѣшаетъ?

И глазъ почти закрылся. На лицѣ квенскаго Демосфена изобразилось нѣчто въ родѣ хитрой усмѣшки...

— Снастей нѣтъ...

— Удъ нѣтъ.

— Нѣтъ акульнаго снаряда.

— Только одна ела у насъ всего...

Оскаръ Шершедъ взглянулъ на потолокъ и потомъ устремилъ побѣдоносный взглядъ на столбъ, подпиравшій кровлю.

— Кто это говоритъ, что нѣтъ снастей? — допытывался онъ у столба.—Кто говоритъ, что нѣтъ удъ? Кто толкуетъ, что у него елы мало?..

Столбъ молчалъ, и вмѣстѣ съ нимъ безмолствовало собраніе. Трубка вспыхнула еще разъ, потомъ Шершедъ сложилъ ее бережно въ карманъ.

— Я, Оскаръ изъ Стансфіольда, скажу вамъ, гдѣ взять снастей, гдѣ добыть удъ, гдѣ найти елы!

Собесѣдники одобрительно крякнули.

Указательный палецъ оратора направился на востокъ, тогда-какъ глаза его глядѣли передъ собою.

— Что тамъ такое?

— Что?.. Извѣстно, кирка..

— А за киркой?

— За киркой—море.

— А за моремъ?

Шершедъ, видимо, наслаждался недоумѣніемъ своихъ товарищей; корявый палецъ его какъ уставился на востокъ, такъ и не дрогнулъ.

— А за моремъ — я вамъ скажу, что. Я не даромъ шестьдесятъ зимъ гляжу, какъ всѣ вы шатаетесь, точно козы, когда у нихъ нѣтъ сѣна, или олени, когда волки вытопчутъ у нихъ ягель... я вамъ скажу... да... За моморемъ лежитъ русскій берегъ... слышите?.. Русскій берегъ теперь безлюденъ; въ ихъ становищахъ только лопари живутъ, да и то въ одиночку .. Правду я говорю?

— Оскаръ Шершедъ и это вамъ объяснитъ. Берегутъ они снасти русскихъ рыбаковъ, да ихъ уды, да ихъ лодки... Поняли вы это?

Трубки у всѣхъ мгновенно попрятались въ карманы, собраніе подняло головы, но все-таки смотрѣло не на говорившаго, а по сторонамъ, словно прислушиваясь, откуда это доносятся неизвѣстные звуки? Только женщины глядѣли прямо въ ротъ оратору.

— Были старые порядки, я ихъ помню. Проще жить было. Водкой фильмановъ поили — деньги наживали хорошія. Теперь этого нельзя. Стортингъ въ Христіаніи не хочетъ, чтобъ спаивать лапландцевъ. Стортингу, разумѣется, хорошо! Сидятъ тамъ люди, которымъ есть чѣмъ накормить свою семью... Правду-ли я говорю?..

— Ты говоришь, какъ мужъ, Оскаръ Шершедъ!

— Слушайте-же меня. Тамъ, — указалъ онъ на югъ, внутрь страны, — искать нечего. Попробуй къ лопарямъ по-прежнему сунуться, какъ-разъ угодишь въ Дронтгеймъ, на исправительныя работы... А кто хочетъ попасть туда? Пусть онъ скажетъ это, я ничего не имѣю противъ!

Послѣдовало общее молчаніе.

— Вонъ Юрихсенъ былъ тамъ! — кивнулъ онъ на квена помоложе.

Юрихсенъ какъ то сжался.

— Хорошо-ли тамъ, за рѣшетками? Ну, такъ, значитъ, надо искать доли у русскихъ. Сторожа ихъ не въ силахъ помѣшать намъ. Снарядимъ свою елу и поѣдемъ. За Лицей надо искать добычи. Возьмемъ у нихъ и снасть, и уды, да и елы добудемъ,—домой съ промысломъ и вернемся... Кто имѣетъ сказать что лучше, пусть скажетъ... Моя голова сѣда, но если кто-нибудь помоложе предложитъ что-нибудь поумнѣе, посадимъ его на руль и дадимъ ему шкотъ отъ паруса... Голла! Пусть плыветъ и въ бурю, и въ ведро... Въ добрый путь!

— Оскаръ Шершедъ говоритъ дѣло!.. Не откуда больше нельзя намъ ждать помощи... какъ ни думай!

— Оскаръ шестьдесятъ лѣтъ ходитъ по морю; онъ знаетъ, какъ волна качаетъ лодку, онъ со всякимъ вѣтромъ управится...

— Опасно!—замѣтили-было женщины.

— Ну, еще что опаснаго! Съ однимъ-то лопаремъ справимся. Только умѣйте держать языкъ за зубами, чтобы не дошло до лендсмана!

— Что лендсманъ! Онъ не помѣшаетъ, лишь бы не у себя. Такіе случаи бывали уже!

И снова задымили трубки.

Черная ночь смотрѣла въ окна.

Издали доносился глухой грохотъ буруна, разбивавшагося о каменныя мели берега, да ровный гулъ моря. Изрѣдка запоздалый крикъ чайки рѣзалъ воздухъ и замиралъ гдѣ-то далеко-далеко.

Больше у квеновъ не было и разговоровъ.

Женщины вернулись домой тотчасъ же—готовить все въ дальнюю дорогу. Что нашлось дома годнаго для заклада, снесено къ мѣстнымъ міроѣдамъ, закупленъ хлѣбъ, масло, солонина, рыба. Вороха ветхаго платья перерыты, изъ нихъ выбрано что получше, да потеплѣе.

Пришли мужья, молча посмотрѣли на работу женъ, буркнули что-то сквозь зубы дѣтямъ, повскакавшимъ было съ постелей. Ложиться нѣкоторымъ было недосугъ. Пришлось пересмотрѣть ружья.

— Это зачѣмъ?—полюбопытствовали квенки.

— Разное бываетъ... Моржа бить!

— Смотри человѣческой крови не пролей!

— Попугать развѣ!

— То-то. Слышалъ, что пасторъ говорилъ въ киркѣ на послѣднее воскресенье?

— Не будутъ самихъ бить, и мы не станемъ. На всякій случай. Чужое добро идешь брать —будь готовъ на все!

Поздно заснули они въ эту ночь.

Двое холостыхъ квеновъ и домой не попали.

Къ чему еще шляться по улицамъ. Ночь теплая — и за угломъ спать удобно. Какъ вышли съ совѣщанія, тутъ-же и улеглись. Сырой туманъ окуталъ ихъ со всѣхъ сторонъ, платье стало влажно, волосы обмокли. Громко слышится ихъ храпѣнье. Вышелъ хозяинъ дома.

— Кто тутъ? Кто чужой шатается?

Молчаніе.

Пошелъ на храпъ, видитъ пріятелей. Сталъ надъ ними, задумался. Постоялъ-постоялъ, закурилъ трубку, да и самъ легъ рядомъ. Хорошо; по крайней мѣрѣ, хоть дѣти не орутъ надъ ухомъ. И за то спасибо.

— Андресъ! Андресъ!—послышался зовъ жены.

Онъ и не пошевельнулся.

Вышла и она, увидѣла спящихъ, засмотрѣлась на нихъ, точно что-нибудь ее особенно интересовало. А и мыслей-то въ головѣ не было никакихъ. «Ишь куда легли!»—только и думала. Стоять устали ноги, присѣла на землю, охватила руками колѣни и опустила на нихъ голову. Заснула и всю бы ночь проспала, если бы не оранье грудного ребенка. Нужно было идти кормить. Гдѣ-то замычала корова, что-то шарахнулось въ сторонѣ, а ночь все темнѣе и мглистѣе.

Быть дождю на утро.

Вотъ засвистѣлъ вѣтеръ. Бурунъ сталъ слышнѣе. Откуда-то потянуло холодкомъ. Спящіе тѣснѣе привалились одинъ къ другому.

Хозяйка, накормивъ ребенка, вышла опять и растолкала мужа. Тотъ поднялся нехотя, точно тутъ лучше, чѣмъ въ теплой горницѣ на постели.

Утромъ все двухтысячное населеніе полярнаго городка было на пристаняхъ. Улицы Варде-Хуза, обыкновенно заставленныя тысячами лодокъ, вытащенныхъ на сушу и обсыхающихъ между домами, теперь были пусты. Челны сброшены въ воду; одни изъ нихъ уже исчезаютъ на дальнемъ востокѣ, легко пробѣгая море подъ бѣлыми вѣтрилами. Другіе еще колышутся у пристани и ждутъ своихъ хозяевъ. Въ домахъ суета... Поминутно оттуда выбираются цѣлыя семьи съ сѣтями, гарвами, акульими снарядами. Молчаливые мальчуганы, въ тѣхъ же короткихъ сѣрыхъ курткахъ и громадныхъ башмакахъ, медленно шлепая по убитому полотну улицъ, сгибаются подъ тяжестью корзинъ съ съѣстными припасами. Сами

ловцы быстро перебѣгаютъ къ лодкамъ съ веслами и баграми. У пристани толкотня и давка, народъ суетится, но суетится молча. Издали можно подумать, что тутъ только бурунъ бьется въ берега свои, что только море кипитъ да откипаетъ на подводныхъ каменныхъ меляхъ,— такъ безмолвны эти люди. Изрѣдка только въ воздухѣ повиснетъ какая-то рѣзкая брань.

— Весло забыли! Ступай за весломъ!—послышится въ общемъ шорохѣ движущейся толпы.

— Гдѣ компасъ, компасъ, гдѣ?

— А акульи крюки захватили?

И снова толпа молчитъ, дѣлая свое дѣло. Однѣ лодки отчаливаютъ. Ловцы, сѣвшіе въ нихъ, обходятся безъ прощаній. Русскія бабы на берегу запричитали-бы, русскіе промышленники въ карбасахъ ободряли-бы своихъ хозяекъ. Норвежцы квены только кивнутъ головою да рѣдко-рѣдко пожмутъ руку. Это даже больше южный обычай. Часто ловецъ и не взглянетъ на жену, а подберется на веслахъ и давай грести въ ту синюю даль, гдѣ его, быть можетъ, ждетъ неминуемая гибель въ туманахъ и буряхъ Ледовитаго океана.

Солнце ласковымъ свѣтомъ обливало эту сумятицу. Брызги отъ веселъ сверкали брилліантовымъ блескомъ, ладони веселъ, подымаясь изъ воды, золотились въ воздухѣ. Серебристые слѣды отъ килей уплывавшихъ лодокъ пересѣкали губу во всѣхъ направленіяхъ.

Иногда издали приближались лодки.

Вѣсть объ этомъ разомъ облетала городокъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжали на берегъ женщины и дѣти встрѣчать раннихъ промышленниковъ: «авось де свой». Вотъ уже видно гребцовъ. Чужія семьи уходятъ домой, на пристани остается только одна. Лодка ужъ близко. Оттуда внимательно смотрятъ деревянныя неподвижныя лица. И ни улыбки, ни восклицанія! Женщины и дѣти также равнодушны на берегу. Всѣ свои цѣлы, здоровы, чего-же болѣе! Вотъ лодка пристала, багоръ зацѣпилъ за пристань. Еще не поздоровавшись, жена входитъ въ лодку, беретъ

спасть и, повидимому, безъ всякаго радостнаго волненія идетъ домой, сгибаясь подъ тяжестью ноши. Дѣти, тѣ ждутъ отца. Выйдетъ онъ, обступятъ его и ни слова. Шершавая, грубая рука, словно невзначай, скользнетъ по ихъ головенкамъ и опять отправится въ глубокій карманъ суконныхъ шароваръ. Но какъ-бы ошиблись, если бы подумали, что подъ этою ледяною поверхностью бьется холодное, чуждое любви и дружбы сердце.

Изъ памяти моей не можетъ выйти одна, когда-то видѣнная на сѣверѣ Норвегіи сцена...

Былъ, кажется, воскресный день. Солнце ярко свѣтило на каменное великолѣпіе мертваго берега... Улицы—пусты. Народъ въ киркѣ.

По прямой, обставленной кокетливыми, маленькими домами улицѣ и я взобрался на вершину холма, гдѣ стояла деревянная кирка.

Я попалъ какъ разъ къ проповѣди пастора.

Величаво раздавался глубокій, искреннимъ чувствомъ проникнутый голосъ молодого священника. Указывая на закрытый гробъ, онъ говорилъ о тщетѣ жизни, о ничтожествѣ ея суеты и преходимости ея радостей... Иногда звучали и суровыя ноты; указуя перстомъ въ окно, откуда сіяло въ кирку весеннее солнце, пасторъ живописалъ картину грядущаго міра, гдѣ первые станутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми. Народъ слушалъ неподвижно... Посреди этой, словно изваянной толпы, проповѣдь производила еще болѣе сильное впечатлѣніе.

А солнце, отражаясь на стѣнахъ кирки, охватывая свѣтлыми полосами своихъ лучей бѣлыя колонки ея, казалось, призывало всѣхъ «здѣ пребывающихъ» къ жизни и наслажденію. Въ открытыя окна доносился шумъ моря и тихій, меланхолическій свистъ горнаго вѣтерка.

— Гдѣ-же семья, родные покойнаго?—спрашиваю я у сидѣвшаго рядомъ норвежца.

Безмолвно тотъ оглянулся на меня. Что-то вродѣ недоумѣнія озарило это каменное лицо. Наконецъ, онъ сообразилъ и ткнулъ пальцемъ впередъ. По этому на-

правленію я, дѣйствительно, разсмотрѣлъ прямо сидѣвшую женщину и двухъ дѣтей рядомъ. Женщина внимательно слушала проповѣдь пастора. На лицѣ — ни слезинки. Даже глаза не опухли... Такое покойное, равнодушное лицо! Въ душѣ у меня шевельнулось злое, враждебное чувство.

Наконецъ, проповѣдь окончилась. Медленно сошелъ съ каѳедры пасторъ. Проходя мимо окна, на нѣсколько секундъ онъ былъ весь охваченъ солнечнымъ свѣтомъ, придававшимъ странное, доброе выраженіе этимъ холоднымъ чертамъ... На свѣту особенно эфектно вырисовались завившіеся волосы и твердый, характерный подбородокъ.

Народъ выходилъ, вышелъ и я. Мимо меня прошла жена покойнаго и осиротѣвшія дѣти. Ея глаза глядѣли впередъ, но куда? Это былъ какой-то безпредметный, неопредѣленный взглядъ. Несмотря на то, что онъ былъ устремленъ на эти кровли, усѣявшія внизу извилистую линію сѣраго каменнаго берега, на это море, по которому змѣились бѣлыя гривы волнъ, на эту отдѣльную, горбатую скалу съ крѣпостью, мнѣ показалось, что онъ смотритъ внутрь себя, что онъ ничего и никого не видитъ.

Подошла какая-то старушка и поправила на ней черную перелинку. Другая, еще старше, еще сгорбленнѣе, еще морщинистѣе, но въ то-же время еще деревяннѣе, взяла осиротѣвшую подъ руку. Вдова не шевельнула и бровью. Только выдернула руку и пошла впередъ, также держась прямо, какъ прямо она сидѣла въ церкви.

Миновали городское предмѣстье. Кладбище маленькое, все заваленное эрратическими каменьями... Солнце весело играло на могилкахъ, поросшихъ здѣсь золотистыми лютиками. Одинокія каменоломки кивали намъ своими блѣдными цвѣточками изъ-за насыпей, да голубые колокольчики прятали въ жидкой зелени свои граціозныя головки. Цвѣты росли какъ-то кучками: здѣсь кучка, тамъ кучка— и кругомъ вездѣ камень да серебристо-сѣрыя пятна лишайника. странны были эти цвѣты: два-три листочка и вѣнчикъ. Зелени почти вовсе нѣтъ.

Я пошелъ шляться по кладбищу. Съ высоты одного каменнаго гроба засмотрѣлся я на ослѣпительно-ярко сіявшій просторъ зеленоватаго моря, на одинокія шкуны, граціозно мелькавшія впереди. Откуда и куда плывутъ онѣ? А вонъ тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, крошечной мушкой рисуется трехмачтовый корабль. Вонъ гдѣ-то замерещилась едва замѣтно полоска дыма и черная точка, бѣгущая передъ ней. Не пароходъ-ли это? Передъ самымъ лицомъ моимъ пронеслась бѣлая чайка. Откуда-то донеслось скорбное рыданіе гагары. И снова море, ослѣпительно-безконечное. Позади рисовалась длинная линія мало-по-малу въ даль уходившаго берега. Скалы за скалами—ближе сѣрыя, дальше синеватыя, фіолетовыя, сумрачныя и вовсе, наконецъ, незамѣтныя. Извилины ихъ намѣчены тѣнями. Гдѣ тѣнь гуще, гдѣ она врѣзывается щелью, тамъ море ложится узкимъ фіордомъ. А вонъ громадный подъемъ. Сѣрые утесы обрываются внизъ вертикальными поверхностями. Въ ихъ трещинахъ бѣлѣетъ снѣгъ. Бѣлыя черточки снѣга серебрятся и кругомъ—во всякой выбоинѣ, во всякой разсѣлинѣ, въ которой могъ онъ спастись отъ вешняго, теплаго солнышка, и тутъ-же рядомъ со скалами—альпійская роза, золотой лютикъ, голубенькая, глуповато-добрая и глуповато-красивая малютка-незабудка. Вѣтерокъ напѣвалъ мнѣ свои меланхолическія пѣсни, точно разсказывалъ старую-старую сагу о забытыхъ герояхъ, разсѣкавшихъ мечами эти первозданныя скалы. Словно баянъ, тихо пѣлъ онъ мнѣ свои былины, и передъ моимъ духовнымъ окомъ, вся озаренная, вставала эпопея ветхаго міра, съ своими конунгами и берсеркерами, съ миѳами Калевалы, съ культомъ Одина.

Но солнце подымалось уже высоко. Пора было идти домой. Пробѣгавшая по небу тучка кидала на землю быстро двигающуюся тѣнь. Тѣнь мелькнула по морю, мелькнула по кровлямъ города, по киркѣ, по крѣпости. Набѣжала на меня, покрыла на минутку и снова оставила на солнцѣ, скользнула по кладбищу и ушла куда-то далеко, словно схоронилась въ сѣрыя скалы.

Дорожка по кладбищу змѣилась извилисто, минуя валуны и обломки утесовъ. Я шелъ по ней, переживая красоту скалъ, и величіе моря, какъ вдругъ совершенно безсознательно остановился. Меня поразилъ какой-то предметъ, непохожій ни на эти камни, ни на эти насыпи. Выведенный изъ мечтательнаго состоянія, я только тогда разглядѣлъ, что на свѣже-насыпанной могилѣ лежала лицомъ внизъ женщина въ черномъ.

Она казалась-бы въ обморкѣ, если-бы все ея тѣло не вздрагивало по временамъ. Не было слышно ни рыданій, ни стоновъ. Солнце яркимъ свѣтомъ обливало эту фигуру. Ея безмолвное отчаяніе тяжелѣе дѣйствовало на душу, чѣмъ громкіе вопли и плачъ нашего русскаго героя.

Чуялось, что эта женщина поражена на смерть, что ей нѣтъ утѣшенія, что не для нея уже будетъ сіять это солнце... Все ея будущее схоронено въ могилу, она не «его» только, не трупъ, схороненный сюда, оплакивала безъ слезъ, а самое себя, своихъ дѣтей, свою семью... И только тогда я понялъ значеніе и смыслъ этихъ деревянныхъ лицъ! Только тогда стало мнѣ ясно, какъ глубоко они могутъ страдать, но страдать наединѣ, сами съ собою, внутри. Цѣломудріе скорби—великая добродѣтель.

На другой день, по одной Варде-Хузской улицѣ, я встрѣтилъ вдову. Она шла также равнодушно, ничего не выражая на своемъ неподвижномъ лицѣ. Страдать дѣловымъ людямъ некогда. За мужа приходилось ѣздить и на акулій, и на тресковый промыселъ. Дѣти просятъ ѣсть—кто ихъ накормитъ?..

Одна изъ елъ отчалила отъ Варде-Хузской пристани только поздно вечеромъ; точно воръ, боящійся свѣта, она проскользнула безшумно мимо дома лендсмана. На ней не было ни снастей, ни промысловыхъ орудій. Нѣсколько ножей, уды на длинныхъ лесахъ, корзина съ съѣстными припасами да ружья. Въ лодкѣ сидѣли Оскаръ Шершедъ, Уллаярви, Андресъ и другіе норвежцы, которыхъ

мы уже видѣли вчера на совѣщаніи у обнищавшаго квена.

Кучка женщинъ долго стояла на пристани, провожая пиратовъ. Когда мѣсяцъ облилъ всѣ окрестности таинственнымъ голубымъ сіяніемъ, онѣ разошлись домой, и всякая, сидя у своего очага, думала о мужѣ или братѣ.

Лодка скоро обогнула выдавшійся мысъ старой крѣпости.

Поднялся вѣтеръ. Поставили парусъ. Ела чуть не зачерпнула носомъ воды, но скоро оправилась и ловко полетѣла впередъ, разрѣзая килемъ крутыя волны океана.

— Флага нѣтъ!—рѣшился пошутить все время молчавшій квенъ.

Другой, не говоря ни слова, вздѣлъ на мачту свой шейный платокъ.

Скоро берегъ сталъ пропадать.

Ела держала курсъ прямо на Вайдо-Губу. Ей приходилось плыть по открытому океану. Трое изъ пловцовъ легли въ лодку и заснули. Другіе два сидѣли—одинъ у руля, другой у паруса.

Кто-то изъ нихъ запѣлъ.

Унылые звуки тоску наводнящей пѣсни разносились кругомъ вѣтромъ. Съ этими скорбными мотивами странно сливалось журчаніе воды у киля, да мѣрный храпъ спавшихъ.

А звѣзды все болѣе и болѣе выступали на небѣ, мѣсяцъ ярче и ярче разгорался надъ этой движущейся пустыней.

На высотѣ Торосъ-камня имъ встрѣтилась первая льдина. Она казалась такой маленькой, ничтожной. Колыхаясь, медленно перебрасывалась она съ одного гребня волны на другой. Бока ея были обточены и словно слизаны водою. Такъ-бы ее, пожалуй, и не замѣтить, да кормщикъ былъ очень зорокъ, указалъ ее товарищу. Оба разомъ переглянулись и разомъ устремили взгляды на сѣверъ. Не говоря ни слова, они поняли другъ друга и оба одновременно искали тамъ чего-то.

Что значили эти недоумѣвающіе взгляды?

«Гдѣ-же остальныя льдины? Съ чего этой быть одной?.. Слѣдовательно, еще есть, это только передовая!..»

Но льдина только одна проплыла мимо, чуть носъ къ носу не столкнувшись съ елой.

Кормщикъ перемѣнилъ направленіе — взялъ южнѣе. Квенъ у шкота тоже пересѣлъ, подтянулъ парусъ «круче»

Тутъ уже волны дѣлались выше и горбились громадными хребтами. Лодка то взлетала вверхъ, то падала въ бездны. Мачта скрипѣла, импровизированный флагъ шелестилъ на ней, пѣсня продолжалась тѣми-же невеселыми тонами.

Льдина уже далеко пропала за далью.

VI.

Васька Быковъ на варакахъ.

Нашъ знакомецъ Васька Быковъ давно уже готовъ встрѣтить покрученниковъ. Артели что-то запоздали. Первые замѣченные имъ признаки арктической весны вызвали въ немъ совершенно непривычныя ощущенія.

Ему стало скучно. Хотѣлось услышать чужой голосъ, увидѣть человѣческое лицо. Лай своихъ собакъ уже давно надоѣлъ лопарю. Крики чаекъ, свистъ вѣтра, шумъ моря и грохотъ стамухъ нагоняли тоску. А дѣваться было некуда.

Днемъ онъ смотрѣлъ, какъ таетъ снѣгъ, какъ по откосамъ сбѣгаютъ ручьи.

Сталъ вымѣрять ледяные припаи у берега. «Насколько подтаютъ за ночь?» На коргахъ, лежавшихъ въ морѣ, внѣ бухты, уже не было снѣгу. Черныя безобразныя массы подводныхъ каменьевъ одиноко чернѣли тамъ, привлекая къ себѣ неугомонныхъ буревѣстниковъ да чаекъ. Иногда такой утесъ казался весь въ снѣгу, но стоило только Васькѣ швырнуть туда палкой или камнемъ, какъ снѣгъ разлетался во всѣ стороны, и освободившійся изъ-подъ

чаекъ утесъ оказывался совершенно голымъ. А птицы еще долго не могли успокоиться, носясь вокругъ съ громкими, пронзительными криками.

Теперь, впрочемъ, ему и по ночамъ случалось спать не одному. Сквозь верхнее отверстіе вѣжи въ нее влѣтали чайки и тутъ-же располагались въ головахъ у лопаря. Разъ цѣлая семья ихъ забралась къ нему да такъ до утра и проспала, уткнувъ клювы подъ крылья. Лопарь было крикнулъ на нихъ утромъ. Чайки приподняли головы, съ удивленіемъ взглянули на него и опять задремали.

Васька отъ скуки сталъ-было и рыбку ловить.

Были подъ руками гарвы, хорошо-бы ихъ выметать— пожалуй, и семушка, и окунь попали-бы туда, не одна же плоская камбала, да гарвы-то вишь чужіе—промышленничьи, а до чужого, что до святого, Васька и коснуться боялся.

Самъ онъ зналъ, что никто про это не провѣдаетъ, да ужъ такъ, стыдно было, самому совѣстно. А соблазнъ былъ большой.

На уду шла мелкая треска, щука морская ловилась, разъ было и зубатка попалась, да перекусила лесу и ушла съ крюкомъ во рту въ глубокія воды океана. Благо еще, что много удъ прихвачено было съ норвежскаго судна. Для рыбной ловли у него и мѣсто излюбленное нашлось.

На самомъ берегу въ скалѣ выбоина была, точно ниша. Внизу море бьется, вверху чайки бьются, еще выше теплое весеннее солнце пригрѣваетъ. Чудесно, лучше и не надо. Выбоина велика, онъ иногда свертывался въ комокъ въ углу ея и засыпалъ. Лежитъ, пока вечернимъ холодомъ не прохватитъ. Ну, тогда надо убираться. Начнется приливъ, хоть до ниши и не дойдетъ, а весь карнизъ, по которому убираться отсюда надо, зальетъ водою. Тогда поневолѣ часовъ десять сиди здѣсь и ни съ мѣста.

Онъ себѣ даже развлеченія сталъ устраивать въ этой небольшой пещеркѣ. Нанесетъ туда дровъ, хворосту. Мѣдный

котелочекъ свой приволочетъ. И чудесно. Рыбка сама бѣжитъ на уду, а въ это время вода въ котелкѣ вскипаетъ на огнѣ весело шипящаго костра. Швырнулъ прямо съ крюка ее въ котелъ, не успѣлъ мигнуть—и уха готова. А тамъ лежишь и слушаешь, что внизу разсказываетъ это старое море. «Чайки понимаютъ его, имъ это дано. Еще только вѣтеръ понимаетъ море!» Но лопарю казалось, что и ему иногда становится ясенъ говоръ волнъ и злющій, то усиливающійся, то смолкающій шумъ буруна. Мудреныя сказки создавалъ онъ себѣ подъ эти звуки. А потомъ вслухъ пересказывалъ ихъ чайкамъ, сидѣвшимъ на выступахъ скалы по сосѣдству. Тѣ ему отвѣчали пронзительными выкриками. И лопарь былъ доволенъ.

Только все-же становилось, наконецъ, и не по силамъ.

Какъ это охватитъ тепломъ, какъ солнце разольетъ свой ослѣпительный блескъ на все вокругъ, такъ ему и станетъ невесело, тяжко станетъ, точно грудь его завалена чѣмъ-нибудь. Случалось ему просто хрипѣть отъ злости въ такія минуты.

Къ людямъ звало...

Разъ на него одурь нашла. Послѣ ухи завалился онъ спать—проснулся уже ночью, когда кругомъ лежала густая и влажная тьма, а звѣзды не сверкали искрами, а мерещились сквозь туманъ какими-то пятнами. Всталъ онъ съ постели, шатаясь. Голова болѣла, въ ушахъ — звонъ, на сердцѣ — тяжело. Хоть въ омутъ, такъ и то впору. Глаза что-то давитъ; взялъ топоръ въ руки дровъ нарубить — вывалился. Подвернулась собаченка подъ ногу — швырнулъ ее такъ, что та только завизжала да забилась куда-то далеко въ снѣгъ. Въ головѣ все дурныя мысли. Душно. Вышелъ вонъ изъ вѣжи, а дышать точно воздуха не хватаетъ. Шатался онъ, шатался по берегу. Въ глазахъ искры ходятъ, ноги скользятъ. Сталъ ругаться — не помогаетъ, сталъ пѣть — голоса не хватило. Пошелъ домой; не раскладывая костра, завалился опять, да и пролежалъ такъ, лицомъ въ землю, нѣсколько часовъ, пока не забылся.

Утромъ ему уже противно было и смотрѣть на становище.

Отвернулся онъ отъ него, а въ солнечномъ блескѣ такъ и свѣтятся вараки. Острыя вершины ихъ точно висятъ въ этомъ блескѣ. Тамъ льды сіяютъ рѣжущимъ глаза блескомъ, тамъ оттаявшій ягель ложится по склонамъ палевыми пятнами. Тучка вонъ замерла на половинѣ горы и отливается подъ солнцемъ фіолетовымъ мягкимъ оттѣнкомъ.

«Развѣ на вараки уйти?.. Съ собаками, дня на два!»

Мысль эта ему понравилась; все развлеченіе, хоть на день, на три... Авось тоска отойдетъ, легче станетъ...

Наварилъ онъ себѣ трески, взялъ сухарей, что на разбитомъ кораблѣ были, рыбы сушеной сунулъ въ ту-же сумку, да ружье забросилъ за плечи. Надѣлъ лыжи, собакъ созвалъ. Вѣжу притворилъ и на двери мѣломъ крестъ изобразилъ. Бываетъ, вѣдь, что въ отсутствіе хозяина нечистая сила входитъ, тогда дѣло плохо: хоть жги все, что есть въ жильѣ, ничего удаваться не будетъ. Рыба въ сѣть не пойдетъ, звѣрь отъ самой вѣрной пули увернется, захочешь дождя — будетъ ведро, захочешь ведро— будетъ дождь. Собаки поколѣютъ или взбѣсятся... Кстати сообразилъ онъ, что если чортъ не пройдетъ въ двери, пройдетъ въ верхнее отверстіе. Впрочемъ, Васька и тутъ ухитрился. Привалилъ жерди на-крестъ—и вышелъ крестъ. Чего лучше! Вѣтромъ снесетъ развѣ—положилъ большой камень; удержитъ теперь... Ничего вѣтеръ съ нимъ не подѣлаетъ... Уже отойдя на версту, лопарь вспомнилъ, что еще не все сдѣлалъ.

«Хлѣба да воды у входа не оставилъ!»

А обычай старый, хорошій обычай.

Идетъ путникъ; изголодался онъ, истомился. Гибель близка. Въ сумѣ хлѣба ни крошки... Лечь-бы на землю— ждать конца неминучаго, да авось еще крещеную душу встрѣтишь. И идетъ онъ все впередъ да впередъ. Вѣжа вонъ чернѣетъ за каменьями. Ожилъ странникъ—откуда сила взялась. Бодро добрелъ, на часъ еще силы хватило. Стучится въ дверь—ни отвѣта, ни привѣта. Только вѣ-

теръ гдѣ-то гудитъ. Помирать съ голода не приходится. Хозяевъ нѣтъ, ну, и такъ въ вѣжу войду... Вошелъ. Пусто, ни хлѣба, ни рыбы!.. Теперь дѣваться некуда!.. Вотъ и пошло въ обычай ставить хлѣбъ у дверей, коли хозяевъ нѣтъ.

Хорошій обычай! Васька вернулся, благо на лыжахъ— ходко и скоро. Сдѣлалъ, что требовалось по преданію, и опять въ путь дорогу.

Быстро скользятъ гладкія лыжи, только воздухъ свищетъ въ ушахъ, быстро бѣгутъ собаки по сторонамъ, заливаясь громкимъ лаемъ, и любо Васькѣ летѣть все дальше и дальше, туда, къ этимъ яснымъ, затонувшимъ въ синевѣ весенняго неба вершинамъ.

Вотъ и становища не видно позади, все оно спряталось за гряду холмовъ... Только крестъ на пригоркѣ чернѣетъ на свѣту.

Лопарь, впрочемъ, и не оглядывался назадъ. Опротивѣли ему и это становище, и эта бухта.

Чѣмъ выше подымался онъ, тѣмъ шире раздвигалась даль. Внизу цѣлыми массами плавали бѣлыя вершины холмовъ, хребты горныхъ цѣпей, все принижавшихся къ морю. А тамъ, за ними, зыблется безграничный просторъ океана, сливающійся съ небомъ...

Гдѣ-то на самомъ краю горизонта что-то мерещится. Васька разглядѣлъ норвежскую паровую шкуну.

— Ишь, на Новую Землю пошла... Баскій промыселъ тамъ будетъ... Все оттягали у насъ...

Шкуна вступила въ пространство моря, горѣвшее ослѣпительнымъ свѣтомъ отъ солнечныхъ лучей. Тамъ она исчезла.

Васька забирался все выше и выше. Скоро передъ нимъ легло горное озеро, еще окованное льдомъ. По самой серединѣ его возвышалась громадная четыреугольная, словно домъ, правильная скала. Для довершенія сходства съ домомъ въ стѣнахъ ея чернѣли выбоины, похожія на окна. Васька перебрался туда осторожно, испробовавъ сначала, крѣпокъ-ли ледяной настъ подъ ногами. Все оказалось благополучно.

Въ нишахъ громадной скалы лопарь нашелъ бѣлыхъ совъ. Вспугнутыя имъ, онѣ со-слѣпу полетѣли прямо передъ собою; двѣ шарахнулись-было въ лицо ему. Тяжелые взмахи ихъ крыльевъ одни нарушили тишину, царившую здѣсь.

Внизу его всюду преслѣдовалъ шумъ моря, здѣсь ничего не было слышно. Только порою проносился вѣтеръ, да опадалъ разрыхлившійся снѣгъ.

Тишина эта еще хуже глушила его. Собаки и тѣ только нюхали ледъ, да изрѣдка повизгивали. И на нихъ дѣйствовала новость положенія...

Осмотрѣвъ скалу, лопарь отправился дальше. Стремглавъ слетѣлъ на лыжахъ въ лощину, съ трудомъ поднялся на противоположный скатъ и, взобравшись на самую вершину, остолбенѣлъ на минуту отъ изумленія.

Онъ даже не повѣрилъ глазамъ, — такъ неожиданно было представившееся ему зрѣлище.

Всмотрѣлся еще пристальнѣе—не проходитъ,—значитъ, правда! А то случается, что и горный духъ напускаетъ разные миражи... Съ ними пропадешь. Направишься туда, да прямо въ трущобу какую-нибудь и увязнешь. «Такъ у меня братъ пропалъ, — соображалъ Васька; — ну, да ладно, я заговоръ знаю».

Внизу, въ небольшой котловинѣ, на первый взглядъ копошилась кучка какихъ-то насѣкомыхъ. Только всмотрѣвшись туда попристальнѣе, можно было различить на бѣломъ снѣгу стадо оленей, скученныхъ вокругъ небольшой вѣжи, у самаго порога которой копошилась лопка. Лопарь въ сторонѣ возился надъ чѣмъ-то темнымъ. Внимательно вглядѣвшись, Васька и это «темное» хорошо узналъ. Свѣжевали оленя. Надъ нимъ-то и стоялъ лопарь. Въ нѣсколькихъ саженяхъ были другіе люди. Словно черныя точки, вокругъ становъ возились собаки, да гдѣ-то далеко - далеко курился дымокъ. Не еще - ли вѣжа чья-нибудь?..

Васька недолго оставался неподвиженъ. Заорать отъ радости, созвать собакъ — было дѣломъ одной минуты.

Въ слѣдующую онъ уже летѣлъ на лыжахъ въ кочевье. Тамъ тоже замѣтили его и засуетились... Онъ и не помнилъ, какъ добрался до вѣжи.

— Откуда, другъ?—спросили его

— Станы сторожу... Вы откуда?

— Изъ Бабенги... Загодя оленей къ морю гонимъ... Поди, скучно зиму-то одному? Ступай въ вѣжу, тамъ отецъ... Отецъ, гость во дворѣ!..

Въ дверяхъ вѣжи показался сморщенный, горбатенькій старикъ.

— Гость — Божье дѣло! Ну, благослови, угодники. Входи — родной будешь. Ѣшь, что мы ѣдимъ, пей, что мы пьемъ, на мою постель спать ложись!

Посыпались разсказы. Все, что было у Васьки на душѣ,—все выложилъ. Какъ онъ прогналъ ошкуевъ съ льдиной, какъ судно забралъ-было, да вишь вѣтеръ унесъ на голину посередь моря, какъ спасался оттуда. Разсказалъ про долгія зимнія ночи, про скучные, короткіе сумеречные дни, про бури полярныя, что бѣсились кругомъ, заметая его избу сугробами бѣлаго снѣга.

Старикъ только качалъ головою.

— Скоро промышленникамъ быть. Въ Роснаволокѣ видалъ я. Пьютъ шибко.

— Поди, павловская водка идетъ?

— Евоная. Я сына-то оттуда едва увезъ. Запьянствовалъ. А ты давно не пивалъ?

— А съ корабля самаго.

— Ну, постой. Тутъ у меня припасено, есть.

Послышался дикій крикъ.

— Пойдемъ, должно быть оленя прикончили!

Олень, дѣйствительно, былъ зарѣзанъ. Онъ лежалъ на спинѣ, связанныя ноги торчали вверхъ. Когда подошелъ старикъ съ гостемъ, молодой лопарь расширилъ отверстіе вспоротой груди и вонзилъ ножъ въ еще шевелившееся сердце животнаго. Кровь хлынула оттуда, наполнивъ внутренности, но такъ, что ни одной капли не пропало даромъ. Вся тутъ осталась.

— Помогай, Боже. Эй, дѣвушка!

Подошла маленькая, но вполнѣ сформировавшаяся лопарка. Свѣтлорыжіе волосы густыми прядями падали назадъ, голубые глаза дикимъ блескомъ своимъ невольно остановили-бы на себѣ ваше вниманіе. Изящный овалъ лица портили только чрезмѣрно толстыя губы. Она вынесла изъ вѣжи бутылку и передала старику. Издали, ковыляя, медленно приближалась къ нимъ старушка, вся сѣденькая, съ острымъ далеко выдававшимся впередъ подбородкомъ и крючковатымъ носомъ. Старикъ сначала выпилъ самъ, потомъ налилъ гостю. Васька выпилъ, и глаза даже у него засвѣтились отъ наслажденія. Водка огнемъ прошла по жиламъ. Старикъ налилъ ему еще. Быковъ выпилъ и, присѣвъ на корточки, захохоталъ. Старикъ налилъ третью, но приличіе требовало отказаться, и Васька, скрѣпя сердце, отстранилъ отъ себя стаканчикъ.

— Пей, чего ты?

— Много доволенъ твоею милостью, да расплодятся у тебя олени, дай Богъ здоровья твоимъ собакамъ!

— Ну, пей. Не стыдись!

Вино сильно соблазняло Ваську. Онъ-бы искусился, да рядомъ стояла дѣвушка. Быковъ былъ настолько благовоспитанъ, что не рискнулъ при ней оказаться невѣжей. Онъ принялъ стаканчикъ изъ рукъ старика и поднесъ красавицѣ. Та выпила и, закрывшись, побѣжала въ вѣжу. Обычай требовалъ застыдиться.

— Экой ты какой, выпей, чего тутъ!—убѣждалъ его старикъ.

Васька икнулъ изъ вѣжливости, доказывая тѣмъ самымъ, что болѣе пить ему невмоготу.

Старикъ налилъ своей женѣ; старуха разомъ выпила, низко поклонилась всѣмъ и ушла тоже.

Выпилъ и сынъ.

Опять размѣнялись поклонами.

— Ножъ есть съ тобой?

Васька вынулъ поясной ножъ, и всѣ приступили къ пиршеству. Отрѣзывали отъ оленя длинныя полосы мяса,

сварили ихъ и уже вареными макали въ кровь и ѣли, надъ самымъ ртомъ обрѣзывая куски.

Васька наслаждался вполнѣ.

Наконецъ, наѣлись. Больше брюха не съѣшь вѣдь. Чего тутъ.

Опять размѣнялись поклонами, еще выпили водки и разомъ заговорили всѣ. Кровь ударила въ голову. Старикъ разсказывалъ, сколько прежде было звѣря на варакахъ, сынъ толковалъ про какую-то дѣвушку въ Бабенгѣ, а Васька живописалъ, надсаживаясь отъ крика, какой онъ храбрый и умный лопарь, и какъ счастлива должна быть та семья, изъ которой онъ возьметъ себѣ дѣвушку въ жены. Никто не слушалъ другъ друга. Наконецъ, старикъ запѣлъ что-то дребезжащимъ голосомъ; Васька, обнявъ молодого лопаря, предлагалъ ему подарить лучшую собаку, а тотъ, принимая эту собаку за дѣвушку, которую оставилъ у себя дома въ погостѣ, горячо благодарилъ Ваську и обѣщалъ ему, въ свою очередь, просватать сестру. Все это тянулось до тѣхъ поръ, пока не пришли женщины. Имъ надоѣло быть посторонними зрительницами. Старикъ передалъ имъ бутылку, и тѣ, въ свою очередь, принялись за пиршество. Замѣчательно, что, пьянѣя, лопари никогда не договариваются до грубостей, до драки. Они только начинаютъ скорѣе и громче болтать, точно чайки, когда онѣ сидятъ на карнизѣ извилистаго берега безконечными рядами.

Скоро къ этой ярмаркѣ присоединились и женщины. Особенно старуха; та кричала, размахивая руками, маленькіе глазенки воспаленно сверкали изъ-подъ морщинъ. Дѣвушка охватила руками колѣни и запѣла пѣсню о томъ, какъ на далекомъ кентищѣ лежатъ въ могилкѣ два брата, два богатыря-лопина, и ждутъ они, когда придетъ къ нимъ красавица-лопка, разроетъ могилу волшебной лопатой и поцѣлуетъ ихъ въ мертвыя очи. Тогда они воскреснутъ, вновь забьются могучія груди, раскроются и заблестятъ потухшіе глаза, и будетъ имъ эта дѣвушка сестрой дорогою, женою любимой.

Какъ ни былъ Васька пьянъ, а пѣсню дѣвушки дослушалъ до конца.

— Какъ тебя зовутъ?—обратился къ ней нашъ герой.

— Элла!

— Сколько у меня есть норвежскихъ монетъ на ожерелье дѣвушкѣ, которая полюбитъ меня!..

Та потупилась.

— Элла, посмотри!

И онъ вынулъ изъ кармана горсть спесиновъ и уртовъ.

— Есть еще ящичекъ, а что въ ящикѣ — я и самъ не знаю. Не раскрывалъ пока... Мудреный замокъ такой...

— Мнѣ что за дѣло до чужого?

— Захочешь—твоимъ будетъ!

— Отецъ оленей потребуетъ!

— Я ему отработаю за оленей!

У лопарей случается, что женихъ поступаетъ въ семью родителей невѣсты и работаетъ тамъ на нее. Годъ, два, три проходитъ такъ. Послѣ чего онъ, если въ состояніи, строитъ свою тупу и работаетъ самъ на себя. Иногда на всю жизнь онъ остается у тестя.

— Я добрый!

— Съ злымъ я жить не стану, къ отцу уйду.

— Тебѣ хорошо будетъ. Первый стаканчикъ тебѣ, лучшій кусокъ тебѣ. Разбогатѣю — куплю красное платье...

— Не пристало дѣвушкѣ говорить объ этомъ. Самъ потомъ засмѣешь.

— Съ кѣмъ-же говорить?

— А вонъ—отецъ... А твоя тупа гдѣ разбита?

— Въ Экъ-островѣ.

— Далеко отъ нашего погоста.

— Веселѣй еще. Снарядимъ райду да цѣлымъ поѣздомъ такъ къ тебѣ въ погостъ и помчимся.

— Ты оленей сначала наживи, а потомъ райду собирай!

— Я наживу,—расхвастался Васька;—я сшкуя прогналъ, я мертваго «хозяина» не испугался. Еще-бы мнѣ оленей не нажить! А ты будешь-ли любить меня?

Дѣвушка посмотрѣла на него немного дикими глазами, застыдилась и пошла въ вѣжу.

Васька остался, пока проснется отецъ ея.

Братъ дѣвушки видѣлъ все и понималъ все, но, по своему лопарскому этикету, считалъ неприличнымъ вмѣшиваться въ чужое дѣло.

Васька оставался здѣсь до утра.

Когда солнце встало, старикъ, совершенно трезвый, сидѣлъ въ вѣжѣ у костра.

По обычаю слѣдовало-бы начать съ водки, но ея у Васьки не было. Онъ взамѣнъ поднесъ старику нѣсколько серебряныхъ уртовъ. Тотъ былъ въ восторгѣ. Серебро вообще лопари любятъ до обожанія; если вы дадите имъ «бѣлую копейку», они никогда не истратятъ ее—или навѣсятъ на шею женѣ и дочери, или зароютъ съ другими такими-же въ потаенное мѣсто. Васька, какъ лопарь, виды видавшій, началъ свое дѣло издалека.

— Жилъ-былъ ошкуй на Новой Землѣ... Скучалъ онъ одинъ, очень скучалъ. А добра у него много было всякаго.

Старикъ качалъ головою въ тактъ рѣчи.

— И сказалъ себѣ ошкуй: такъ жить неладно, нужно взять къ себѣ медвѣдицу. Только медвѣдицы близко не было...

— Такъ... Если близко нѣтъ—дѣло плохое...

— Вотъ онъ пошелъ гулять на вараки и увидѣлъ вдали, на самомъ краю земли, тамъ, гдѣ небо съ моремъ сходится, островъ, а на островѣ ошкуевъ. Былъ тамъ старый, старый ошкуй, была и молодая медвѣдица...

— Хорошо разсказываешь, только уши что-то не слышатъ!

Васька вынулъ еще серебряной монеты и, приложивъ ее къ уху старика, передалъ ему.

— Теперь могу разобрать, говори свою сказку дальше!

— Одинокій ошкуй надѣлъ скорѣе лыжи, созвалъ своихъ собакъ и пустился быстрѣе оленя къ старому медвѣдю... тотъ напоилъ его водкой, накормилъ свѣжинкой и спать у себя оставилъ. Очень ему полюбилась ужъ моло-

дая медвѣдица, вотъ онъ и говоритъ старику: отдай мнѣ свою медвѣдицу. Что-жъ, бы ты думалъ, отвѣтилъ старый ошкуй?

— Я знаю, что онъ сказалъ! — хитро прищурился отецъ.

Дѣвушка, какъ ни въ чемъ не бывало, убиравшая въ это время вѣжу, не показывала и виду, что дѣло такъ близко ея касается.

— Старый ошкуй отвѣтилъ: приведи мнѣ четырехъ оленей, три важенки и одного быка. Дай мнѣ еще серебряныхъ копѣекъ въ эту вотъ горсть да посылай потомъ, по старому обычаю, «богатырей» (сватовъ).

— Ну, а молодой ошкуй говоритъ: дамъ я тебѣ серебряныхъ копѣекъ, а оленей у меня нѣтъ, самъ за нихъ отработаю!

— Сказка твоя хороша, только ладу въ ней нѣтъ... Никакъ вамъ не сойтись съ старымъ ошкуемъ, которому нужны олени!

— У стараго ошкуя и безъ того много ихъ, куда ему больше?

— Дурного много не надо, а хорошаго чѣмъ больше, тѣмъ лучше, да и медвѣдица еще согласна будетъ-ли?

— Объ этомъ у нея спроси!

Такъ переговоры длились долго. Сказка разсказывалась за сказкой, притча за притчей; наконецъ, старикъ велѣлъ посылать «богатырей» да напередъ не говорить ничего, дурной славы не класть. «Языкъ, что колокольчикъ, прозвонитъ сдуру—всѣ услышатъ».

Когда лопарь выходилъ изъ вѣжи, молодая лопка ждала его у оленей.

— Все ладно!—сообщилъ онъ.

— Что все?

— Будто не знаешь?

— И знать нечего!

Такъ они разстались. Только уходя отсюда на лыжахъ, Васька оглядывался нѣсколько разъ, замѣчая, какъ пристально дѣвушка слѣдитъ за нимъ. Когда онъ исчезъ въ

снѣгахъ вараки, она пошла въ вѣжу и принялась стряпать незатѣйливую трапезу для семьи.

Васька стремглавъ бѣжалъ домой. Ночью было холодно. Полурастаявшій снѣгъ окрѣпъ, и лыжи быстро скользили по его тонкому насту. Собаки заливались по дорогѣ радостнымъ лаемъ, небо было такъ ясно, на душѣ у лопаря такъ весело, что онъ только гикалъ да покрикивалъ, перебираясь съ одной вараки на другую, или минуя ихъ боковыми обходами, гдѣ это было возможно. Подниматься только на горы на лыжахъ было трудно. Гдѣ еще поотложе, такъ Васька подпирался шестомъ, а то такъ и снимать лыжи приходилось. Онъ на всѣ лады выкрикивалъ имя дѣвушки и видѣлъ себя уже счастливымъ и богатымъ, старостою своего погоста... Оленей у него много, кругомъ вѣжи десятки нартъ, мѣховъ, битой птицы—не перечтешь. Изъ Кандалакши, изъ Колы, съ Имандры—отовсюду идутъ къ нему промышленники покупать шкуры. Не спрашивая никого: «кто онъ, откуда?» Васька только знай угощаетъ ихъ. Вотъ и финны провѣдали о немъ, съ рѣки Ены пришли полюбоваться на его хозяйство. Райды за райдами, гости за гостями, а Элла все хлопочетъ въ тупѣ да стряпаетъ угощеніе... Одной тупы стало мало—выстроилъ другую, а все у него денегъ много. Лучшую собаку онъ назвалъ Эллой, лучшій олень тоже Элла!

Элла! Онъ даже пѣсню сталъ складывать на ходу и пѣть на свой монотонный напѣвъ. Какихъ только названій не прибиралъ онъ къ этому имени! Пѣсня ему понравилась; пропѣлъ еще, задумывая при первомъ-же свиданіи пропѣть ее всѣмъ, кому придется.

Элла, Элла!—разносилось по горамъ, потому что каждая строка пѣсни оканчивалась этимъ именемъ.

А вараки, одна красивѣе другой, развертывались передъ нимъ, когда онъ входилъ на ихъ вершины. Вонъ и марь уже сѣрѣетъ впереди, охватывая полукругомъ весь этотъ серебряный просторъ.

Элла! Шарахнулся отъ него внезапно встрѣченный на поворотѣ дороги олень, выбивавшій мохъ изъ-подъ снѣга

и, спустя ссекунду уже несся, закинувъ рога на спину, впередъ и впередъ. Васька хотѣлъ-было пустить свое ружье въ дѣло, да вспомнилъ Эллу и оставилъ. Жаль ему стало теперь убивать кого-нибудь.

У него радостно на душѣ, пусть-же и всѣ радуются вмѣстѣ съ нимъ.

VII.

Изъ-за чужого добра.

Когда Васька дошелъ до послѣдней вараки, солнце ужо заходило.

Передъ нимъ вилась конусообразная, громадная вершина, края которой были охвачены алымъ сіяніемъ. За нею рѣдѣлъ закатъ. Румяные отблески ложились и на оставленныя позади скалы, и на снѣга горныхъ откосовъ. Скаты болѣе далекихъ варакъ казались фіолетовыми, голубыми, дымчатыми, пока не пропадали вовсе. Лопарь шелъ все впередъ и впередъ; вотъ онъ миновалъ еще нѣсколько холмовъ и съ трудомъ добрался до голой верхушки, откуда опять передъ нимъ раскинулся океанъ.

— Элла! — крикнулъ лопарь, соединявшій теперь съ этимъ именемъ все, что его поражало.

И, дѣйствительно, было передъ чѣмъ остановиться!

Солнце садилось въ «марь».

Надъ нимъ раскидывалось ясное, безоблачное небо. Изъ-за моря сплошною грядою поднимались тучи, въ которыя погрузилась уже половина солнечнаго шара. Остальная сіяла изъ-за синихъ тяжелыхъ массъ, точно багровое зарево пожара. Очертанія тучъ были такъ рѣзки, что рисовались ясно въ самомъ дискѣ отгоравшаго свѣтила... Вотъ оно почти все уже потонуло въ нихъ, вотъ только край его свѣтится оттуда, словно клочекъ яркаго пламени... оно не блекнетъ, а только уменьшается. Вотъ осталась одна полоска, тонкая, точно лезвіе ножа!.. И все потухло...

— Элла!—и лопарь ринулся внизъ.

Уже приближаясь къ своей вѣжѣ, онъ замѣтилъ вдали какой-то предметъ, заставившій его остановиться.

Въ синихъ сумеркахъ ночи что-то чернѣло на взморьѣ, что-то, чему вовсе не слѣдовало быть здѣсь.

«Скала не могла вырасти разомъ», соображалъ лопарь. «Судно... Откуда ему быть?»

Васька тихо проскользнулъ прямо на берегъ да выбралъ точку повыше, чтобы видѣть за губу.

«Нѣтъ, не скала; вонъ оно идетъ, шевелится... Судно?.. Мало для судна... Шняка?.. Откуда быть шнякѣ? По всему Мурману промысловъ еще нѣтъ... А на шняку похоже...»

Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе становилось очертаніе этого предмета. На синевато-мглистой поверхности моря тонкою черточкой рисовалась мачта съ небольшою щепкой внизу... На щепкѣ что-то плещется... Бѣлое... должно быть, парусъ.

«И есть шняка, только какая-жъ?.. Носъ у нея острый—что носъ, что корма—одно на одно не отличишь... Да и широка какъ... Не русская, а какой другой быть? Норвецкой?.. Батюшки, норвецкая ела и есть... То-то я гляжу, да и понять не могу, а оно вотъ что...»

Щепка росла, росла и черточка надъ нею. Вонъ и людей видно... Правятъ въ губу... Васька опалѣлъ было, да потомъ ничего, оправился. Только залегъ за камень сторожить гостей; зорко высматривалъ онъ оттуда. Вотъ рулевой что-то пальцемъ указываетъ... На становище смотрятъ... Вотъ опустили парусъ — въ губу входятъ, за весла взялись. Ишь, какъ работаютъ. Не по-нашему. Весла-то черпаютъ воду не глубоко, не по-поморски, а только такъ ходятъ по водѣ... А и ходко-же лодка идетъ! Наши такъ не ходятъ.

Много слыхалъ Васька про этихъ гостей. Всѣ разсказы пришли ему разомъ въ голову.

Вспомнилъ онъ, какъ въ Мотовской губѣ норвежцы становище разграбили, какъ въ Малопѣмецкомъ всю снасть увезли съ собою...

«Бѣда, въ оба смотрѣть надо!»

Къ чести лопаря нужно было сказать, что ему ни разу

не пришло въ голову опасеніе за себя, за свою жизнь. Больше всего онъ боялся за хозяйское добро, ввѣренное его охраненію. Ограбятъ — на всю лопскую землю ославятъ, скажутъ: Васька норвежцамъ за ромъ пропилъ. При этой мысли его дрожь проняла. Тогда Эллы не видать! За опозореннаго лопаря кто отдастъ свою дочь! Послѣдній нищій, что, какъ голодный волкъ, зимою шляется по варакамъ,—и тотъ не согласится породниться съ нимъ. Да, на отца, на мать, на брата его—на всѣхъ упадетъ это!

«Эхъ, жаль, оттуда, изъ кочевья, ихъ не позвалъ съ собою. Одному, поди, не отбиться! Ну, да ладно, погоди!»

Васька зарядилъ ружье.

Видно было, какъ лодка бьется на волнахъ, стараясь попасть въ настоящее теченіе салмы. Вотъ кормщику удалось ловко повернуть елу, и мачта уже движется вдоль скалъ прямо во внутреннюю бухту. Вотъ мачта что-то остановилась и закачалась во всѣ стороны.

«Должно быть, на Дѣвкину мель попали,—соображаетъ Васька.—Такъ оно и есть!»

Мачта все качается на мѣстѣ; вотъ она подается, но только не впередъ, а назадъ, назадъ...

«Сходятъ дьяволы! Ишь, черти, уловчились-таки!»

Спустя минуту, мачта опять пошла впередъ, но уже подальше отъ стѣны.

Тутъ Васькѣ пришлось перемѣнить мѣсто... Онъ зналъ, что скоро ела дойдетъ до берегового выступа, у котораго держится ледъ. Пойдутъ-ли норвежцы дальше или высадятся тутъ?

Съ новаго пункта ему видна была ела, какъ на ладони. Четыре гребца и одинъ кормщикъ.

«Ишь, дрянь нехрещенная! Какъ будто знаетъ, куда и править!»

У ледяного выступа, дѣйствительно, ела пріостановилась.

Васька видѣлъ, какъ норвежцы заспорили о чемъ-то. «Эко, горе, поди дальше пойдутъ!»

Кормщикъ указывалъ въ бухту, остальные, повидимому, хотѣли остановиться здѣсь. Двое даже выбрались на ледъ,

да онъ хрупокъ оказался. Уже въ густыхъ сумеркахъ Васька замѣтилъ, какъ тѣ точно внизъ пошли. Ледъ подломился. Вотъ они цѣпляются за борта елы, влѣзаютъ въ нее. Спустя минуту лодка поплыла впередъ.

Вонъ кормщикъ, должно быть, трубку закурилъ. Во тьмѣ вспыхнулъ огонекъ. По огоньку теперь хорошо слѣдить за лодкой. Куда огонекъ, туда и лодка.

Огонекъ пріостановился. «Камень тутъ,—соображаетъ Васька.—Эко-бы счастье, кабы не разглядѣли»... Огонекъ направился влѣво... «Обошли, запримѣтили!» Миновавъ рифъ, огонекъ опять поплылъ направо. Мачты уже не видать, да и огонекъ не всегда замѣтенъ—то пропадетъ, то опять блеснетъ, да только тускло... Вотъ онъ совсѣмъ сгинулъ, минутъ пять не видно было, а тамъ вновь засвѣтился. «За Гремяхинской пахтой былъ!»

Стало проясняться.

Голубой свѣтъ разлился въ воздухѣ. Изъ мрака мало-по-малу выступали вершины скалъ, сначала едва замѣтными силуэтами, потомъ яснѣе и яснѣе. Вотъ и откосы ихъ замѣчаются во-тьмѣ. Видно, мѣсяцъ прорѣзался.

Края одной тучки выступили на небѣ бѣлой каймою.

«Онъ и есть, мѣсяцъ! Ну, теперь и огонька не надо!»

Дѣйствительно, скоро ела вырисовалась вся.

Лопарь дослѣдилъ, пока она не пристала внизу, подъ той самой скалой, на которой онъ сторожилъ ихъ. Вотъ норвежцы вышли, закурили трубки и болтаютъ. Должно-быть, совѣтъ держатъ. Васька слышалъ отрывочные звуки ихъ словъ и скрипъ лодки, привязанной къ берегу.

Не зная самъ для чего, лопарь ударилъ и отбросилъ вертѣвшуюся около него собаку. Та завизжала и съ громкимъ лаемъ побѣжала отъ него.

Норвежцы насторожились... Пошли въ его сторону. Тихо идутъ, думаютъ, что ихъ не видно... А ела стоитъ пустая... Никого на ней...

Эко ночь ясная... Ела-то вся на свѣту. Ишь, въ кормѣ хламъ какой-то... Весла у борта бѣлыя свѣтятся...

Вдругъ Васька приподнялъ голову. Шаги слышались

близко. Вотъ кто-то оборвался внизъ. Зашуршало... перекатилось что-то, громкое проклятіе застыло въ воздухѣ. Васька тихо поползъ къ берегу.

Хорошая мысль пришла ему въ голову. Онъ скользилъ, какъ лисица, что хоронится въ свое логово отъ собаки. Поползетъ, поползетъ, да и прижмется, притаится за камень, точно смерзнется съ землей... И тихо все, самъ себя не слышитъ; только-бы собаки его за нимъ не увязались .. Хорошо еще, что онъ ударилъ одну... Та не пойдетъ... И опять скользитъ внизъ. Вотъ изъ-подъ ногъ оборвался камень, да, слава Богу, въ снѣгъ упалъ: плюхнулъ — и не слыхать почти... «А тѣ, поди, ужъ наверху»... Ладно, ищите!..

Гдѣ-то залилась собака громкимъ лаемъ.

«Чудесное дѣло, туда пойдутъ!.. Отведутъ собаки-то»...

Руки его были исцарапаны, а онъ и не чувствовалъ боли... Вотъ и берегъ скоро. Слышенъ шумъ буруна; ишь, гдѣ-то море вливается въ выбоину, волны такъ и вскидываетъ на выступъ, слышно, какъ влетитъ вода и расплещется... Вотъ и лодка, скрипитъ... Гдѣ-же?.. Должно-быть, близко.

Ела, дѣйствительно, была не далеко. Приподнявъ голову, Васька хорошо разсмотрѣлъ ее.

Нѣтъ-ли сторожевого? Къ счастію, не оказалось его; норвежцы всѣ ушли туда, наверхъ, за нимъ. Точно онъ ихъ ждать тамъ будетъ!.. Дурака нашли...

Васька поползъ къ самой лодкѣ... Ела качалась на волнахъ, то приподнимаясь, то опускаясь. Мачта тихо поскрипывала... Вотъ онъ уже рядомъ съ нею. Его обрызгиваетъ бурунъ. Мимо него идетъ веревка отъ елы, прикрѣпленная къ береговому камню, колдобиной выдавшемуся впередъ.

— Развязать-бы... да долго будетъ!

Лопарь вынулъ ножъ... Сердце его билось быстро, быстро. Онъ и глаза зажмурилъ... Какъ-то ему разомъ холодно стало, насквозь холодно, хотя до сихъ поръ онъ и холода не чувствовалъ.

Хотя острое лезвіе моментально и безшумно перерѣзало веревку, лопарю почудился визгъ, какъ отъ пилы по желѣзу, да и долго ему казалось все это. На одну минуту онъ почувствовалъ, точно кто хватаетъ его за шею... Слава Богу, все обошлось .. Осторожно оглядясь, онъ замѣтилъ, какъ елу закружило, мимо него медленно скользнулъ по берегу и шлепнулся въ воду кусокъ веревки, болтавшейся на кормѣ. Вотъ ела приподнялась и опустилась; между нею и берегомъ уже образовался нѣкоторый промежутокъ. Ела приподнялась и опустилась еще разъ— промежутокъ расширился... Вотъ она шмыгнула куда-то въ сторону, опять повернула носомъ отъ берега и плавно, вмѣстѣ съ отливомъ, поплыла вонъ отъ мыса.

Кричать лопарю было нельзя. Онъ только заскрипѣлъ зубами отъ радости.

— Элла! — самъ про себя шепнулъ онъ и поползъ-было въ сторону, да вспомнилъ, что еще не все. Нужно было веревку отцѣпить отъ камня.

Это потребовало нѣсколько секундъ.

Едва онъ успѣлъ тронуться отсюда, какъ наверху, на скалахъ, послышался громкій крикъ. Васька такъ и прилипъ за камень... и голову отъ земли не подымаетъ, точно ему легче, если ударъ будетъ нанесенъ по затылку. Онъ даже не чувствовалъ, какъ подъ лицомъ его таялъ снѣгъ. Къ счастью, норвежцы бросились не туда, гдѣ была привязана лодка, а туда, куда поплыла она. Такимъ образомъ, каждая минута, каждый шагъ отдалялъ ихъ отъ Васьки.

Быковъ торжествовалъ.

Онъ свистнулъ; собаки отозвались громкимъ лаемъ. Онъ уже побѣжалъ къ нимъ, нагибаясь пониже. Добраться до вѣжи было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ. Тамъ онъ забралъ порохъ, пули, взялъ топоръ и бѣгомъ кинулся въ становище. Съ трудомъ растворивъ переднюю скею, мимо которой не могли пройти норвежцы, Васька забрался туда, заперъ за собою дверь; завалилъ ее камнемъ и снастью, сложенною въ скеѣ, слегка отодвинулъ доску, закрывавшую окошко безъ стекла, и сталъ ждать...

Онъ-бы ушелъ въ горы, но тогда норвежцы могли-бы сжечь все или разграбить спасти и увезти ихъ на одной изъ шнякъ, стоявшихъ за островомъ Шалимомъ и пока еще не попавшихся имъ на глаза.

А тутъ онъ или ихъ всѣхъ перестрѣляетъ, или, по крайней мѣрѣ, напугаетъ ихъ такъ, что они не сунутся дальше.

Мѣсяцъ ярко уже свѣтилъ надъ каменными массами безлюднаго берега; верхушки скалъ плавали въ сумракѣ, отражая синеватое сіяніе луны. Ласково свѣтитъ Васькѣ какая-то звѣздочка съ неба... «Элла!..» Говоръ волнъ чуть доносится до него.

Васька долго сидѣлъ у окна одинокой скеи, ничего не слыша. Только когда поблѣднѣли звѣзды, и небо приняло бѣлесоватый оттѣнокъ, издали донеслись голоса, хриплые, злобные... По тону ихъ лопарь могъ заключить, что исканія норвежцевъ не увѣнчались успѣхомъ. Лодку ихъ унесло въ океанъ, и они невольно задержаны здѣсь дня на два, пока не приготовятъ какую-нибудь изъ шнякъ, окованныхъ льдомъ внутри залива, еще не поддававшагося дѣйствію солнечныхъ лучей.

Голоса становятся ближе... Васька осторожно выставилъ голову въ окно.

Довольно далеко, еще на гранитномъ гребнѣ высокаго утеса, рисовалось нѣсколько силуэтовъ. Черные, на блѣдномъ фонѣ просвѣтлѣвшаго неба. Одинъ впереди, другіе скучились за нимъ,—видно, не рѣшаются, идти-ли имъ дальше, или дождаться до утра. Должно-быть, высматриваютъ становище.

Лопарь нацѣлился... руки зудѣли... Хотѣлось послать въ эту кучу мѣткій выстрѣлъ. Да рано. Онъ опять опустилъ ружье и сталъ слѣдить. Вотъ они медленно пошли внизъ. Пропали за поворотомъ и опять показались. Увязли въ снѣгу — выбрались... Вотъ опять ихъ не видать — должно-быть, попали въ лощину...

Васька опять уставилъ дуло ружья на подоконникъ, а самъ сталъ на колѣни, готовясь стрѣлять.

Вотъ хищники вновь поднялись па слѣдующій холмъ. Теперь уже близко...

Не пугнуть-ли?

Васька приложился. Но къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ вовсе не думалъ стрѣлять въ людей. Ему хотѣлось показать имъ, что у него въ рукахъ есть средство, а въ душѣ охота помѣшать имъ. Да и какъ стрѣлять! Что, если они съ мирными намѣреніями?

«Не должно быть... Откуда имъ иначе придти и зачѣмъ, если не для того, чтобы стянуть снасти?..»

Онъ дернулъ курокъ... Сверкнула багровая струя огня, выстрѣлъ гулко загремѣлъ, повторяемый стѣнами ущелья, откосами скалъ, уходя въ сырыя долины, гдѣ клубился туманъ. Передъ самымъ окномъ стояло облако сѣраго дыма, которое, впрочемъ, скоро разсѣялъ легкій западный вѣтеръ.

Когда открылась возможность заглянуть впередъ, Васька ничего сразу не могъ увидѣть. Людей точно и не бывало.

«Не ушли-ли въ щель?»

Что-то темное, лежавшее на снѣгу, привлекло его вниманіе.

Осмотрѣлся— они и есть!

Норвежцы растянулись и лежа высматривали окрестность... Откуда быть выстрѣлу? Передъ ними въ ста шагахъ чернѣла цѣлая кучка избъ и скей. Огонь вырвался оттуда, но изъ какой именно лачуги? Вонъ облачко дыма, оно и теперь еще не совсѣмъ отнесено вѣтромъ... И всѣ-то строенія такія мелкія, мизерныя, жалкія. Вонъ впереди, словно гнилушка, выставляется на плѣшкѣ камня одинокая скея; не оттуда ли стрѣляли?

Гдѣ-то залаяли собаки. Одна такъ и заливалась дробнымъ визгливымъ лаемъ.

Тамъ тоже, вонъ въ той вѣжѣ, должно-быть, есть сторожъ, соображали пираты... Значитъ, онъ здѣсь не одинъ. А что, если нѣсколько лопарей засѣло въ становищѣ? Что если имъ и спастись-то будетъ некуда?.. Выстрѣлъ доказывалъ, что ихъ давно запримѣтили. Значитъ, подсте-

регали. Важно было знать—сама-ли лодка отвязалась, или ее отвязали другіе. Если отвязали—слѣдовательно, чувствуютъ свою силу... Тогда дѣло плохо. Уллаярви и Шершедъ вызвались обслѣдовать мѣстность. Они ползкомъ да ничкомъ стали выбираться подальше да внизъ, туда, гдѣ остановились съ елой. Остальные залегли за камнями и выставили дула ружей.

А какъ сторожа замѣтятъ Шершеда и его товарища? Будетъ плохо... Нужно отвлечь ихъ вниманіе. Дать по одному выстрѣлу отсюда? Трое норвежцевъ приложились. Внимательно смотрѣвшій туда лопарь разомъ увидѣлъ три пламенныя струи огня, вырвавшагося изъ-за трещины. Три звука, глухихъ, зловѣщихъ, слились въ одинъ долгій грохотъ. Дымъ такъ и сталъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ засѣли норвежцы. Ихъ было пятеро, а стрѣляли трое. Гдѣ-же еще два ружья? Ужъ не въ обходъ-ли пошли?

Васькѣ стало страшно.

«Уйти-бы теперь! А чужое добро?.. А уйти ловко можно, стоитъ только проскользнуть въ щель, что бѣлѣетъ у самой стѣны позади, да ползкомъ, ползкомъ... Чудесное дѣло! Позвать ближнее кочевье на помощь? Элла! А какъ обокрадутъ, ославятъ по всей Лапландіи—куда дѣваться тогда? Эллы и не увидишь!..»

Шершедъ и Уллаярви тоже не теряли времени. Спустившись съ горы, они выпрямились и быстро пробѣжали къ мѣсту своей высадки.

Вотъ ихъ слѣды... Сапоги глубоко уходили въ снѣгъ. Видно до сихъ поръ... Вонъ камень, за который была завязана веревка. Тутъ и есть... Оба наклонились и внимательно стали вглядываться. Вотъ чья-то ступня. Вонъ отпечатокъ руки, точно кто-то приподнимался съ земли, опираясь на ладонь. Вонъ широкая полоса взрыхленнаго снѣга, должно-быть, этимъ путемъ *тотъ* ползъ сюда... Такъ и есть: вотъ по бокамъ отпечатокъ ладоней, еще и еще... Вонъ опять слѣды ногъ... Ишь какъ глубоко врѣзались... Одинъ слѣдъ былъ особенно явствененъ. Видно, что и обувь не русская, а лопарская... Полгоря съ плечъ

долой. Если-бы оказались русскіе—тогда уноси ноги домой, скверно было бы!.. Не уйти бы отъ становища. А съ лопарями справиться не трудно. Да если придется и за ножи взяться—лучше. Пропалъ лопарь—кто его искать будетъ? Мало-ли ихъ по тундрамъ гибнетъ да въ морѣ тонетъ? И справокъ собирать не станутъ!..

Тѣмъ не менѣе Уллаярви и Шершедъ прослѣдили весь путь Васьки доверху... тутъ слѣды терялись на голомъ камнѣ, съ котораго давно стаялъ снѣгъ.

Воротясь за утесъ, гдѣ сидѣли ихъ товарищи, они сообщили имъ результаты своихъ изслѣдованій. Долго думали и порѣшили, наконецъ, ожидать утра.

Легли... Одинъ сталъ насторожѣ.

Васька, сидя въ своей западнѣ, зорко высматривалъ оттуда. Хотѣлось ему еще попугать норвежцевъ, да боялся. Пришибутъ—и слѣдовъ не оставятъ...

Небо совсѣмъ прояснѣло. Шумъ буруна, становившійся слышнѣе ночью, полузатихъ. Тишина стояла бы кругомъ подавляющая, если-бы собаки, чуя опасность, не завывали въ его вѣжѣ. Тоску наводилъ этотъ вой, «словно надъ покойникомъ».

Вонъ скалы все яснѣе и яснѣе вырисовываются... Вонъ самый высокій камень загорѣлся лучистымъ блескомъ и рдѣетъ... Скоро быть солнцу.

Совсѣмъ день. И скею освѣтило. Старая, давно заброшенная скея была. Въ углу лежитъ набившійся сквозь окно снѣгъ и не таетъ. Въ другомъ — какія-то веревки на грудѣ мусора. На балкахъ кровли сѣрѣетъ плѣсень. Зеленая плѣсень и по стѣнамъ разбросалась причудливыми, извилистыми пятнами.

Туманъ точно свертывается снизу. По мѣрѣ того, какъ лучи солнца становились ярче, пелена его поднималась, оставляя открытое пространство внизу. Вотъ и весь онъ скучился въ одну сѣрую тучу. Та цѣпляется все выше и выше и, наконецъ, повисла горизонтально на половинѣ ближайшей вараки. Даже края облака озолотило зарею.

Лопарю было не до природы.

Зорко вглядывался онъ впередъ. Норвежцевъ едва видно. И сторожевого-то нѣтъ, спятъ всѣ...

«Съ ножемъ бы? — померещилось лопарю. — Всѣхъ до одного уложить можно».

Померещилось—и отошло. Словно туча сползла.

«Какъ человѣка бить? Рука не подымится—не волка рѣзать!» А лучше, какъ самого-то пристрѣлятъ? словно кто-то со стороны спросилъ Ваську. Онъ даже оглянулся назадъ. Подумалъ. Представилось ему, какъ это онъ всаживаетъ ножъ въ живое, мѣрно дышащее тѣло сонного, какъ брызнуло кровью. И противно, и страшно ему стало. Онъ даже руки обтеръ, точно онѣ уже были облиты кровью...

«Нѣтъ, лучше ужъ пусть самого забьютъ, да только грѣха на душу не брать. А у нихъ-то тоже поди мать, сестры, невѣста есть?..»

«Элла!»—и мягкое, мирное чувство охватило Ваську. Да и что въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего имъ ссориться? Онъ пойдетъ и убѣдитъ ихъ уйти отсюда. Можетъ, они не затѣмъ сюда и явились...

Но лопарь еще разъ долженъ былъ разочароваться.

Громадная снѣговая глыба, смерзнувшаяся на выступѣ утеса, была давно подмыта талою водой. Пришло-ли ей время, только она съ грохотомъ рухнула внизъ, разбилась въ снѣговую пыль, которая еще долго сыпалась по откосу, все наполняя своимъ шорохомъ.

Норвежцы вскочили и первое время не могли сообразить, что съ ними. Слышенъ грохотъ, а откуда—невѣсть. Кое-какъ пришли въ себя.

Видитъ Васька, что намѣренія ихъ далеко не мирны. Кладутъ заряды въ два ружья,—остальныя были готовы. Ножи свои пробуютъ. И Васька сдѣлалъ то же, да еще два заряда всадилъ. Что-то ударило ему въ голову. Мирныхъ чувствъ какъ не бывало. Звѣремъ сталъ. Глаза его прищурились, зубы сжались до боли, шапка слѣзла назадъ, на затылокъ съѣхала. Рука такъ и пристала къ курку, не отымешь. Кровь быстро и горячо льется по жиламъ, грудь дышитъ тяжело.

Норвежцы тронулись впередъ. Васька притаился и ждетъ. Теперь онъ ужъ не дастъ спуску.

Вотъ они ужъ близко. Васька различаетъ ихъ лица, всматривается въ эти неувѣренныя, сторожкія движенія.

VIII.

Гости съ другой стороны.

Не доходя до самыхъ избъ, норвежцы раздѣлились. Одни направо, другіе—налѣво. Васька выбралъ послѣднихъ; внимательно слѣдя за ними, онъ сообразилъ, что они вовсе выходятъ изъ-подъ выстрѣла: въ такомъ направленіи и на такомъ разстояніи никакая пуля не долетѣла-бы до нихъ. Они къ становищу подошли-бы сбоку. Оставаться въ избѣ не было основанія. Васька рѣшился выбраться отсюда. Лазейкой, образовавшейся въ задней стѣнѣ скеи, онъ выползъ вонъ, точно змѣя, проскользнулъ между избами и засѣлъ въ щели между двумя камнями, высматривая оттуда хищниковъ, уже достигавшихъ становища. Наконецъ, и тутъ было не зачѣмъ оставаться. Его-бы пристрѣлили тутъ, какъ звѣря въ норѣ, а самъ онъ что-бы сдѣлалъ? Нужно было выбраться на какую-нибудь возвышенность, откуда далеко кругомъ была видна вся эта изорванная щелями мѣстность. Да и выбирать было некогда. Вотъ онъ слышитъ какой-то трескъ. Норвежцы взломали дверь избы.

«Эко бѣда какая, эко втора несосвѣтимая!..»

И лопарь стремглавъ пустился внизъ.

Узкій мысокъ далеко врѣзывался въ обледенѣвшую бухту. Ледъ здѣсь былъ еще крѣпокъ. Пробѣжать по немъ до круглаго, горбившагося по серединѣ бухты острова было дѣломъ одной минуты. А на островѣ стояла часовенка съ окнами, прорѣзанными на всѣ четыре стороны. Ветхая часовенка такая. Дивное дѣло, какъ она отстоялась до сихъ поръ на юру противъ этихъ метелей, да полярнаго вѣтра. Дверь ея была не заперта.

Когда лопарь взбирался на верхъ по горбинамъ и отрубамъ дикаго сѣраго камня, его замѣтила партія норвежцевъ, бывшая ближе. Она было кинулась на берегъ, но лопарь былъ уже наверху. Нужно было стрѣлять, не теряя времени, иначе сторожъ займетъ такую возвышенность, откуда, затаясь въ часовнѣ, ему можно будетъ посылать выстрѣлы на выборъ изъ этихъ узкихъ оконъ, точно изъ крѣпости.

Когда Васька взобрался уже на первую горбину, близъ его головы просвистала пуля и расплющилась о твердый гранитъ. Онъ, разумѣется, полѣзъ еще быстрѣе. Разсуждать было некогда. Вотъ онъ уже у дверей часовни. Еще выстрѣлъ—и пуля врѣзалась въ ветхое дерево бревенчатаго сруба.

Лопарь было присѣлъ и уже на четвереренькахъ вползъ въ часовню. Кинувъ назадъ бѣглый взглядъ, онъ замѣтилъ двухъ грабителей на гребнѣ противоположнаго берега.

Приложиться и послать отвѣтный выстрѣлъ наудачу, захлопнуть дверь и кинуться къ узкому окну были первымъ дѣломъ Васьки.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? — заоралъ онъ во все горло.—Чего вамъ надо, голоднымъ волкамъ?.. У нашихъ оленей тоже есть копыта!..

Замѣтивъ дуло, выдающееся въ окно, норвежцы прилегли.

Первый выстрѣлъ лопаря не нанесъ имъ никакого вреда. Имъ и невдомекъ было, что лопарь стрѣлялъ больше для очистки совѣсти, на воздухъ.

Напряженіе первыхъ моментовъ прошло.

Лопарь уже равнодушно посматривалъ на своихъ непріятелей. Пираты тоже не предпринимали ничего.

Васька видѣлъ, какъ трое другихъ хищниковъ переходили изъ избы въ избу. Видно, ничего не находя, переходили съ пустыми руками. Въ одной, впрочемъ, позамѣшкались; тамъ были сложены снасти.

— Все ограбятъ, все!.. Эко черти... На чемъ только повезутъ? Елу-то поди далеко угнало...

Лопарь и не замѣтилъ, что пираты давно высмотрѣли себѣ шняку, почти освобожденную изъ-подъ ледяныхъ оковъ. Имъ нужно было только добраться до нея на карбасахъ, примерзшихъ къ выступамъ и пологостямъ берега.

— Вынесли ярусъ! Должно быть, филипповскій взяли!.. Ишь, трое несутъ, да и то гнутся. Лучшій ярусъ по становищу... Бѣдовое дѣло!

Сбросивъ снасть у берега, норвежцы вернулись и еще взяли. Васька не выдержалъ; онъ выбѣжалъ вонъ изъ часовни и, къ крайнему изумленію сторожившихъ его на берегу норвежцевъ, кинулся на нихъ, не глядя на выстрѣлы.

Одна пуля обожгла плечо ему. Впилась или оцарапала. Васькѣ было не до того.

Норвежцы и стрѣлять перестали, видя, что звѣрь самъ бѣжитъ подъ ножъ.

Сгоряча лопарь оставилъ въ часовнѣ и ружье. Теперь ужъ онъ былъ беззащитенъ.

Чу!.. Съ чего это норвежцы словно вросли въ землю? Испугъ на ихъ лицахъ, изъ рукъ валится награбленное... Вынули было ножи, да опять спрятали ихъ... Бросили все и бѣгутъ внизъ, къ карбасу... А карбасъ-то, какъ нарочно, присталъ къ землѣ. Примерзъ—не оторвать. Всѣ засуетились, и *тѣ* съ берега кинулись туда-же.

Самъ лопарь остолбенѣлъ... Не его-же испугались...

Но вотъ онъ взобрался повыше.

Сквозь пронзительные крики чаекъ слышатся какіе-то странные звуки.

Громкій свистъ, лай собакъ, обрывки пѣсенъ... не одной пѣсни, а нѣсколькихъ, точно много ихъ рѣетъ въ воздухѣ... Точно десятки голосовъ поютъ ихъ.

— Ловцы наши, промышленники! Благодать!—заоралъ лопарь и, позабывъ все на свѣтѣ, кинулся къ норвежцамъ.—Нѣтъ, стой! Теперь олень волковъ не пуститъ; медвѣди идутъ, а медвѣди посильнѣе волка будутъ... Стой!

Норвежцы, не обращая вниманія, кинулись къ другому

карбасу,—тотъ точно вросъ въ землю. Не взять и этого. А крики все слышнѣе, пѣсни все громче.

Васька уцѣпился за плечо одного норвежца да тотчасъ же и опустилъ руки, почувствовавъ жгучую боль въ боку. Тотъ ткнулъ его ножомъ. Кровь хлынула изъ раны; лопарь какимъ-то стеклянным, помутившимся взглядомъ смотрѣлъ впередъ, ничего не видя. Въ головѣ все помѣшалось. Цѣлыя вереницы образовъ, звуковъ, какія-то яркія искры, огневыя спирали, вѣнцы... Потомъ вся кровь точно хлынула къ сердцу; головѣ, рукамъ и ногамъ стало холодно, а грудь-то раздвинулась, воздуху побольше захватить хочетъ, точно ей дышать нечѣмъ, а тамъ и ноги подкосились, точно усталъ, умаялся, только въ правомъ боку жжетъ что-то. И все кругомъ помертвѣло, потемнѣло, вершины слились съ вершинами, избы съ избами, берега съ моремъ—все въ одно сѣрое, въ одно туманное, непроглядное...

«Элла!..» застыло на губахъ его; глаза слипаются, не дышится; только ощущеніе холода; и боли уже не слышно...

И лопарь потерялъ сознаніе.

Минуту спустя, въ становище съ трехъ сторонъ примчались райды съ промышленниками. Усталые олени, закинувъ рога за спину, напрягали послѣднія свои силы. Сидя въ нартахъ и кережкахъ, промышленники пѣли и свистали; впереди Андрей съ коршикомъ заливались про «акіанъ море синее, сѣрой марью повитое».

Норвежцы съ ножами въ рукахъ ждали ихъ на гранитномъ выступѣ.

— Кто, крещеные?—крикнулъ коршикъ.

— Э! Да это за разбоемъ. Выручай, братцы!..

Повыскакавъ съ кережекъ, промышленники захватили ружья и оцѣпили кругомъ ватагу пиратовъ.

— Братцы, такъ неладно,—заговорилъ Андрей,—надо живьемъ взять, потому бѣда, ежели убивство; отъ становового житья не будетъ!

— Кидай ножи!

— Да ты что орешь, нешто они понимаютъ по-русски? —и коршикъ заговорилъ съ ними по-норвежски.

Норвежцы столпились еще плотнѣе.

Нѣсколько промышленниковъ подошли къ лопарю.

— Эхъ, Васька, Васька! и не дышитъ... Ишь, прорвали бокъ-то. Ну, да ничего, отойдетъ, только что шкуру испортили.

— Нужно его въ избу взять!

— На снѣгу способнѣй!

Не обращая вниманія на норвежцевъ, Андрей разорвалъ тряпки, обертывавшія Ваську, посмотрѣлъ рану. Она, дѣйствительно, оказалась неопасной... Отъ потери крови лопарь лишился было сознанія, да теперь сталъ приходить въ себя.

— Все цѣло, обойди всѣ избы, скеи, сколько чего оставалось, столько и есть...—были первыя слова номада.

— Ладно, ладно! Подымайся только ты, ишь, какъ онъ тебя, родимаго, пропоролъ...

— Все цѣло,—шепталъ лопарь,—я смотрѣлъ за всѣмъ, ничего не упустилъ... Гдѣ была снасть—тамъ снасть и есть, даже рыбы не тронулъ...

— Спасибо, спасибо... Давай-ка мы тебя снесемъ...

— А вы, братцы, не стрѣляйте въ нихъ, ну, ихъ къ Богу...—уже коснѣющимъ языкомъ продолжалъ Васька,—оставьте, пусть идутъ... Не берите крови на душу... Кровь человѣческую пролить—страшное дѣло...

— Да и впрямь, братцы, что ихъ, чертей, бить?.. Пусть идутъ, откуда пришли...

— Елы у нихъ нѣтъ, дайте имъ карбасъ,—продолжалъ лопарь.—Я елу у нихъ въ море пустилъ.

— Карбасъ?.. Нѣтъ, жирно будетъ... Тронуть мы ихъ не тронемъ, да и карбаса не дадимъ...

Коршикъ крикнулъ имъ, чтобъ они убирались, куда хотятъ.

Норвежцы постояли еще, недовѣрчиво глядя по сторонамъ. Но видятъ, ловцы разошлись по избамъ... Только два-три стоятъ на сторожѣ...

Не выпуская ножей изъ рукъ, тронулись они къ морю. Такъ кучкой и пошли, озираясь по сторонамъ, точно волки.

— Ишь ты, и смотрятъ-то, что звѣри исподлобья...

— Стой, братцы! Вѣдь имъ пропадомъ пропасть безъ хлѣба-то...

— И-то пропадутъ...

— Все-жъ человѣкъ не звѣрь, все-жъ душу имѣютъ. Тоже, поди, нищій народъ.

— Чего тутъ! Извѣстно нищій; на такія дѣла съ хорошей жизни нейдутъ!

— Кто пойдетъ!.. Эй, вы!—крикнулъ имъ по-норвежски кормщикъ.

Всѣ остановились.. только скучились еще плотнѣе. И ножи опять въ рукахъ.

— Братцы, выноси хлѣба!

Вынесли.

— Брось ножи! Чего вы, непутанные! Вишь, я свой брошу!

Коршикъ бросилъ свой ножъ и пошелъ къ нимъ, захвативъ три большихъ хлѣба.

Норвежцы стояли, остолбенѣвъ.

— Бери, братцы! Не обезсудь, помоги вамъ, Боже!.. Бери-же!..—добавилъ онъ по-ихнему.— Не съ голоду-же околѣть...

Старикъ Шершедъ опустился передъ кормщикомъ на колѣни и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Ну, чего вы, чего?—смутился тотъ.—Не дѣти малыя! Бери, да молись Богу...

Норвежцы взяли хлѣбъ и швырнули ножи въ снѣгъ... Стояли потупясь, не говоря ни слова. Должно быть, совѣсть прошибла.

— Эко неразумные! Чего вы кидаетесь добромъ? Бери, пригодятся!..

— Эй, братцы, да не дать-ли имъ карбаска? — предложилъ Андрей.—Ишь они какіе... несчастные...

Шершедъ продолжалъ стоять на колѣняхъ. По старому деревянному лицу еще катились слезы.

— А чего не дать... дать можно... Который залишній...

— Куда-жъ имъ удить безъ карбаса... По морю пѣшкомъ не уйдешь.

— Точно что... Только не въ порядкѣ.

— Ну, какой тутъ порядокъ... Народъ на гибель идетъ, а онъ порядокъ; ты-бы его «нужного» [1]) для порядку да подъ замокъ теперь, до становаго... А у него, поди, жена, да дѣти голодаютъ. Знаю я, бывалъ у нихъ, видалъ ихъ житьишко!.. Не лучше нашего... Сосновую кору ѣдятъ, то-ли еще бываетъ...

— Ну, вотъ что, бери, братцы, лодку, вонъ карбасокъ-отъ...— показался кормщикъ и самъ вынесъ имъ три пары веселъ... — Только паруса не дамъ... самимъ надо... Ну, прощай, прощай, чего плачешь, не для тебя, ради Христа!.. Ты думаешь, тебѣ подаемъ — странному человѣку подаемъ, Богу подаемъ, а не тебѣ!.. Эко, народъ бѣдный да жалкій?.. Да ты хлѣбъ-то чего не берешь, возьми его!

Лодка съ норвежцами уже пропадала въ сѣрой, окутанной марью дали полярнаго океана, когда Васька проснулся и, ставъ на ноги, почувствовалъ себя опять и сильнымъ, и здоровымъ, только въ боку кололо...

«Элла!»—и онъ бойко заковылялъ по станамъ.

---

[1]) Нужные—бѣдные.

V.

МОРСКАЯ ДРАМА.

(Очеркъ).

Синь небесная, да синь морская!

На безконечномъ просторѣ мѣрно вздымаются косматыя волны—вѣчные странники пустыннаго моря. Бѣлая пѣна сверкаетъ на солнцѣ радужнымъ блескомъ. Въ недосягаемой вышинѣ ползетъ одинокое облачко. Словно жемчужное, тянется оно по вѣтру и таетъ. Края его становятся тоньше. Вотъ на ясной лазури осталась только блѣдная полоска, еще минута—и она тихо сливается съ синевою неба.

Что это сверкаетъ и плещется, далеко-далеко, тамъ, гдѣ края этого голубого купола ласково приникли къ морскому простору? Словно трепещетъ крыло одинокой чайки. Ярче и ярче, ближе и ближе. Низью летитъ эта арктическая птица, не подымаясь въ ту неоглядную высь, гдѣ тихо кружится такая же яркая, словно серебряный лоскутъ, чайка.

Крылья растутъ и растутъ. Вотъ подъ ними черной полосой легли какія-то очертанія, на синевѣ мелькнула прямая мачта—и небольшая поморская шкуна стройно обрисовалась, вся облитая яркими лучами полуденнаго солнца. Попутный вѣтеръ надуваетъ парусъ, красный флагъ откинулся назадъ, шаловливо играя въ воздухѣ надъ чернымъ корпусомъ судна, гдѣ двигаются и копошатся какіе-то муравьи, едва замѣтные на этомъ разстояніи.

А солнце плыветъ все выше. Вѣтеръ падаетъ замѣтно. Волны медленно катятся въ синюю даль. Ниже и ниже

ихъ серебряныя гривы. Онѣ словно лижутъ море и исчезаютъ въ его бездонной глубинѣ. Парусъ безпомощно повисъ надъ шкуной. Вотъ черные муравьи закопошились на мачтѣ, еще мгновеніе—и свернутое вѣтрило открыло палубу небольшаго судна, на которой сидѣла кучка маленькихъ людей, все выроставшихъ по мѣрѣ его приближенія.

Покорно улеглись косматыя волны и не шелохнутся.

Море покойно, только мелкая рябь отливается на солнцѣ серебряными искрами и бороздитъ его безконечныя глади.

Шкуна словно замерла на этомъ просторѣ.

Штиль...

* *
*

Какъ громадное зеркало, легла морская даль, отражая и голубое небо, и одинокую шкуну. Флагъ угрюмо повисъ вдоль мачты. На палубѣ, привольно раскинувшись, спятъ матросы, заложивъ руки подъ головы. Одинъ изъ нихъ взмостился на свернутый канатъ и, снявъ рубаху, чинитъ на ней прорѣхи, сквозь которыя еще недавно сквозило его загорѣлое сильное тѣло. Лучи солнца щедро обливаютъ свѣтомъ и зноемъ *) широкія, словно вылитыя изъ бронзы, плечи, грудь и спину, могучія, крѣпкія, выносливыя. Курчавая, черная голова вся охвачена зноемъ и блескомъ. Другой завернулся въ старый парусъ, изъ-подъ котораго только и виднѣются ободранные сапоги спящаго.

Юркій зуекъ **) взмостился на верхушку мачты и зорко оглядываетъ оттуда морскую даль, напѣвая сквозь зубы плясовую пѣсню и безпечно болтая ногами.

---

*) Зной, бывающій лѣтомъ въ сѣверныхъ моряхъ—вовсе не исключительное явленіе. Пахтусовъ говоритъ, что въ одну изъ своихъ экспедицій къ берегамъ Новой Земли онъ не зналъ, куда дѣваться отъ зноя. Такія же свѣдѣнія смотри у Свенске (Новая Земля).

**) *Зуекъ*—мальчикъ, взятый на промыселъ, для помощи взрослымъ. Молодое поколѣніе поморья ежегодно отправляется съ промысловыми партіями на Мурманъ и Терскій берегъ, гдѣ оно пріучается къ трудамъ рыболова и охотника.

А день разгорается все жарче и жарче. Солнце стало на серединѣ неба и замерло въ собственномъ зноѣ.

Какъ все покойно и тихо! Вотъ у самой шкуны мелькнула золотистая чешуя, на одно мгновеніе сверкнулъ на солнцѣ розовый хвостъ шаловливой рыбы, и высоко, словно алмазный дождь, полетѣли вверхъ крупныя брызги.

Какъ все покойно и тихо! Вотъ, медленно кружась, плавно опустилась бѣлая чайка и вьется вокругъ равнодушнаго зуйка, навѣвая на него прохладу широкими взмахами крупныхъ крыльевъ.

— Отстань, еретикъ!—пустилъ сквозь зубы мальченко и отмахнулся.

Послышался рѣзкій крикъ, и чайка низко, низко полетѣла надъ водою. Движенія ея стали медленнѣе, и вдругъ, клюнувъ въ воду, она стрѣлою поднялась вверхъ съ небольшимъ головнемъ, кольцомъ извивавшимся въ острыхъ когтяхъ безпощаднаго хищника.

Издали, на сверкающей глади моря, показалась какая-то темная масса, медленно двигавшаяся впередъ. Мальченко зорко сталъ осматриваться туда и замеръ. Масса ползла, едва колыхаясь.

— Братцы, вставай!—заоралъ зуекъ.

— Что почудилось?—надѣвая рубаху, спросилъ бронзовый атлетъ. Другіе, едва шевельнувшись, полураскрыли глаза и снова заснули, лѣниво всхрапывая подъ скрипъ натянутаго у мачты каната.

— Китъ!

— Эва, у берега китъ!

— Вонъ, дядя, гли-ко-сь!..

Матросъ медленно всталъ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, сталъ пристально всматриваться въ плывшій прямо на шкуну предметъ. Море блистало передъ нимъ, какъ разлитая масса расплавленнаго серебра. Темная полоса показалась ближе.

— Китъ! Зуекъ и впрямь зуекъ! Эвона, какіе киты нонь ходятъ!

— А то что?—пискнулъ мальченко сверху.

— Дерево, дурья голова!..

Китъ оказался толстымъ стволомъ огромной лиственницы, ровной и гладкой, вынесенной въ океанъ какою-нибудь изъ громадныхъ рѣкъ сѣвера и проплывшей тысячи миль въ пустынныхъ водахъ, до встрѣчи съ одинокою поморскою шкуной.

— Слѣзай-ко, Митюшка, глаза-то у тебя, что попова собака—на деревья лаютъ!

— Ладно!—пробурчалъ зуекъ и тихо сползъ на палубу.

— Чтожъ ты не ймешь кита? Ты бы за хвостъ его, шельму,—потѣшался атлетъ, ласково гладя по круглой бѣловолосой головѣ.—Ой, ты, охотникъ. И впрямь охотникъ... Ничего, Митюшка, не сокрушайся. Гляди лучше—обыкнешь. Окіанъ-море—не бабкинъ подолъ, въ полудень не узнаешь. Погоди, выростешь—самъ шкуну водить станешь!

— Я, дядя, на праходъ пойду!

— На праходъ?.. Ишь ты какой у меня мальченко. Кочегаромъ што-ли? А то шхиперомъ или каптиномъ?

Лиственница тихо проплыла мимо шкуны, чуть не задѣвъ ее толстымъ обугленнымъ стволомъ. На суднѣ снова все успокоилось. Зуекъ улегся и, закинувъ руки подъ голову, безсознательно засмотрѣлся въ голубую высь. Гдѣ-то просачивалась вода, отзывчиво журча и переливаясь тонкими, почти дискантовыми нотками. Натянутый канатъ тихо поскрипывалъ надъ спавшими, да слышался тотъ однообразный гулъ, который и опредѣлить трудно. Въ ушахъ-ли рождаются и замираютъ эти загадочные звуки—или стонетъ море подъ зноемъ и свѣтомъ...

Штиль...

* *
*

Солнце мало-по-малу опускалось. Небесная высь гуще синѣла надъ потемнѣвшимъ моремъ. Снова съ запада потянуло легкимъ попутничкомъ. Сначала по безконечной глади прошла мелкая, словно зернистая рябь, потомъ выше и выше заколыхались струйки, съ звучнымъ ропо-

томъ набѣгая на темный бортъ шкуны. Вотъ онѣ растутъ и растутъ. Чу, первый валъ колыхнулъ судно и разбился объ него въ бѣлую пѣну. За нимъ другой, третій. Вотъ кое-гдѣ змѣятся уже серебристые гребни, еще минута— и весь безбрежный просторъ льется въ невѣдомую даль тягучими, плавно вздымающимися хребтами.

— Парусъ!—крикнулъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ, съ открытымъ, смѣлымъ выраженіемъ честнаго и красиваго лица.—Парусъ!..

Бѣлая полоса холста мгновенно развилась и надулась. Шкуну слегка накренило. Еще два или три толчка вправо или влѣво, и вдругъ, дрогнувъ всѣмъ корпусомъ, судно ринулось впередъ, на перегонку съ набѣгавшими на него отовсюду волнами. Флагъ заколыхался по вѣтру, то плещась по мачтѣ, то граціозно и плавно извиваясь въ воздухѣ.

— Богъ даетъ погоду, братцы!—обратился молодой парень къ матросамъ.

— Коли-бъ не сувой *) у Сосновца **),—такъ хоть спать ложись!

— Седни не донесетъ къ Сосновцу!

— Чего не донесетъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Ишь, парусокъ-отъ какъ надуло. Добрый конь, парусокъ-отъ. Какія сани тащитъ!

— Добрый, добрый. Главное овса, да сѣна ему не требуется!

— Заплатами живетъ!—острили матросы.

— Гли-ко-сь, Митюшка на вздыбкѣ треплется!

Зуекъ взобрался снова на верхушку мачты и, смѣло перекрестивъ ноги, оралъ во все горло какую-то удалую пѣсню. Ему, повидимому, доставляло необыкновенное удовольствіе сидѣть на небольшой балясинѣ, лицомъ къ лицу съ порывистымъ западникомъ, словно изо-всѣхъ силъ старавшимся сорвать внизъ лихого мальченку. Шляпенка

*) Сувой—толчея, морской водоворотъ.

**) Сосновецъ—островъ, опаснѣйшее мѣсто для судовъ и пароходовъ, плавающихъ въ сѣверныхъ моряхъ.

*

его давно сорвалась и запуталась въ переплетѣ толстыхъ канатовъ. Бѣлесоватые волосы развѣвались по вѣтру, то относясь назадъ, то захлестывая ему лицо. Глаза, отважно глядѣвшіе въ безоблачную даль, сіяли совершенно недѣтскою энергіей и силой.

— Митюшка, чортъ! Ползи внизъ!—заоралъ на него бронзовый атлетъ.

— Чи-иво?..

— Ступай внизъ, шельма.

— Не хо-чу!..

— Сичасъ ступай сюда.

— Я, дянька, не долго...

Ужъ и куда же ты, корабликъ, плывешь,
Ужъ и куда же ты, родимый, плывешь?
Я плыву, плыву въ богатый край,
Въ чужедальную лихую сторонушку...

Оралъ онъ, словно стараясь перекричать вѣтеръ.

— Эко дьяволъ. Митюшка, аль линька захотѣлось?..— И матросъ полѣзъ на мачту за пѣвцомъ. Зуекъ въ одно мгновенье повисъ на рукахъ и, раза два качнувшись, быстро прыгнулъ на толстый канатъ.

Спустя минуту, онъ уже возился по палубѣ, потѣшая экипажъ бойкими отвѣтами и дѣтскимъ задоромъ.

* *
*

Солнце величаво исчезло за горизонтомъ. Алая кайма охватила западъ, нѣжный розовый блескъ облилъ и синеву чистаго, безоблачнаго неба, и волнующуюся гладь океана. Казалось, волны колыхались и трепетали въ волшебномъ розовомъ сіяніи, изливавшемся оттуда, изъ того далекаго края, гдѣ послѣдніе отблески дня медленно гасли и блекли, ярко оттѣняя ровную черту морскаго простора отъ лазурнаго купола, опрокинувшагося надъ нимъ. Въ эти мгновенія благоговѣйное чувство царитъ въ душѣ одинокаго путника, окруженнаго со всѣхъ сторонъ неоглядною далью Сѣвернаго моря. Громаднымъ, необъятнымъ храмомъ кажутся ему и это море, и это небо. На западѣ, въ преддверіи таинственнаго алтаря, невидимый

и неслышимый пастырь медленно возноситъ безкровную жертву; волны замерли, слушая его тихую молитву,—а въ душѣ человѣка растутъ и растутъ дивные гимны, которымъ нѣтъ слова и образа.

Такъ утомленный пилигримъ, падая отъ изнеможенія, останавливается на порогѣ храма, къ которому онъ стремился, и съ блаженною благоговѣйною радостью внимаетъ торжественному слову истины, вѣщаемой ему оттуда.

Чувство покоя проникаетъ въ душу, словно и въ ней самой свѣтитъ такая же алая заря, кидая въ ея бездонныя, темныя бездны всеозаряющее сіяніе любви и мира.

А парусъ все уноситъ вдаль одинокую шкуну. Вотъ розовая полоска съузилась и пожелтѣла. Небосклонъ словно поблекъ и погасъ. Еще нѣсколько времени, и надъ моремъ повисъ день безъ солнца, ночь безъ тьмы. Утренніе сумерки болѣе теплыхъ странъ, когда туманы вздымаются надъ землею и, цѣпляясь за вѣтки высокихъ деревьевъ, уносятся все выше и выше, когда блѣдный день еще до зари вступаетъ въ свои права, когда зелень еще не сверкаетъ изумруднымъ блескомъ, а струи рѣки не отливаются золотисто-розовыми искрами—такъ похожи на полярную лѣтнюю ночь. Это улыбка спящей красавицы, улыбка, слабо озаряющая ея прелестное лицо въ то время, какъ чудныя лучистыя очи, придающія ему жизнь и яркость, закрыты, и только длинныя рѣсницы тонко оттѣняютъ ея поблѣднѣвшія ланиты...

Въ этомъ царствѣ сумеречнаго безсолнечнаго дня, въ этой области бѣлой беззвѣздной ночи, лишенной тьмы, тихо плыветъ одинокая шкуна, разрѣзывая волны острымъ и влажнымъ носомъ. Вахтенный уныло бродитъ съ конца въ конецъ по палубѣ, напѣвая тихую пѣсню, звуки которой какъ-то гармонично сливаются съ отдаленнымъ гуломъ и плескомъ набѣгающихъ волнъ...

* * *

— Что, небось, выползъ на вѣтеръ?—встрѣтилъ вахтенный небольшаго матросика, вышедшаго на корму.

— Не пора-то спится.

— Не пора-то! Ашшо бы ты цѣлый день на солнцѣ, что твой лысунъ *) дрыхнулъ.

— Далеко-ль до утрея?..

— Наспишси. Фатитъ времечка-то.

— Слышь, Ванюшка, ты который годъ покрутомъ бродишь?

— Семой.

— И все съ этимъ хозяиномъ?

— Ина! Хозяинъ-то нашъ годовъ шесть назадъ самъ въ покрутахъ былъ.

— Ину!

— Чего ину! Вмѣстѣ въ Норвегу плавали—знаю. И покрутъ-отъ плохенькій былъ. Работящій-то работящій—да не веселъ все...

— Какъ же этто изъ покрутовъ, въ хозяева произошолъ?

— Себя соблюлъ. Контрабандой промышлялъ. Главное, Сенька Безпалый—водки не пьетъ, табакомъ не занимается. Деньги-то у него въ карманѣ и остаются. Нашъ братъ съ промысла голышомъ ворочается—а онъ съ деньгами. Дай Богъ памяти! Второй годъ, какъ я въ покрученники пошелъ, такъ съ этимъ Сенькой и спознался. Славный парень былъ. Разъ этто мы съ нимъ въ Гавриловскомъ становищѣ, на Мурманѣ, треску промышляли, ярусами **). Ночка осенняя лазоревымъ свѣтомъ такъ и теплилась, словно дитя ласковое, на тебя улыбаючись, смотритъ. Выѣхали мы этта съ Сенькой ярусъ снимать. На одномъ карбасѣ плыли. Гляжу, не веселъ мой Сенька.

---

*) *Лысакъ*, или *лысунъ*—совершеннолѣтній самецъ тюлень. Самка его называется утельга.

*) *Ярусъ*—снарядъ, употребляемый для ловли трески, палтусины, пикшусы, сайбы, морскихъ налимовъ и щукъ. Онъ состоитъ изъ веревки, состоящей изъ 20—40 тюковъ; каждый изъ послѣднихъ заключаетъ три стоянки, т. е. веревочки въ 45 саженъ, съ привязанными къ нимъ чрезъ двѣ сажени подласками (оростяги). Къ послѣднимъ прикрѣпляются крючки (уды). Въ полномъ составѣ ярусъ бываетъ=2,700 и даже 5,000 саженямъ; къ концамъ и по срединѣ привязывается якорь буй, или кубасъ.

Потупился и молчитъ. Я было и пѣсню запѣлъ, да на первомъ припѣвѣ и оборвался. Сталъ шутки шутить—онъ еще и того пуще. Примолкъ и я. Мѣсяцъ надъ нами поднялся, каждую рябину на морѣ золотою искрой засвѣтилъ. Хорошо было... Долго этто молчали мы. Не говорилось. Словно душа въ тебѣ ушла куда-то... Быль старая такъ и ныла на сердцѣ. Глядь-поглядь, а у Сеньки изъ глазъ слезы такъ и брыжжутъ.

— Ополоумѣлъ, что-ли?—спрашиваю, а у самого грудь защемило.

— Ничего. Отойдетъ!—говоритъ.

Раскидываю я умомъ и туда, и сюда. О чемъ малому кручиниться? Ни у него родни, ни у него любезной. Великимъ постникомъ у насъ Сенька считался. Этта, чтобъ съ дѣвками пошалить, а то въ кабакъ—ни Боже мой! Сидимъ мы этта часъ; ночь, что дальше, то пуще разгорается. Звѣзды, крупныя-крупныя, словно просыпались по небу, такъ и блестятъ надъ нами, отливаются... За кормой слѣдокъ-отъ по водѣ—точно каменье самоцвѣтное блеститъ. Далеко, должно быть, кто-нибудь изъ ловцовъ пѣсню запѣлъ — такъ по всему морю и разнесло ее. Точно кто плачетъ, отъ лютой муки разрывается...

— Слушай, Митрій,—говоритъ Сенька,—тяжело мнѣ. Грудь изныла совсѣмъ!

— О чемъ?—спрашиваю.

— Марью знаешь?

— Это въ Чекуяхъ, что-ли?

— Тамъ.

— Какъ не знать Марью. Знаю. А Марья у насъ, милый человѣкъ, по всей волости, что твоя лебедка бѣлая величается. И силой, и красой взяла. Съ берега на Сѣдой островъ одна въ непогоду карбасомъ управитъ. У богатаго отца весь домъ ведетъ. А очи у нея—изъ-синя-синія. Заглядишься въ нихъ, такъ точно тебя въ глубь бездонную тянетъ. Была она просватана за Ванюшку темнаго, да не судьба, знать. На промыслѣ его, изъ Чер-

вяной—въ море унесло. Такъ и пропалъ человѣкъ. Наши поморы сказываютъ, нашли его у самой Матки мертвымъ. Со льдины сняли...

— А коли, говоритъ, знаешь Марью, такъ и горе мое тебѣ вѣдомо!

— Давно-ль спознался?

— А какъ Ванюшка сгибъ. Сказали ей, что онъ, помираючи, велѣлъ ей безпремѣнно за меня идти.

— Ну!

— Вѣрно. Да и я по ней третій годъ сохну. Первоначалу, какъ пошелъ я къ отцу ейному и открылся ему, онъ меня и ошарашилъ. Моей, говоритъ, дочери за покрутомъ не быть, не увянуть красѣ ея дѣвичьей за нищимъ. Мнѣ-то ты по нраву—трезвый человѣкъ, а только вотъ тебѣ послѣднее мое слово: заведи свое судно—и Марья твоя, а нѣтъ—такъ отвезу ее въ Суму или Сороку. Тамъ у меня женихи повыгляжены. Сказалъ я это Марьѣ—буду ждать, говоритъ. Съ той самой поры каждый грошъ хороню, за работой словно добрый конь, дохну.

Подивился я, никто по селу и не вѣдалъ этого.

— Неужли-жъ, спрашиваю, самъ хозяиномъ думаешь быть?

— А вотъ, какъ я думаю. Коли черезъ два года да не будетъ у меня своей шкуны—такъ я въ первую трясину кинусь. Потому безъ Марьи мнѣ не жить. И теперь, какъ она мимо пройдетъ, такъ меня всего полымемъ ожигаетъ. И сердце словно разорваться хочетъ. И воздуху мало—дышать нечѣмъ. Вотъ оно каково!..

Сказалъ и завернулся. И я, признаться, поглядѣлъ этто на небо синее, на звѣзды многоцвѣтныя, да и соспулъ. Только какъ Сенька завелъ свою шкуну, такъ и я понялъ, какая душа въ немъ сидитъ. Кремень человѣкъ. Слово его свято!

— Чего же онъ не женился?

— А это, милый человѣкъ, особь статья. Завелъ онъ шкуну и пошелъ къ Марьиному отцу. Тотъ ничего, встрѣтилъ его ласково. Твоя, говоритъ, Марья, только покажи

ты сначала удаль свою молодецкую. Нонѣшнее лѣто, по нашимъ примѣтамъ, Матку *) ото льду поочистило. Поѣзжай на промыселъ. Вернешься, и свадьбу сыграемъ. Богатые-то жадны, вишь. Самъ надъ деньгами своими дохнетъ—да и еще хочетъ—Іудина душа. Сенька сначала хотѣлъ взять Марью уводомъ **) да подумалъ и рукой махнулъ. На Грумантъ, говоритъ, хаживалъ—а Матка что! Плевое дѣло. Вотъ и поползмъ!

Тишина.

Волны, круто выгибаясь, несутъ шкуну впередъ и впередъ. По небу расползлась сѣрая тучка и застыла. Вотъ мимо судна проколыхался корявый, громадный корень, вырванный изъ какого-нибудь берега внезапно налетѣвшею бурей... Вонъ цѣлое стадо жирной трески, плывущей на завѣтныя руна метать икру, показалось вправо, но тотчасъ же погрузилось въ воду при видѣ мачтъ и паруса.

И снова мертвая пустыня катитъ на всемъ своемъ просторѣ темно-зеленые валы, и снова только ихъ глухой ропотъ и плескъ нарушаютъ величавое молчаніе океана.

— Дорофей, вставай, чего осовѣлъ. Аль всю ночь думаешь проморить меня на вахтѣ? Ишь нерпа ***) толстомясая!

— Нешто мой чередъ?

— Нѣтъ, родителевъ твоихъ. Ступай, ступай... Теплынь—не прозябнешь!

Спустя минуту, послышалась долгая - долгая пѣсня вахтеннаго. Та пѣсня, слушая которую, плачетъ и томится душа человѣка. Каждый звукъ ея—слеза наболѣвшаго сердца, каждый гремучій порывъ словно разрываетъ грудь своею недужною силой. Точно вся безконечная даль проникнута этою великою тоскою, точно нѣтъ ей конца

---

*) *Матка*—Новая-Земля.

**) Въ Архангельской губерніи водится обычай уводить невѣстъ. Такая свадьба называется *уводомъ*, или *увозомъ*.

***) *Нерпа*—обыкновенный тюлень (Phoca hispida. Fabricius).

.. ..схода, и замретъ она, вмѣстѣ съ пѣвцомъ, въ бездонной пучинѣ... Но вотъ тише и тише... Послѣдняя медленная долгая нотка звенитъ въ воздухѣ, и стынетъ, и гаснетъ, какъ-то скорбно сливаясь съ монотоннымъ плескомъ отовсюду набѣгающихъ волнъ.

Долго еще въ ушахъ слышится какой-то стонъ, словно и море, и небо отзывчиво откликнулись на великую кручину человѣческаго сердца.

* *
*

Утро. Та же алая заря, тѣ же багряные отблески морскихъ валовъ, неудержимо ревущихъ вокругъ одинокаго судна. Попутничекъ надуваетъ бѣлый парусъ, унося шкуну въ невѣдомую таинственную даль, въ ту область льдовъ и неизвѣстныхъ водъ, гдѣ среди вѣчнаго безмолвія подымаются на безлюдьѣ громадные континенты Новой Земли, одно имя которой заставляетъ порывисто и радостно биться сердце предпріимчиваго сѣвернаго промышленника.

— Дядя, а дядя!—приставалъ зуекъ къ бронзовому атлету, невозмутимо курившему махорку у мачты.

— Чего тебѣ?

— Бывалъ ты на Маткѣ?

— Вона, разовъ пять бывалъ.

— Пя-ать?..

— Да.

— Чтожъ, хорошо тамъ?..

— Чего хорошо. Голомя земля—камень—только и всего. Далеко отъ берега мы, признаться, не заходили, въ глубь никто еще изъ нашихъ и не пускался. Потому—страсть!

— Что дальше-то?

— А Богъ е знаетъ, что. Разъ я этто по рѣчкѣ, Веснухой прозывается, поднялся повыше—только одинъ камень и видѣлъ. Развѣ въ рѣдкость гдѣ мошокъ зеленѣетъ на днищахъ. Олени есть дикіе. Стрѣляй, коли ружье съ собой. А то и на ошкуя *) нарвешьси—тогда

*) *Ошкуй*—бѣлый медвѣдь.

бѣги. Потому одинъ не совладаешь съ нимъ. Ошкуй звѣрь умный, нашего брата тонко произошелъ!

На безконечномъ просторѣ пустыннаго океана показалась вдали какая-то темная масса. Вокругъ нея, казалось, лежалъ еще сѣрый туманъ, такъ неопредѣленны были ея очертанія. Она какъ-то странно нарушала общее однообразіе алаго, охваченнаго мерцающимъ свѣтомъ зари, горизонта, на которомъ еще не прорѣзывались золотыя стрѣлы яркаго солнца. Матросы мало обращали вниманія на этотъ предметъ, хотя шкуна плыла прямо на него.

— Дядя, что это?—спрашивалъ зуекъ.

— Ничего, увидишь! Мимо пройдемъ!

Въ одно мгновеніе мальчонко, какъ бѣлка, взобрался на мачту и усѣлся тамъ, лицомъ къ востоку, не спуская глазъ съ туманной массы. Вотъ алая полоса вся засвѣтилась золотистымъ блескомъ. Яркія золотыя стрѣлы вѣнцомъ легли на ней, словно лучась вокругъ головы невѣдомаго божества, медленно подымавшагося надъ пустынною гладью океана. Выше и выше, до самаго зенита прорѣзались желтоватые тоны, охватывая собою еще недавно блѣдную лазурь недосягаемыхъ высей. Одна минута—и ослѣпительный, рѣжущій глаза дискъ солнца облилъ растопленнымъ золотомъ окраину и дикаго моря, и небо, по которому, переливаясь всѣми цвѣтами радуги и словно загораясь, плыла одинокая тучка.

Великое божество поднялось надъ міромъ вѣчныхъ волнъ, разливая свѣтъ и жизнь по неоглядному простору, гдѣ на тысячи миль одна отъ другой затерялись утлыя шкуны поморскихъ рыболововъ. На каждой изъ нихъ въ эту минуту слышится горячая молитва. Обнажаются усталыя головы, знаменіемъ креста складываются рабочія руки, и слова мира, любви и вѣры кроткимъ свѣтомъ озаряютъ загрубѣвшихъ въ вѣчномъ и неустанномъ трудѣ промышленниковъ этого глухого и дикаго угла.

Съ появленіемъ солнца, туманъ, густою шапкой висѣвшій надъ замѣченною нашими моряками массой, дрогнулъ, поднялся и повисъ надъ нею медленно колыхавшимся

куполомъ. Шире и шире раздвигались края его, неопредѣленнѣе становились очертанія, и, немного спустя, сѣрая мгла расползлась въ утреннемъ воздухѣ, не оставивъ даже слѣда на золотистомъ фонѣ словно пробудившагося моря. Загадочная масса оказалась одинокимъ каменнымъ островомъ, круто подставившимъ свою гранитную грудь безпощаднымъ ударамъ величавой стихіи, то вздымавшейся до его острыхъ вершинъ, то покорно лизавшей его подножія. Островъ въ эту минуту особенно тонко и ясно обрисовался на горизонтѣ. Онъ состоялъ изъ цѣлой груды утесовъ, возносившихся одинъ надъ другимъ и увѣнчанныхъ величавою скалою, голая поверхность которой, какъ маякъ этой пустыни, какъ знамя воскресшаго дня, сіяла на солнцѣ ослѣпительнымъ блескомъ, оставляя всю массу острова въ густой, почти черной тьмѣ. Переливы свѣта и тѣни лучились и мѣнялись каждую секунду. Казалось, что изъ расщелинъ и трещинъ этого утеса то вспыхивало яркое пламя, то разливалось радужное сіяніе, то струились цѣлые потоки серебрянаго, глаза утомлявшаго свѣта. Какъ драгоцѣнный алмазъ царственной короны властелина, сіяла его острая вершина, окруженная ореоломъ собственнаго блеска.

— Ну, что, Митюшка, видѣлъ?

— Видѣлъ,—откликнулся зуекъ.—Хорошо!

— Лепехинъ-Камень прозывается — помни. Осенью, какъ назадъ будемъ идти—опасно. Туманъ—ничего не видать. Случается, что и аглецкіе корабли тутъ разбивало, потому съ голоменской *) стороны сувой здѣсь. Что твою щепку закрутитъ и внизъ сейчасъ — въ чортову дыру. Не мало у этого камня нашего брата загибло. Такъ безъ вѣсти и пропадаютъ, потому отъ шкуны и мусора не останется—все море глотаетъ!

— Къ острову пристаютъ, чай?

— Вонъ съ этой стороны пристаютъ, когда досужно. Что въ емъ толку, ни человѣка, ни звѣрья. Только одинъ

---

*) Голомя—открытое море.

гагарки. А и много же ихъ бываетъ. Помню я этто, еще зуйкомъ присталъ разъ къ Лепехину, такъ некуда ноги поставить было отъ птицъ этихъ. Теперь, поди, менѣй стало, потому яйца собираемъ—выводковъ и нѣтъ!

По мѣрѣ приближенія шкуны, Лепехинъ-Камень, видимо, гасъ: казалось, что разложенный въ неоглядной степи костеръ глохнетъ мало-по-малу подъ сѣрымъ пепломъ. Только вершина конечнаго утеса лучилась еще и сіяла, когда судно проходило мимо этого острова. Въ эту минуту онъ, какъ на ладони, обрисовался трепавшемуся на мачтѣ зуйку. Весь онъ былъ прорѣзанъ трещинами и расщелинами, зигзагами змѣившимися на каменной поверхности. Черное ущелье, образованное двумя совершенно вертикальными стѣнами, клочокъ жалкой зелени, да нѣсколько приземистыхъ сосенъ разнообразили унылое величіе этого глухого угла. Длинный гранитный мысъ, скудно покрытый ягелемъ и тальникомъ, залегъ далеко въ океанъ, подымаясь изъ нѣдръ его величавою, обмытою и изглаженною волнами твердыней. Еще издали слышался глухой шумъ валовъ, безсильно разбивавшихся въ бѣлую пѣну о гранитные выступы суроваго берега. Съ бѣшенымъ ревомъ налетали они на передовые форпосты враждебной имъ массы и падали внизъ, пораженные, съ визгливымъ злобнымъ ропотомъ жалуясь на роковой исходъ вѣчной битвы. За ними шли другіе, третьи — до безконечности, словно море хотѣло истощить всѣ свои неисчислимыя рати, прежде чѣмъ отступиться отъ этой борьбы. Дальше слышался рѣзкій и тонкій отголосокъ воды, измѣнически прососавшейся сквозь воронкообразную расщелину въ самое сердце врага и подмывавшей тамъ его гранитныя твердыни.

Вѣчный неумолкаемый гулъ стоялъ надъ этимъ мѣстомъ... Еще болѣе громкій ревъ слышался съ сѣверной стороны камня, гдѣ волны бились между собою, образуя междоусобной свалкой — опасный для судовъ сувой или толчею.

Шкуна медленно и осторожно прошла мимо, далеко

минуя опасные выступы береговыхъ окраинъ. Такъ въ зеленой чащѣ густого лѣса трусливая лисица обходитъ залегшаго тамъ медвѣдя, чутко подхватывая ровное урчаніе отдыхающаго звѣря.

Еще нѣсколько времени, и опять на ровномъ, неоглядномъ просторѣ океана, окружавшаго судно, нельзя было примѣтить ни одного клочка земли, ни одного утеса. Только синія волны, да синее небо, океанъ надъ океаномъ, между которыми, какъ запуганная птица, билась и ползла ничтожная щепка, съ горстью людей, въ сердцѣ которыхъ ширился и уходилъ въ безконечность третій океанъ—океанъ надеждъ, желаній, любви и сомнѣній. И здѣсь бушуютъ свои великія бури, кровью обливаются людскія страданія, и только изрѣдка свѣтлая мечта, какъ озаренная яркимъ солнцемъ чайка, быстро витаетъ надъ міромъ вѣчной борьбы и вѣчной скорби.

Гдѣ больше бурь и битвъ? Тамъ-ли, гдѣ гибнутъ сотни судовъ, гдѣ подъ напоромъ вѣчныхъ волнъ падаютъ утесы—или тамъ, гдѣ каждую секунду крушатся лучшія вѣрованія, завѣтныя надежды и свѣтозарныя думы?

Сердце человѣка! Кто осмѣлится пуститься въ твою неоглядную даль, довѣряясь плѣнительному покою озаренныхъ солнцемъ гладей, мирному шопоту едва колыхающихся струй! Одна минута — налетитъ бѣшеный вихрь страсти, и вздымается это, еще недавно ласковое, море, съ ревомъ тигра, сокрушая и силу, и счастье. Темныя тучи скопляются надъ нимъ, выбрасывая во тьму изъ чудовищныхъ нѣдръ своихъ миріады молній, и только кроткій свѣтъ любви порою прорѣзываетъ ихъ безформенныя массы, какъ мечтательный лучъ мѣсяца, пронизавъ тучи, отражается блѣдною полосою на безграничномъ просторѣ океана.

Но Ferward, смѣлый путникъ! Пусть эта блѣдная и слабая любовь будетъ твоимъ компасомъ, плыви по слѣду этого колеблющагося отблеска луны, и ты скоро выйдешь въ одинокую покойную бухту, охваченную роскошнымъ поясомъ тропическаго острова. Тамъ привѣтливо колышутся

вершины кокосовыхъ пальмъ, хрустальные ручьи прорѣзываютъ луга, сверкающіе тысячами благовонныхъ цвѣтовъ, и подъ безмятежнымъ голубымъ небомъ дивными сочетаніями разносятся вольныя пѣсни еще не слышанныхъ тобою птицъ.

Тамъ, на мягкой муравѣ, у входа въ заманчивый, прохладный, обвитый яркимъ пурпуромъ орхидейныхъ растеній гротъ, ждетъ тебя вѣчно юная красавица—счастье. Ласковый взоръ ея подернулся влагою нѣги, цѣлыя волны роскошныхъ, распущенныхъ волосъ обрамили это бѣлое, полное блеска и жизни тѣло, каждый фибръ, каждый нервъ котораго дышетъ желаньемъ и страстью... Посмотри, она протянула къ тебѣ свои дивныя руки, горячія коралловыя уста шепчутъ тебѣ рѣчь любви, а высокая знойная грудь вся колышется и волнуется!.. Приложи ухо къ ея сердцу — какъ оно бьется! И замри-замри, счастливецъ, миновавшій бури и грозы, среди которыхъ безслѣдно гибнутъ титаны мысли, доблести и силы...

* *
*

Около полудня далеко на западѣ показалась темная точка, она росла и росла, пока бывшіе на шкунѣ матросы не отличили на ней едва замѣтные очерки мачтъ и парусовъ.

— Судно?

— Наше?

— Не похоже. Легко идетъ. Норвецкая шкуна, должно быть.

— Ишь, и въ эти воды забрались, проклятые!

— Съ Мурмана, поди, плыветъ?

— Да! тамъ отъ лучшихъ мѣстовъ насъ отвадили, да и сюда заползаютъ, черти!

— Нашъ братъ дуракъ. Подъ носомъ у насъ китовъ бьютъ, а мы глядимъ, да зѣваемъ!

— Бывалъ я на Мурманѣ. Знаю. Они артелью ходятъ— а наши лѣтники одиночками, ну, и не совладать, хоть въ драку лѣзь!

— Ноне, говорятъ, наши пароходы пойдутъ!

— Сейчасъ, будутъ!

— То-то, не больно ловко и имъ. Тоже начальство станетъ ѣздить.

— Начальство?.. Начальство, парень, промежъ глазъ видитъ... Разъ проѣдетъ—а потомъ и на спокой!

— Годка три назадъ выглядѣлъ я себѣ около Могильной бухты мѣстечко—что твоя пашня богатая. Рыбы этой кишмя кишѣло. Мы съ Афонькой Шустрымъ да съ Бѣловымъ ярусъ закидывали. Што-жъ, вѣдь, отвадили норвежане проклятые. Цѣлой гурьбой приплыли. Пробовали мы поладить—куда тебѣ. Такъ силкомъ и погнали, какъ барановъ.

— У Петра Сорельскаго и карбасъ разбили!

— Счастливъ, что самъ-то ноги унесъ!

Норвежская шкуна близилась. Теперь легко можно было разсмотрѣть, что она спеціально приспособлена была къ ловлѣ китовъ и акулъ. На верхушкѣ главной ея мачты былъ прикрѣпленъ небольшой боченокъ, въ которомъ сидѣлъ сторожевой матросъ, зорко оглядывавшій окрестность.

— Рыба есть?—крикнули съ палубы поморамъ, хорошо понимавшимъ норвежскій языкъ.

— Есть!

— Мѣняете?

— На что?

— На ромъ?

— Проваливай!—звонко отчеканилъ по-русски хозяинъ и круто повернулся.

Норвежцы въ становищахъ Мурманскаго берега обыкновенно мѣняютъ свой контрабандный ромъ на рыбу русскаго улова. Вслѣдствіе этого цѣлыя промысловыя партіи русскихъ ловцовъ окончательно издерживаютъ всѣ свои запасы и возвращаются домой голяками.

Шкуна медленно проплыла мимо поморскаго судна.

Спустя минуту, съ верхушки ея мачты послышался рѣзкій крикъ, и тотчасъ же на ея палубу собрался весь

наличный составъ ея экипажа. Поморы заинтересовались этою сценой.

— Моржей, должно, замѣтили!

— Гдѣ, гдѣ?—слышалось отовсюду.

Вѣрный своимъ привычкамъ, зуекъ уже былъ на мачтѣ и высматривалъ оттуда. Передъ нимъ и шкуна, и море отчетливо рисовались, со всѣми подробностями оживленной дѣятельности, наступившей тотчасъ же за призывнымъ крикомъ сторожевого матроса. Издали, въ плавно вздымавшихся волнахъ, рисовались какія-то неопредѣленныя очертанія. Словно надъ ними подымались и опускались округленныя массы неясно различаемыхъ тѣлъ. Съ норвежской шкуны спустили лодку, въ которую сѣло нѣсколько охотниковъ. На носу ея стоялъ рослый и ловкій гарпунщикъ съ острогою въ рукахъ. Лодка тихо отплыла. Ровно взмахивали надъ водою бѣлыя весла; за кормою прямою серебристою полосою ложился узкій слѣдъ, энергично и бойко звучала громкая команда рулевого.

Вотъ зуекъ сталъ различать круглыя головы моржей, плывшихъ прямо на лодку. Изрѣдка яркіе лучи солнца позволяли разсмотрѣть бѣлые, опускавшіеся внизъ клыки и неуклюжія тѣла этихъ обитателей водныхъ пустынь. Тихо подвигались они впередъ, преслѣдуя стада мелкой рыбы, завлекающей ихъ иногда въ глубокія и обитаемыя бухты сѣвернаго побережья.

Послышался рѣзкій отчетливый крикъ и, свистнувъ высоко въ воздухѣ, гарпунъ впился въ тѣло передового моржа. Вокругъ него море обагрилось алою кровью. Стадо на минуту дрогнуло и тотчасъ же кинулось за раненымъ животнымъ, увлекавшимъ за собою лодку. Ремень, къ которому былъ привязанъ гарпунъ, быстро развивался. На носу шлюпки по прежнему ярко обрисовывалась стройная фигура промышленника, который, едва наклонясь впередъ, зорко слѣдилъ за движеніемъ стада. Еще нѣсколько разъ повторился этотъ маневръ, и ловля скоро приняла характеръ правильной битвы.

Солнце поднялось уже высоко. Густая лазурь неба по-

дернулась кое-гдѣ тѣми перистыми бѣлыми облаками, которыя такъ похожи на крылья невидимыхъ ангеловъ, парящихъ надъ міромъ вѣчной суеты и страданій. Вся полоса моря, на которой происходила ловля, была охвачена яркимъ сіяніемъ. Волны горѣли серебрянымъ огнемъ. Зуекъ поминутно жмурилъ глаза, слезившіеся отъ боли. Стройный корпусъ норвежской шкуны только одинъ выдавался изъ этого солнечнаго круга; онъ казался совершенно чернымъ пятномъ въ области свѣта.

Но вотъ лодка, преслѣдовавшая моржей, выдвинулась изъ этой ослѣпляющей черты. Сначала показался носъ съ стройнымъ силуэтомъ гарпунщика, потомъ обрисовалась и вся она. Зуекъ, затаивъ дыханіе, слѣдилъ за этою борьбою. Вдругъ онъ простоналъ и замеръ, какъ зачарованный. Одинъ изъ моржей подобрался къ самой кормѣ и быстрымъ ударомъ чуть не опрокинулъ легкую лодку. Спустя секунду, онъ былъ уже по срединѣ шлюпки, весь экипажъ которой быстро кинулся въ воду и, держась за края борта, старался выгнать оттуда незваннаго гостя.

Слышались рѣзкіе крики. На шкунѣ замѣтили опасное положеніе промышленниковъ. Имъ послали еще одну лодку, и скоро несчастный моржъ изъ преслѣдователя сталъ самъ преслѣдуемымъ. Тщетно онъ старался выбраться въ воду,—на каждомъ шагу, на каждомъ движеніи его ловили норвежцы. Вотъ надъ самой головой его поднялся ловкій гарпунщикъ, какъ молнія, сверкнула въ воздухѣ желѣзомъ окованная дубинка, и животное пало подъ этимъ ударомъ. На одну минуту въ воздухѣ замеръ побѣдный крикъ экипажа, и снова началась ожесточенная битва, покрывшая кровью это еще недавно ослѣпительнымъ свѣтомъ сіявшее море.

Скоро норвежская шкуна исчезла позади, медленно колыхаясь на волнахъ. Зуекъ долго слѣдилъ за этою черною точкой. Вотъ она ужъ едва замѣтна, вотъ уже ровная свѣтлоголубая полоса небосклона легла тамъ, гдѣ разыгралась одна изъ кровавыхъ сценъ морской драмы.

* * *

Тучка за тучкой ползетъ по небу, кидая на голубую зыбь легкую, перебѣгающую тѣнь. Вотъ небольшое облако повисло подъ солнцемъ и ярко, какъ раздутый уголь, вспыхнуло по окраинамъ. Далеко на сѣверѣ море отливается искрами — а здѣсь оно словно подернуто легкою дымкой. Широкія волны оставляли въ тѣни громадную площадь водяного простора. Снова свободно засіяло солнце, погасшее облако потянулось по вѣтру и, чуть-чуть скользя, слилось съ другимъ.

Безконечная даль опять охвачена блескомъ. Въ первый разъ шкунѣ встрѣтилась небольшая ледяная глыба. Медленно колыхаясь, она уносилась въ теплыя воды запада, тая подъ лучами солнца. Бѣлая чайка быстро опустилась на самый край ея. Вотъ она безпокойно оглядѣлась на судно. Рѣзкій непріятный крикъ ея повисъ въ воздухѣ и замеръ. Спустя нѣсколько минутъ, льдина слилась съ бѣлыми гребнями словно оперенныхъ волнъ.

Молодой хозяинъ шкуны легъ на палубѣ, закинувъ руки подъ голову. Прямо надъ нимъ сіяла голубая высь, ползли свѣтлыя, словно колеблемыя волнами, облака, сверкало порою крыло арктической птицы.

Безучастно глядѣлъ онъ на безконечный просторъ—и ничего не видѣлъ. За то, какъ широко были раскрыты его духовныя очи, какія яркія картины рисовались передъ нимъ, подъ ровный однообразный гулъ и плескъ тихо подступавшихъ валовъ.

Лѣсная глушь видится ему!

Словно колоннада невѣдомаго храма, высоко поднялись столпы могучихъ сосенъ, поддерживая своими капителями своды лазурнаго купола. Какъ тихо, сочно, холодно, темно въ ихъ тѣни! Взгляните на верхъ, какими прихотливыми арабесками переплелись тамъ на вышинѣ крупныя вѣтви лѣсныхъ великановъ. А внизу какъ мягокъ мохъ, какъ нѣжны и зелены его опускающіяся подъ ногами подушки! Какое величавое молчаніе, какое таинственное спокойствіе силы разлито всюду! Только порою съ тихимъ свистомъ падаютъ сверху сосновыя шишки, уходя глубоко въ мо-

ховую массу, да слышится громкій крикъ одинокой птицы, пугливо и робко замирающій въ воздухѣ.

А вотъ и лѣсная поляна. Тѣсно обступили ее со всѣхъ сторонъ пограничныя сосны, протянувъ надъ нею длинныя вѣтви и словно благословляя эту обитель мира и покоя. На самой серединѣ ея лежитъ, спаленное молніей, дерево; обугленный, черный трупъ его безпомощно погрузился въ мохъ...

Да, это то самое дерево, гдѣ въ послѣдній разъ онъ прощался съ своею бѣлой лебедкой, съ своею желанною Марьей.

Могучая, какъ сѣверъ, рослая дочь бѣломорскаго побережья, окрѣпшая въ туманахъ и буряхъ неоглядпаго простора дикихъ валовъ,—она пришла къ нему сюда съ ясною улыбкой, съ любовнымъ словомъ, съ звонкою пѣсней и яркою шуткой. Какъ свѣтились ея бездонныя голубыя очи, какъ смѣялись крупныя алыя губы, какъ роскошно на бѣлыя плечи ложилась русая коса дѣвушки.

Что-то дрогнуло и, какъ струна, затрепетало въ его сердцѣ. Онъ порывисто вытянулся и судорожно страстно протянулъ руки впередъ, словно обнимая ими кого-то. Какою нѣгой озарилось это суровое лицо, съ крупными чертами, смѣлыми, изъ-подъ самыхъ бровей глядѣвшими, глазами.

Новая минута и новыя картины.

Сколько онъ перенесъ за нее, какъ работали эти могучія руки, какъ много страдало это сильное, въ борьбѣ съ бурями загрубѣвшее, сердце. Вотъ гранитные, черные берега Норвегіи, увѣнчанные кое-гдѣ березами и елями. Грандіозно и живописно поднимаются далѣе къ сѣверу эти каменистыя массы, крупными уступами обрываясь въ море, глухо шумящее у ихъ колоссальныхъ подножій. Сквозь разорвавшійся покровъ тумана видны порой пѣнистыя волны, мѣрно бѣгущія къ угрюмымъ берегамъ, гдѣ, одинокій пловецъ, — онъ таился въ уединенныхъ бухтахъ, промышляя контрабандой. Вотъ людныя пристани Архангельска. Бѣлою длинною полосою тянутся, озаренные лѣтнимъ солнцемъ, дома безконечной набережной. Ярко

играютъ лучи на куполахъ и крестахъ церквей, кое-гдѣ обступившихъ берегъ, въ струяхъ сѣверной красавицы Двины, разлившейся на привольномъ просторѣ. Тихо колышатся сотни судовъ и людей на покойной поверхности рѣки, отражаясь въ ея зеркалѣ каждой мачтой, каждымъ канатомъ. Уродливыя, неуклюжія верховскія барки скрипятъ, тутъ же вытянувшись у берега прямыми линіями. Гдѣ-то, какъ вольная птица, взвилась громкая пѣсня сторожевого судорабочаго, и вьется она, и трепещетъ въ свѣту и теплѣ, пробуя свои молодыя крылья.

И тутъ таился онъ, съ контрабандой, въ тихія, бѣлыя ночи сбываемой на берегъ.

И много, много картинъ проносится передъ нимъ въ эти минуты.

Вотъ въ первый разъ спущена въ воду его небольшая шкуна. Гордо вьется по вѣтру флагъ ея, смѣло и отважно рѣжетъ она пѣнистыя волны, граціозно змѣится за ея кормою серебристый слѣдъ. Вотъ слышится его команда, его первая команда. Изъ жалкихъ покрутовъ онъ сталъ хозяиномъ. Долгіе годы труда, отважныя до безумія предпріятія вознаграждены. Забыты и бухты Норвегіи, и пустыни отдаленнаго Груманта... Еще одна смѣлая битва— и Марья его; еще одно рискованное дѣло, и онъ отдохнетъ въ мирной гавани, ничѣмъ не рискуя, ничего не теряя. Опять онъ потянулся и съ порывистымъ, судорожнымъ трепетомъ обнялъ кого-то.

— Вставай, хозяинъ!—прозвучало надъ нимъ.—Жировецъ скоро!

Какъ ужаленный, вскочилъ онъ и зорко оглянулъ окрестность.

Морскую даль заволакивало туманомъ. Бѣлые клубы его уже достигали шкуны, съ каждой минутой все болѣе и болѣе погружавшейся въ эту однообразную дымчатую массу... Что-то влажное, непріятное носилось въ воздухѣ, гдѣ-то въ сторонѣ слышался бѣшеный ревъ разбившихся другъ о друга валовъ, и рисовались какія-то неопредѣленныя сѣрыя очертанія!

— Господи спаси! — тихо проговорилъ онъ и бодро сталъ посреди скучившагося экипажа.

Шкуна медленно подвигалась въ туманѣ.

* * *

Шкуна медленно подвигалась въ туманѣ. Мгла, казалось, ползла со всѣхъ сторонъ. Неба не стало видно. Направо и налѣво, впереди и позади клубился сѣрый паръ, накрывшій, какъ шапкою, всю эту мѣстность. Матросы, стоявшіе на кормѣ, не различали тѣхъ, кто былъ на носу судна. Верхушки мачтъ исчезали, словно охваченныя тучей... За бортомъ едва можно было разсмотрѣть бѣлую пѣнистую массу моря, сажени на двѣ отъ шкуны. Какъ-то глухо раздавались голоса экипажа, какъ-то потерянно звучала команда.

Шкуна медленно подвигалась въ туманѣ. Порою вѣтеръ разрывалъ его, и передъ глазами этой горсти людей, затерянныхъ среди враждебной имъ стихіи, являлась громадная полоса уже не волнъ, а какихъ-то обрывковъ, лоскутьевъ морской пѣны, высоко поднимавшихся надъ водою. Валы набѣгали одни на другіе, разбивались въ дребезги, взаимно поглощая другъ друга, острыми и длинными гребнями вздымаясь выше мачтъ и съ глухимъ бѣшенымъ ревомъ обрушивались внизъ въ бездны, вырытыя ими же. Виднѣлся только хаосъ первозданный. Что-то смятенное, мѣшающееся, бушующее, могучее...

Шкуна, какъ прежде, плыла въ туманѣ... Порою она встрѣчалась съ упругою грудью громаднаго вала; казалось, она навзничь опрокинется отъ ужаснаго удара. На одинъ мигъ она почти отвѣсно становилась въ воздухѣ и вдругъ съ страшною быстротою падала, чтобы тотчасъ же, также отвѣсно, подняться другимъ концомъ своимъ... То ее качало вправо и влѣво. Нѣсколько разъ борта ее черпали воду... Бѣшенная волна прокатилась по палубѣ и смыла въ море неосторожнаго матроса. Сквозь ревъ валовъ послышался долгій мучительный крикъ... Еще и еще... Тише и тише... И замеръ въ отдаленіи. Человѣка не стало...

Другіе перекрестились и угрюмо принялись за пріостановленную работу. Еще другой валъ съ противоположной стороны лизнулъ шкуну и съ гремучимъ трескомъ упалъ за кормою.

Шкуна шла, подвигаясь въ туманѣ. Чу... заскрипѣло!.. Обломокъ мачты вмѣстѣ съ канатами и парусомъ медленно повисъ надъ палубой, страшно раскачиваясь въ воздухѣ и задѣвая матросовъ... Вотъ словно голосъ вождя, что-то прогремѣло въ сторонѣ, какъ откликъ невидимыхъ ратей пронесся безумный, бѣшеный, оглушительный ревъ вихря и моря... На одну секунду, какъ подброшенное, судно, поднятое волнами, осталось въ воздухѣ и грузно упало внизъ, дрогнувъ всѣмъ корпусомъ и застонавъ, какъ живое!..

Шкуну окружалъ все тотъ же туманъ... Казалось, воздушный шаръ попалъ въ страшную тучевую бурю.. Вокругъ него мечутся, сталкиваютси, сливаются и разрываются чудовищныя массы безобразныхъ амфибій неба—тучъ... Подъ нимъ нѣтъ опоры... Онъ повисъ въ воздухѣ и, покорный вѣтру, прорѣзываетъ эту сѣрую, молніеносную стихію... Вотъ надъ однимъ бортомъ, зеленоватою, сверху оперенною, стѣною, поднялась мгновенно и мгновенно упала морская гряда. Вотъ съ обѣихъ сторонъ судна взвились двѣ такія же, одна на другую идущія рати, столкнулись, какъ щепку бросили его кверху, разбились, и шкуна завертѣлась въ внезапно образовавшемся водоворотѣ.

Шкуна боролась, окруженная туманомъ. Какъ самыя низкія басовыя трубы громаднаго стихійнаго органа, цѣлый вихрь, цѣлый адъ звуковъ носился кругомъ, казалось, что косматыя чудовища этого дикаго моря злобно осмѣивали напрасное могущество горделивыхъ созданій, осмѣлившихся попирать ихъ зеленовато-синія, бѣлыми гривами увѣнчанныя выси. На этомъ торжествѣ демоновъ, темныхъ духовъ бездонной бездны, приносилась кровавая жертва невѣдомому мрачному божеству, величавыя и грозныя очертанія котораго какъ будто появлялись порою въ сѣрой массѣ влажнаго и холоднаго тумана...

Шкуна мечется и трещитъ!.. Послѣдній разъ она съ неудержимою силой рванулась впередъ—и насталъ великій часъ жертвоприношенія... Двѣ гряды, гораздо выше и темнѣе прежнихъ, ринулись одна на другую, высоко приподняли щепку съ горстью людей и мгновенно, быстрѣе молніи, сбросили ее на острыя скалы, одиноко торчавшія вровень съ волнами, въ бѣшеномъ центрѣ этого сувоя... Что-то затрещало... Потомъ послышался отчаянный вопль человѣка... Не то безумное проклятіе, не то мольба... И все замерло въ гнѣвномъ ревѣ бури. Шкуна остановилась на мѣстѣ.

Шкуна остановилась на мѣстѣ. Вотъ налетѣлъ мощный шквалъ и сорвалъ мачту... другой обломалъ носовую часть судна. Вода съ воровскимъ, подлымъ пискомъ просачивалась снизу, тамъ, гдѣ остріе скалы, какъ копье безпощаднаго врага, засѣло въ бедрѣ несчастнаго судна. Вотъ громадный валъ повернулъ его на дикомъ камнѣ, какъ колесо вокругъ оси... А волны все бьютъ... Рать за ратью бѣшено несется на корму, сѣдыя гривы кидаются на приступъ, словно изъ бездонныхъ безднъ являются каждый мигъ новые и новые табуны дикихъ коней, взлетающихъ на это жалкое судно.

Шкуна остановилась на мѣстѣ.

— Братцы, на лодку!—И бронзовый атлетъ, одной рукою держась за канатъ, сталъ отвязывать другою шлюпку, привязанную къ кормѣ.

— Къ лодкѣ!—отозвались другіе и съ эгоизмомъ отчаянія кинулись къ ней, не думая о другихъ.

— Хозяинъ! Гдѣ онъ?—позвалъ кто-то...

Охвативъ, словно окаменѣвшей рукою, остатокъ толстой мачты, молодой парень неподвижно стоялъ, глядя безумными глазами на разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, на этотъ конечный неожиданный актъ его морской драмы...

— Хозяинъ, въ лодку!—звалъ его экипажъ...

Также неподвижно смотрѣлъ онъ впередъ... Только грудь высоко подымалась, словно разрывалось въ ней могучее сердце, отъ боли великой, отъ тоски лютой...

— Хозяинъ!—подобрался къ нему атлетъ. —Иди съ нами...

Молчаніе...

— Слышишь меня, хозяинъ?..

То же.

Онъ попробовалъ оторвать его отъ мачты... Хозяинъ и не оглянулся на него.

— Закостенѣлъ!—рѣшилъ матросъ и пошелъ прочь, робко глядя въ землю.

— Садись, братцы!—робко проговорилъ кто-то, и спущенная, подбрасываемая волнами лодка наполнилась.

— Стой!—Сѣвшій прежде старикъ вышелъ и направился къ хозяину.

— Семенъ... а, Семенъ! Христосъ съ тобою, опамятуйся...

Молчаніе. Только шире и шире раскрываются неподвижные глаза закостенѣвшаго человѣка, только черныя кудри хлещутъ по безумному, обрызганному крупными каплями воды лицу; да еще выше волнуется широкая желѣзная грудь.

— Семенъ, иди съ нами!

— Оставь... не... и... ду...—словно прохрипѣлъ кто-то. Только на одинъ мигъ шевельнулись безкровныя губы и замерли... Глаза его округлились. Полные ужаса, они глядѣли прямо въ нѣдра тумана, гдѣ передъ ними какъ будто вздымались какія-то странныя чудовища бури и моря... Вотъ его обдало новою волною. На мигъ опустились вѣки и снова раскрылись еще шире.

— Да будетъ надъ тобой благость Господня... Да сохранитъ тебя сила Его!

И старикъ осторожно побрелъ въ лодку.

Шлюпка отплыла.

Онъ остался одинъ.

Ему не оторвать окаменѣвшей руки отъ мачты. Онъ неподвижно смотритъ все въ одну точку.

Вѣтромъ на минуту разорвало туманъ—зеленая полоса моря легла передъ его глазами... Вотъ на эту полосу выѣхала лодка, высоко подбрасываемая волнами.

— Прощай, Семенъ!—прозвучало оттуда.

— Прощай, хозяинъ!—пронесся печальный кличъ и порвался, отброшенный дикимъ порывомъ внезапно съ другой стороны налетѣвшаго вѣтра.

Какая-то тѣнь пробѣжала по неподвижному лицу. Не то усмѣшка, не то судорога... Круглые глаза словно застыли... Въ одно мгновеніе черты его посинѣли и заострились.

— Прощай!—еще разъ донеслось издали...

А онъ все стоитъ.

Вотъ набѣжалъ новый валъ и смылъ съ палубы канатъ.

Вотъ подъ напоромъ волнъ, какъ умирающее чудовище, заскрипѣло судно и глубже сѣло на остріе скалы.

Вотъ шкуна повернулась къ другую сторону.

А онъ все стоитъ, глядя вдаль... неподвижный... окостенѣвшій...

Что-то шевельнулось около него... Неужели это живое существо? Кто-то крадется къ нему... тихо... ползкомъ крадется.

Что это?.. Кто охватываетъ его ноги, кто цѣлуетъ его руки?..

— Дядя, дядя!—слышится ему... Я остался съ тобою... Не бросилъ тебя... Погляди же... Ты всегда былъ добрый, да ласковый со мной... Дядя, ты не одинъ здѣсь!..

Кто-то беретъ его руку. Кто-то гладитъ его по лицу. Кто-то плачетъ около. Кто-то со лба его отбросилъ мокрые волосы, прилипшіе къ открытымъ вѣкамъ...

— Дядя, дядя! Что ты... Пойдемъ куда-нибудь отсюда!..

Кто трясетъ его?.. Кто охватилъ его голову?

Отчаянно вглядывается зуекъ въ неподвижныя очи человѣка—ни мысли въ нихъ, ни сознанія... Губы полураскрылись и замерли... Это трупъ, въ которомъ еще бьется и рвется въ клочки измученное сердце.

Онъ ничего не слышитъ.

Видитъ ли онъ что нибудь? Если видитъ, то не это

море, не этотъ туманъ, не это дѣтское, облитое слезами лицо.

Какъ онъ хрипитъ. Вотъ капли крови проступили на его блѣдныя губы.

Вотъ его обдала новая волна... Новый валъ прокатился по палубѣ—зуйка смыло въ море.

Разъ показался мальчикъ на морскомъ просторѣ—отчаянно взмахнулъ руками...

— Дядя, дядя!..—послышалось и замерло...

Вѣтеръ опять разорвалъ туманъ, далеко разорвалъ. Какая громадная полоса океана!.. А оттуда какія массы волнъ! И всѣ онѣ обрушатся на него... Каждая обдастъ своими брызгами это неподвижное лицо... Каждая прокатится по палубѣ и унесется вдаль...

А тамъ все новыя и новыя волны!..

* *
*

Ослѣпительнымъ яркимъ свѣтомъ сіяетъ море.

Солнце повисло въ зенитѣ и щедро обливаетъ его лѣтними лучами. Въ самомъ центрѣ этого блестящаго круга темнѣетъ какая-то точка и сѣрыя очертанія дикихъ скалъ.

Волны улеглись вслѣдъ за упавшимъ вѣтромъ. Туманъ разсѣялся въ воздухѣ. Неподалеку отъ суроваго острова чернѣетъ на безмятежной морской равнинѣ разбитая, сѣвшая на скалу шкуна. Какъ тихо отражается она на зеркальной поверхности океана... Каждый обломокъ дерева, каждый лоскутъ паруса рѣзко очерченъ въ этой влагѣ. Какъ ласково охватило море эту безмолвную жертву!

У мачты такъ-же неподвижно, какъ и во время бури, стоитъ человѣкъ,

Солнце высушило его платье и лицо. Волосы отъ зноя давно прилипли ко лбу его и вѣкамъ. Сквозь нихъ видны мертвые, застывшіе въ одномъ выраженіи ужаса, глаза... Только грудь едва шевелится, словно тамъ теплится послѣдняя робкая искра жизни, волнуется и бьется послѣдняя струйка крови.

Вотъ бѣлоснѣжная чайка, эта ласточка дикаго моря, подлетѣла къ человѣку. Безъ страха заглянула она въ его неподвижныя очи, еще ближе проникла къ его лицу и съ рѣзкимъ крикомъ взмахнула крыльями... Какъ она машетъ ими, словно желая разбудить его... Они напрасно хлопаютъ по окостенѣвшему лицу—оно все также мертво и безумно. Вотъ чайка сѣла ему на голову и покойно чиститъ перья клювомъ... Вотъ она снова крикнула и, блеснувъ серебряной искрой, исчезла въ недосягаемой вышинѣ.

А человѣкъ стоитъ все тамъ же. Другой такой же головою внизъ опрокинулся въ зеркалѣ голубого моря и тоже смотритъ въ безконечную даль... Вотъ вблизи плеснула рыба... широкіе круги расплылись по водѣ... Человѣкъ внизу дрогнулъ и закачался... морщинка пробѣжала по лицу его... Человѣкъ на верху остался неподвиженъ.

Вотъ издали показались какія-то странныя очертанія... Цѣлое стадо тюленей проплыло мимо... Безучастно взглянули они на одинокаго врага и, круто свернувъ въ сторону, исчезли въ морѣ.

Послышался трескъ... Часть шкуны упала въ море. Цѣлый вихрь брызгъ и пѣны поднялся вверхъ... Корпусъ ея на минуту дрогнулъ и измѣнилъ свое положеніе... Человѣкъ у мачты какъ будто осѣлъ. Человѣкъ въ водѣ—тоже. Но лица обоихъ все также неподвижны.

А день сіяетъ лаской и нѣгой надъ тихимъ моремъ.

Солнце покойно опускается внизъ.

Чу... потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ. Легкою рябью подернулась зеркальная гладь. Человѣкъ въ водѣ заколыхался и исчезъ. Едва замѣтныя волны потянулись съ востока.

На нихъ, медленно колыхаясь, несется къ судну какой-то одинокій пловецъ, привязанный къ обломку мачты.

Лицо его обращено къ синему небу, руки неподвижно лежатъ на поверхности моря. Черная, словно бронзовая голова то опускается, то подымается...

Ближе и ближе...

Вотъ его прибило волною къ подводному утесу... Его остановило у обломковъ шкуны... Онъ медленно колышется... А лицо все также обращено къ небу и руки неподвижны.

Видитъ ли человѣкъ съ судна—человѣка въ водѣ?

Мертвый взглядъ послѣдняго узналъ ли своего хозяина?

Алый отблескъ зари охватилъ всю окрестность нѣжнымъ, словно трепетавшимъ свѣтомъ... Какимъ румянцемъ обдалъ онъ два эти трупа!.. Какую новую жизнь далъ ихъ окостенѣвшимъ лицамъ!

Что они видятъ теперь: одинъ—въ этомъ золотисто-розовомъ просторѣ неба, другой—въ этомъ багряномъ отблескѣ моря?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Затерянные въ океанѣ (Очеркъ). 3

II. У плеса. (Въ сѣверномъ захолустьѣ). 26

III. Міроѣдъ. 38

IV. Васька Быковъ 51

Аргусъ. 51

Путь по льдинамъ. 68

На разбитой шкунѣ. 84

Южный вѣтеръ. 93

Варде-хузскіе пираты 101

Васька Быковъ на варакахъ 128

Изъ-за чужого добра. 141

Гости съ другой стороны. 152

V. Морская драма (Очеркъ). 159